

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ВЫПУСК

8

НАЛЬЧИК • 2018

УДК 902(470.6)+39(470.6)
ББК 63.48(235.7)+63.529(235.7)
А87

Ответственные редакторы:

доктор исторических наук
Бгажноков Барасби Хачимович

кандидат исторических наук, доцент
Фоменко Владимир Александрович

А87 Археология и этнология Северного Кавказа. Выпуск 8. – Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 138 с.

Очередной номер сборника включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии и этнологии Северного Кавказа. В издании публикуются материалы древних и средневековых памятников Северного Кавказа, а также региональные этнологические исследования; рассматриваются проблемы средневековой истории народов Кабардино-Балкарии и сопредельных регионов.

Издание рассчитано на научных и музейных работников, преподавателей, краеведов, широкую аудиторию читателей.

На обложке изображение серебряной рельефной пластины из горита с золотыми накладками (Семибратний курган, № 2. Раскопки В.Г. Тизенгаузена, 1875–1876. Эрмитаж); на титульной странице – серебряный позолоченный фалар (курган у г. Кореновска, 1968. Краснодарский музей).

THE INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH –
Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment
«Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences»

ARCHAEOLOGY
AND
ETHNOLOGY
OF THE NORTH
CAUCASUS

ISSUE

8

NALCHIK • 2018

UDK 902(470.6)+39(470.6)
BBK 63.48(235.7) + 63.529(235.7)
A87

Editors-in-chief:

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich,
Doctor of Historical Sciences

Fomenko Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Historical Sciences, assistant professor

A87 Archaeology and ethnology of the North Caucasus. Issue 8. –
Nalchik: Publishing Department of the IHR KBSC RAS, 2018. – 138 p.

Last number of collection includes articles developing topical questions of archaeology and ethnology of the North Caucasus. Materials of ancient and medieval monuments of the North Caucasus and also regional ethnological researches are published in the issue. The problems of medieval history of people of Kabardino-Balkaria and adjacent regions are examined.

The issue is addressed to scientists, museum staff, lecturers, local historians, vast audience of readers.

There is a picture of silver relief lamination of gorytos with gold plate caps (Semibratniy mound № 2. Diggings of V.G. Tizengauzen, 1875–1876. The Hermitage Museum); there is a silver gilt plate (mound near Korenovsk town, 1968. Krasnodar museum).

СОДЕРЖАНИЕ

Древняя история и археология

<i>Бгажноков Б.Х.</i> (Нальчик). К вопросу о происхождении и ранней истории майкопско-анатолийских племен	7
<i>Бурков С.Б.</i> (Владикавказ). Древности Чечни сарматского времени в работах В.А. Петренко	19
<i>Новичихин А.М.</i> (Анапа). Каменные кресты долины Сукко	34
<i>Прокопенко Ю.А.</i> (Ставрополь). Элементы античного культа мертвых в погребальной обрядности населения – носителей культуры склеповых захоронений Центрального Предкавказья III–II вв. до н.э.	44
<i>Фоменко В.А.</i> (Нальчик). Дольмены Западного Кавказа: современный этап изучения	51
<i>Шаов А.Р.</i> (Нальчик). Роль скифов в культурогенезе каменноостско-березовской (западнокобанской) культуры	60

Этнология

<i>Озова Ф.А.</i> (Черкесск). Черкесское православие: институциональный аспект	70
<i>Остахов А.А.</i> (Североморск). Кризис рукопашного боя черкесов в эпоху Кавказской войны (1765–1864)	96
<i>Джумагулова А.Т.</i> (Ессентуки). Отражение истории ногайцев в фольклоре	102
<i>Абаева А.М.</i> (Нальчик). Путешествие немецкого офицера Карла Штюккера в Черкесию (по материалам немецкого журнала XIX века «Das Ausland»)	111

Дискуссии

<i>Хакуашева М.А.</i> (Нальчик). О некоторых аспектах современного кризиса национальных языков КБР	118
Сведения об авторах	133

CONTENT

Ancient history and archaeology

<i>Bgazhnokov B.H.</i> (Nalchik). To the question of the origin and early history of the maikop-anatolian tribes	7
<i>Burkov C.B.</i> (Vladikavkaz). Sarmatian antiquities of Chechnya in the works of V.A. Petrenko	19
<i>Novichikhin A.M.</i> (Anapa). The stone crosses in the Sukko valley	34
<i>Prokopenko Yu.A.</i> (Stavropol). Elements of the ancient cult of the dead in the funeral rites of the population – media culture Central Ciscaucasia crypt burials of III–II centuries BC	44
<i>Fomenko V.A.</i> (Nalchik). Western Caucasian culture of dolmen builders	51
<i>Shaov A.R.</i> (Nalchik). The role scythians in culturogenesis kamennomost-berezovsk (west-koban) culture	60

Ethnology

<i>Ozova F.A.</i> (Cherkessk). Circassian Orthodoxy: The Institutional Aspect	70
<i>Ostakhov A.A.</i> (Severomorsk). The crisis of hand combat of the circassians in the era of Caucasian war (1765–1864)	96
<i>Dzhumagulova A.T.</i> (Yessentuki). Reflection of the history nogai in folklore ...	102
<i>Abaeva A.M.</i> (Nalchik). Travel of german officer Carl Stücker to Circassia (on materials of the german magazine of the XIX-th century «Das Ausland»)	111

Discussions

<i>Hakuasheva M.A.</i> (Nalchik) On some aspects of the current crisis national languages KBR	118
The authors of this issue	135

Б.Х. Бгажноков
(г. Нальчик)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАННЕЙ ИСТОРИИ МАЙКОПСКО-АНАТОЛИЙСКИХ ПЛЕМЕН

Ставится вопрос о вероятности формирования в период мезолита двух ветвей протохаттского населения: анатолийской и кавказской. Акцентируется внимание на существовании двух семантически не вполне равноценных названий майкопско-анатолийских племен: *хатты* и *каска*, на участии хатто-каскайцев в развитии майкопской археологической культуры, в этногенезе и этнической истории кавказских народов, известных сейчас под названиями черкесов, абхазов, абазин.

Ключевые слова: Анатолия, Кавказ, Передняя Азия, Юго-Восточная Европа, Черное море, хатты, каска (кашка), протоабхазо-черкесские племена, этногенез, этническая история.

1

Майкопско-анатолийскими мы называем древние племена, сформировавшиеся под влиянием хатто-абхазо-адыгского культурно-языкового взаимодействия и родства. С одной стороны, это открывает возможность акцентировать внимание на связи хаттов (каскасов, кашков, каскайцев) с майкопской археологической культурой Северного и Западного Кавказа, с древними цивилизациями и памятниками Циркумпонтийской металлургической провинции в Центральной Евразии. А с другой – фиксировать неоспоримое участие хатто-каскайцев в этногенезе и этнической истории кавказских народов, известных сейчас под названием черкесов, абхазов, абазин.

В конечном итоге такое наименование, а также последовательное разъяснение его историко-культурного содержания и применения, позволяет преодолеть некоторую односторонность и неопределенность в представлениях о кавказско-анатолийской контактной зоне в древности. В том числе и неопределенность в отношении историко-культурного содержания этнонимов *хатты* и *каска* (кашка). В нашем понимании, из двух семантически не вполне равноценных названий хатто-абхазо-черкесских племен первый – *хатты* функционировал, главным образом, как самоназвание (эндоэтноним), как способ самоидентификации кавказско-анатолийской общности, связанной узами этнического родства. Второй – *каска/кашки/каскайцы* выполнял функции экзоэтнонима – термина, который применялся к майкопско-анатолийским племенам представителями других, прежде всего соседних народов. Он возник и активно использовался преимущественно в среде индоевропейцев, с которыми хатты на-

ходились в постоянном контакте, в том числе на востоке – в Месопотамии, Иране, Анатолии и в Европе – в Приазовье, Северном Причерноморье, Карпатах.

Из этого следует также, что широко распространенное мнение, согласно которому этноним *каска*/*каскайцы* является обозначением одного из хаттских племен на северо-востоке Анатолии, не совсем точно отражает историко-культурное содержание данного термина¹. На самом деле, это индоиранское название хатто-абхазо-адыгских племен, фактически, синоним этнического имени хатты. Судя по всему, этноним *каска* восходит к индийскому *kas* – «сверкать, сиять», *kasih* – «солнце, свет, сияние»² и соотносится с названием Бога луны у хаттов – *Каску*. Отсюда внутренняя форма этнонима *каска* и соответствующие коннотации слова, ставшего индоевропейским названием хаттов – «почитающий луну народ»³ или «сияющий, луноподобный народ». По характеру используемого языка такое название переключается с семантикой термина *хатты*, в котором первый элемент *хвэ* восходит к значению «жизнь», «живое», а второй *-т-* соотносим, как и в индоевропейских языках, со значением «давать» и, таким образом, закрепляет в языковом сознании термин с внутренней формой «животворящий», «жизнеутверждающий»⁴.

Следует сказать здесь еще и о том, что корень *kas* лежит и в основе названия *касситов*, которые правили Вавилоном во второй половине II тыс. до н.э. Отсюда происходит также имя главного божества *касситов* – *Каишу*. Эти факты позволяют думать, что *касситы* являются ответвлением хатто-каскайцев, смешавшимися с населением Вавилона, к этому времени преимущественно ираноязычным. Надо отметить в этой связи, что первоначальный центр *касситов* находился не в горах Загроса, как принято думать⁵, а на северо-востоке Малой Азии⁶. Насколько мы понимаем, в верховьях Евфрата и в его среднем течении, вдоль впадающей в нее справа реки Хабур.

Отсюда, кроме того, высказывавшаяся неоднократно мысль о возможной внутренней связи *касситского* языка с хаттским и соответственно с *касским* языком⁷. Что неизбежно ставит и вопрос о характере взаимодействия *касситского* языка с абхазо-черкесскими языками. Так, Б. Грозни считает язык *касситов* одним из древних кавказских языков и усматривает прямую связь между *касситами* Передней Азии и *касогами* Кавказа⁸. По-видимому, из множества кавказских языков, прежде всего, именно проточеркесский язык был наиболее тесно связан с древним, еще не иранизированным *касситским* языком. Поэтому, касаясь этой гипотезы, и фактически поддерживая ее, И. Алиев пишет: «Кашков, сближаемых с *касситами*, нередко в научной литературе связывают с северокавказским народом – черкесами, называемых грузинами *kasag* (древнерусск.: *касоги*)»⁹.

Очевидна эвристическая значимость изложенного подхода к этногенезу и этнической истории хатто-абхазо-адыгских племен. По всей веро-

ятности, кавказско-анатолийская (хатто-абхазо-черкесская) культурно-языковая общность сложилась задолго до формирования майкопской культуры, до последнего глобального потепления и таяния ледников в IX тыс. до н.э., то есть еще в период мезолита. Размеры Черного, тогда, возможно, еще не моря, а озера были гораздо меньше нынешних, и потому контакты и культурные связи родственных племен Малой Азии и Северо-Западного Кавказа были более естественными, доступными, органичными.

Последовавший за этим прорыв Мраморного моря и подъем воды в Черном море (более чем на 100 метров) разделил майкопско-анатолийскую общность. Вследствие этого разошлись и сформировались отдельно две ветви протохаттских племен – *анатолийская* и *кавказская*. Культурная и языковая связь между ними устанавливается сейчас только благодаря специальным изысканиям, начало которым положили труды Е. Форрера и Б. Грозного¹⁰, а в отечественной науке работы И.М. Дунаевской, И.М. Дьяконова, В.В. Иванова, В.Г. Ардзинба и др.

В свою очередь, кавказская культурно-языковая ветвь разделилась на две подгруппы. Первая из них протоабхазская на Юго-Восточном побережье Черного моря и в Центральном Предкавказье (нынешние абхазы и абзины). Вторая – проточеркесская на Северо-Западном и Северном Кавказе и в Северном Причерноморье (Табл. 1). На ее основе сформировались кабардинцы (включая нынешних черкесов), адыгейцы (кяхи), убыхи. Очевидная близость между этими подгруппами позволяет говорить о том, что абхазо-адыгские языки на Кавказе обособились друг от друга гораздо позже, чем от хаттского в Анатолии. На наш взгляд, взаимное обособление абхазо-абазинских и адыгских этнических групп и языков могло состояться не раньше IV тыс. до н.э. Есть мнение, что это могло произойти еще позже – в III–II тыс. до н.э.¹¹ Думаю, следует принять эту дату как наиболее вероятную.

Табл. 1. Этапы этнического развития майкопско-анатолийских племен

Майкопско-анатолийская концепция раннего этногенеза абхазо-адыгских народов отвечает уровню современных знаний о древнейшей истории евразийского континента. Она согласуется с данными о формировании понтийского типа на Кавказе во взаимодействии с группами племен Передней Азии и Европы. Становятся объяснимыми причины и условия формирования сходных черт не только во внешнем облике, но и в языке, в материальной и духовной культуре жителей Передней Азии, Северного Кавказа, Юго-Восточной Европы.

По мнению В.В. Бунака, понтийский тип сформировался в неолите в результате воздействия на местное население племен Малой Азии. Они распространялись, по его мнению, вдоль восточного побережья Черного моря, проникая еще дальше вглубь Северного Кавказа¹². С.Н. Корневский рассматривает и другие, наиболее «доказуемые археологическими материалами» пути, которыми жители Передней Азии направлялись в Предкавказье. Это перевалы Центрального Кавказа и верховья Кубани, а на восточном фланге Большого Кавказа Кодорский перевал¹³.

Благодаря этому, как принято считать, майкопско-анатолийские племена испытали на себе определенное влияние богатой культуры древнейших культур и цивилизаций Месопотамии – Халафа, Гавра, Эль Убейда (Шумера). Отмечается, что еще до становления майкопской культуры переднеазиатские племена принесли с собой традиции изготовления круговой керамики. По пути на Северный Кавказ эти традиции фиксируются в памятниках докуро-аракского периода Южного Кавказа: Лейла-тепе в Азербайджане, Бериклдееби в Грузии, Техут в Армении и др.

В этой же плоскости рассматривается обилие бирюзы и лазурита в курганных могильниках Северного Кавказа. По мнению М. Ивановой, Северо-Западный Иран и юг Центральной Азии, где в большом количестве добывались эти минералы, были в гораздо большей степени связаны с Северным Кавказом, чем Месопотамия, откуда осуществлялась, как полагают, так называемая Урукская культурная экспансия¹⁴.

Высказывается мысль о том, что в раннем бронзовом веке в окрестностях озера Урмия сформировалась ирано-кавказская контактная зона, которая в своем движении на север привела к возникновению майкопской культуры, ознаменовавшейся появлением целого ряда культурных новаций, достигших Восточной Европы¹⁵.

Еще раньше аналогичный взгляд на специфику майкопско-переднеазиатских связей был предложен В.А. Трифоновым и А.Д. Резепкиным, но, правда, с акцентом на прямо противоположном направлении культурных влияний, новаций и миграций – с Северного Кавказа через Азербайджан в регионы северо-западного Ирана. Как памятники майкопского типа, возникшие в условиях «единой культурной среды» или «культурного единства Северного Кавказа и Передней Азии» рассматривает В.А. Трифонов десятки сооружений, относящихся к эпохе ранней и средней бронзы (3700–3200 до н.э.) в Си Гирдан, Лейлан и Брак на северо-западе Ирана и в Арслан-тепе на востоке Турции¹⁶. В 1968–1969 гг. в местности Си Гирдан в 30 км от озера Урмия О. Мускарэлла раскопал шесть курганов¹⁷, которые, как выяснилось позже, были майкопскими во

всех отношениях – по масштабу и конструкции насыпей, погребальному обряду, составу и типам инвентаря. Повторяется величина и конфигурация курганов, форма и пропорции каменных гробниц с галечной (булыжной) вымосткой. Положение покойников, как и у майкопцев на правом боку в позе адорации, под густым слоем охры. Найден фрагмент серебряного сосуда, напоминающий знаменитые серебряные кубки из майкопского кургана Ошад, а также в большом количестве, выполненная в майкопском стиле лощенная круглодонная керамическая посуда со следами применения медленного гончарного круга¹⁸.

Поразительное сходство обнаруживают бронзовые топоры и тесла Си Гирдана, ничем практически не отличаясь от тех, что найдены на Северном Кавказе: в Лечинкае (Кабардино-Балкария), в кургане Ошад (Адыгея)¹⁹. Обращают внимание и на другие совпадения. На очертания пары собачек, отлитых из бронзы и серебра, из новосвободненских гробниц и на изображения собачек на месопотамских, сузанских и иранских печатях, на сходство известных фигурок в позе адорации на крюке с изображениями на месопотамских рельефах и печатях и др.²⁰

В.А. Трифонов считает «преждевременным и едва ли правомерным» говорить в данной связи о перемещении каких-либо групп северокавказского – «майкопского» населения Кавказа в приурмийскую область и в противоположном направлении²¹. А.Д. Резепкин, в отличие от этого, рассматривает эти факты как прямое свидетельство миграции северокавказцев, носителей майкопской культуры на Восток. По его словам, характер курганных насыпей и погребального обряда в местности Си Гирдан позволяет считать, что эти памятники «были оставлены носителями позднего этапа майкопской культуры, продвинувшимися с земель Северного Кавказа через территорию Азербайджана в область Переднего Востока»²².

Не исключено, что этим же путем распространялись элементы майкопской культуры еще дальше в сирийско-анатолийские районы, что этот канал взаимодействия и обмена между Кавказом и Передней Азией оказал определенное влияние и на историю хатто-каскайских племен, на сложные процессы этнической сепарации, парциации и консолидации внутри майкопско-анатолийского населения. В частности, касситский народ сформировался, насколько мы понимаем, в результате отделения (сепарации) части анатолийских хаттов (хатто-каскайцев) и в процессе его взаимодействия и консолидации как с народами Месопотамии, так и с хатто-каскайцами Кавказа.

Заслуживает внимания в данной связи и пышный погребальный обряд тринадцати «Царских гробниц» Аладжа-Хююка на территории современной Турции. Они датируются первой половиной III тыс. до н.э. и являются, несомненно, памятником культуры анатолийских хаттов. Останки лежали в могилах на правом боку, в характерной для майкопа позе адорации головой на юг. Рядом с покойниками располагалось множество металлических, в том числе золотых изделий, напоминающих находки из майкопского кургана Ошад. В их числе сосуды, ювелирные изделия, оружие. Большую известность получили солнечные диски, напоминающие найденный в кургане Ошад скипетр из пучка

золотых и серебряных стрел с насаженными на них бычками. С некоторой долей сомнения можно сказать и о майкопском происхождении металлических изделий Чатал-Хююка, напоминающих цилиндрические печати. Во всяком случае, они очень похожи на изготовленные из камня майкопско-северо-кавказские образцы²³ и в меньшей степени на месопотамские.

В любом случае, очень похоже, что весь этот культурный комплекс был привнесен с Северного Кавказа, из центров развития майкопской археологической культуры²⁴.

Но, возможно, майкопское культурное воздействие осуществлялось в данном случае не прямо через Западный Кавказ, а через установившийся канал связи с ирано-северокавказской контактной зоной, под влиянием которой, позднее, во второй половине II тыс. до н.э. сформировался касситский этнос.

Активно взаимодействовали майкопско-анатолийские племена и с праиндоевропейским населением Европы. В период энеолита особенно тесно они были связаны с племенами трипольской культуры в областях Северного и Западного Причерноморья, включая культуру Кукутени в Восточной Румынии. Широко известны также связи майкопско-анатолийских племен с Юго-Восточной Европой, с индоевропейским населением Понтийско-Прикаспийских областей, включая Приманычье, степи Калмыкии, Приазовье, Поднепровье. В захоронениях этих областей находят обычные для майкопской культуры захоронения человека, лежащего скорченным на правом боку с руками у лица (поза зародыша или адорации), а также изготовленные на необычайно высоком для того времени уровне керамические, металлические (в том числе ювелирные) изделия майкопского производства.

В связи с распространением майкопской культуры в Юго-Восточной Европе широкое признание получила концепция «степного майкопа», в рамках которой отмечают обратные, степные влияния на развитие Северного Кавказа²⁵. Особенно в той части, которая касается распространения здесь курганных могильников. По мнению В.А. Трифонова, в целом распространение элементов майкопской культуры в Юго-Восточной Европе, особенно между Нижним Днепром и Бугом «можно рассматривать как результат инфильтрации связанного с ней населения»²⁶, то есть населения, которое можно рассматривать как майкопско-анатолийское или хатто-каскайское.

В зоне активного культурного взаимодействия с майкопцами находилось, как полагает С. Хансен, население всей Западной Европы вплоть до Атлантики²⁷. Но полной ясности в характере отношений майкопцев с племенами Центральной и Северной Европы пока нет. С культурой воронковидных кубков в этих областях сближает майкоп традиция курганных захоронений, характер мегалитических сооружений, форма и способы изготовления изделий из керамики. В наибольшей степени совокупность всех подобных признаков присуща Новосвободненским и Нальчикским памятникам неолитического периода. И это побуждает некоторых исследователей (А.Д. Резепкин и др.) признать участие индоевропейцев (до их распада и разобщения) в формировании новосво-

бодненского этапа и варианта майкопской культуры, а в дальнейшем и в развитии необычайно выразительной дольменной культуры. Что согласуется в целом с концепцией экспансии индоевропейских племен²⁸, их тесного взаимодействия с создателями майкопской культуры, а в дальнейшем и с их потомками, носителями дольменной, северокавказской, кобанской культур.

В течение длительного времени Кавказ оставался «страной», с которой индоевропейцы щедро делились своими культурными находками и достижениями, получая взамен не менее щедрые дары и уроки восточной цивилизации. Можно вспомнить в данной связи большое число базовых лексических единиц общих как для черкесов, так и для различных групп индоевропейского населения. В их числе такие слова и понятия, как *уэркъ* – «сословие профессиональных воинов-всадников», *махъсымэ* – национальный хмельной напиток, *быгу* – название быка-производителя у шапсугов, *ажэ* – «козел», *шы* – «лошадь», *нысэ* – «сноха, невестка», *уэщ* – «топор» и множество других. Общее число таких слов достигает как минимум нескольких сотен.

Во взаимодействии с индоевропейцами северокавказцы приручили лошадь. Об этом свидетельствуют древнейшие находки домашней лошади в Северном Причерноморье и в ареале от Дона до Заволжья²⁹. Отсюда индоевропейское происхождение названия лошади³⁰ и культ коня у всех северокавказских народов. В индоиранско-северокавказской контактной зоне сформировалась всадническая культура, которую во второй половине II тыс. до н.э. племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа привнесли (в ходе миграции) в Переднюю Азию и Индию. В их числе были «конеvodческие подвижные и активные племена белозерской культуры», господствовавшие в южнорусских степях и на Северном Кавказе³¹.

С движением этих племен в Закавказье и в Переднюю Азию связывают обычно близость археологических комплексов (прежде всего металлических изделий – луристанская и кобанская бронза) северо-западных областей Ирана и Северного Кавказа³². Мотивы всадника и коня в этих комплексах занимают центральное место.

Известно, что у черкесов всадническая культура была доведена до совершенства и сохранялась вплоть до середины XX столетия, а черкесская конница была признана одной из лучших в мире. И в связи с этим следует сказать, что в истории черкесов всадническая культура предстает как важнейший социальный институт, как особая, разветвленная ценностно-нормативная система использования верховой езды, включавшая в себя множество взаимосвязанных компонентов. В их числе:

- методика вскармливания будущих скакунов и традиции выращивания особых пород, приспособленных к условиям повседневного, прежде всего военного быта,
- забота о сохранении чистоты этих пород,
- выездка и тренировка скакунов, приближенная к условиям боевых действий,
- высокое искусство изготовления седла, боевого всаднического пояса с бляхой, конской сбруи, украшений в виде бляшек,

– культ коня, его посвящение и захоронение вместе с умершим или погибшим всадником и т.д.

Большие требования предъявлялись к самому наезднику. К манере держаться в седле, к освоению всех видов и приемов верховой езды и управления боевым конем; отработке специфических приемов, позволяющих одержать верх над противником³³.

Особого внимания заслуживает и всаднический этикет. У черкесов он был хорошо, во всех деталях разработан как совокупность наполненных нравственным содержанием правил поведения всадников в обществе, во всех типовых социальных ситуациях. Например, желая вступить в разговор с женщиной или старшим по возрасту или рангу мужчиной, всадник обязан был сначала спешиться (как минимум, – привстать на стременах). Встретив в пути женщину (пожилого мужчину), всадник также спешивался – обычно за 30–40 метров до приближения к ней.

Большое место занимали в системе всаднической культуры взаимное соответствие смелости, стойкости и воинской выучки всадника и коня, их крепкая и трогательная дружба. Этой дружбе посвящались исторические рассказы, легенды, героические песни, а имена знаменитых боевых коней были известны также точно, как имена храбрых наездников. В многочисленных песнях и преданиях черкесов воспет *Жаманшэрык* – верный конь и сподвижник Андемыркана, самого известного рыцаря Кабарды, жившего в первой половине XVI века. Рассказывают, что многочисленные враги и завистники Андемыркана сумели одолеть его, только заманив на охоту без его верного коня, которого предусмотрительно крепко заперли. Андемыркан умер стоя, опершись на меч с именем Жаманшэрыка на устах³⁴.

3

Все вышесказанное свидетельствует еще и о том, что по всей вероятности, майкопско-анатолийская общность включала в себя не только хатто-каскайские, но и другие племенные группы, особенно в районах, граничащих с Южным и Северным Причерноморьем, Северным и Западным и Восточным Кавказом.

Находясь в одной контактной зоне с населением Передней Азии и Юго-Восточной Европы и сохраняя основы этнического, языкового родства, майкопско-анатолийское население сближалось постепенно с ним как по своему внешнему облику, так и по некоторым характерным элементам культуры.

По-видимому, в III тыс. до н.э. физический, *понтский*, тип кавказской ветви майкопско-анатолийских племен сложился во всех своих основных чертах. К числу наиболее характерных черт понтского типа относится большая длина тела, малая ширина лба, узкое, высокое и средневысокое лицо, умеренное развитие волос на груди и на лице. Отмечается, кроме того, малая длина и большая ширина носа, толстые губы, прямые волосы, светлые глаза, малая ширина глазной щели, прямой лоб, резко выступающий подбородок и др.

В Восточной Черкесии эти черты соединяются с некоторыми признаками *кавказионской* разновидности переднеазиатского типа. Среди них встречающиеся особенно у кабардинцев и бесленейцев такие черты, как широкое и умеренно высокое лицо, толстые губы, большое развитие волос на груди и лице, карие глаза, широкий разрез глазной щели, умеренный наклон лба, опущенный иногда с горбинкой кончик носа и др.

Трансформация понтийского типа в смешанный с переднеазиатским типом кавказионский обнаружилась также в ходе исследований, основанных на сравнении признаков кожного рельефа ладоней (дерматоглифика).

К настоящему времени соотносимая с понтийским типом индосредиземноморской расы «черкесская краниологическая серия» эпохи бронзы обнаружена и на Западном Кавказе и на обширной территории, охватывающей пространство между Прикубаньем и Терекком. М.Г. Абдушелишвили называет его местным «адыгским типом», включая сюда кабардинцев, адыгейцев, черкесов, абазин³⁵. Сравнивая особенности антропологического типа восточных адыгов с соответствующими месту их обитания палеоантропологическими материалами, В.П. Алексеев приходит к выводу о том, что «преемственность современных кабардинцев и бесленейцев с древними жителями Центрального Предкавказья восходит по меньшей мере к эпохе поздней бронзы – началу I тысячелетия до нашей эры»³⁶.

Становится понятным, в конечном счете, что жители Центрального Предкавказья и Прикубанья еще в предмайкопский период, в эпоху энеолита и ранней бронзы были объединены в одну культурно-языковую и территориальную общность, преемственность которой сохранялась вплоть до периода Нового времени. И это, кроме всего прочего, существенно дополняет и корректирует недостаточно аргументированную гипотезу переселения черкесов с Западного Кавказа на восток, в районы Пятигорья и Нижнего Притеречья в XIII–XIV вв. н.э.

Е.И. Крупнов подчеркивал в данной связи, что единство языка и культуры основного ядра носителей майкопской культуры и их потомков между населением бассейнов Терека и Кубани не прерывалось на Кавказе никогда. И в I тысячелетии до н.э., когда «самобытное развитие местных обществ протекало в условиях частичного включения в местную кавказскую среду инородных для Кавказа этнических элементов – ираноязычных (скифов)»³⁷. И в эпоху раннего средневековья, когда исторический процесс «завершился здесь сложением мощных этнических образований – алано-осского и адыго-черкесо-кабардинского»³⁸.

Весьма показательна в этом отношении история киммерийцев. А.Б. Башмаков пишет, что они приняли язык и культуру местных черкесских племен³⁹. Но фактически это группа протомеотских племен, носителей каменномоетско-березовского варианта кобанской культуры⁴⁰. Не случайно киммерийцев называли гимирами (*gimir*), включая их тем самым в число местных, кавказских народов, ведущих свое происхождение от Яфета и его сына Гомера. В период Средневековья потомки киммеро-меотских племен вошли в состав Черкесии под названием *кэмгуий* – «кемгуй» или темиргойцев.

Все это свидетельствует о том, что при рассмотрении как ранней, так и средневековой истории абхазо-адыгских народов, не стоит преувеличивать значение миграции на Северный Кавказ как переднеазиатского, так и европейского населения. Находясь с народами Передней Азии и Юго-Восточной Европы в одной контактной зоне, майкопско-анатолийское население сохраняло основы этнического, языкового родства. Поэтому едва ли правомерно излишне механистическое толкование процесса возникновения майкопской культуры, как занесенного на Кавказ пришельцами – физическими лицами, передавшими местному населению новые неведомые до этого знания и навыки. Не вполне оправдана и тенденция представления майкопско-новосвободненских памятников, как периферии, удаленной части блока ближневосточно-кавказских или европейских культур, отказывая им в самостоятельном развитии. Кроме всего прочего это, как правильно замечено В.А. Фоменко, «не способствует установлению истины в вопросе этнической принадлежности носителей майкопской культуры», дезавуирует актуальную в настоящее время проблему связи майкопских древностей с северо-кавказским регионом, «с историей местного, автохтонного населения»⁴¹.

Наряду с этим, надо сказать, безусловно, очень высока и заслуживает пристального внимания вероятность регулярного перемещения отдельных групп населения из Передней Азии и Европы на Северный Кавказ – и в обратном направлении. В том числе и в той недостаточно учтенной, не всегда и не вполне признаваемой некоторыми авторами части, которая касается генетического родства народов Передней Азии с абхазо-адыгскими народами, с народами Кавказа в целом. Но, как подчеркнуто выше, акцент должен быть сделан во всех этих случаях не на актах масштабной миграции, а на культурном взаимодействии майкопско-анатолийского, переднеазиатского и восточноевропейского населения, в рамках которого активизировались процессы инфильтрации одних этнических групп в другие, взаимный обмен и естественное движение средств и способов материального и духовного производства.

Примечания

¹ *Singer I.* Hittites and Hattians in Anatolia at the Beginning of the Second Millennium B.C. // *Journal of Indo-European Studies.* 1981. 9.

² *König Fr.W.* Der Burgbau zu Susa. Nach dem Bauberichte des Königs Dareios I. Leipzig, 1930. S. 62.

³ *Гиоргадзе Г.Г.* К вопросу о локализации и языковой структуре касских этнических и географических названий // *Переднеазиатский сборник.* Вып. 1. Вопросы хеттологии и хуритологии. М., 1961. С. 209–210.

⁴ *Бгажноков Б.Х.* Культ собаки и семантика хъэ в языковом сознании черкесов // *Вестник КБИГИ.* Нальчик, 2016. № 1 (28). С. 18.

⁵ См. напр.: *Бауэр С.У.* История Древнего мира. От истоков цивилизации до падения Рима. М., 2011. С. 216.

⁶ *Jaritz K.* Die Kulturreste der Kassiten // *Anthropos.* Bd. 55. Wien, 1960. S. 850.

⁷ *Forrer E.* Stratification des Langues et des peuples dans le Proche-Orient prehistorique // *Journal Asiatique*, CCXVII, 1930. P. 230; *Jaritz K.* Kassitische Sprachreste // *Anthropos*. Bd. 52. № 5–6. 1957. S. 852.

⁸ *Hrozny B.* Ancient history of Western Asia, India, and Grete. New-York, 1953. P. 2.

⁹ *Алиев И.* История Мидии. Баку, 1960. С. 81.

¹⁰ *Hrozni B.* Über die Völker und Sprachen des alten Chatti-Landes // *Boghas-koi-Studien*, 5, 1920; *Forrer E.* Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches. // *Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft*. Leipzig. 1922. 1, 2.

¹¹ *Анчабадзе З.В.* История и культура древней Абхазии. М., 1964. С. 120–121; *Инал-Ипа Ш.Д.* Абхазы. Сухуми, 1965. С. 86.

¹² *Бунак В.В.* Черепка из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сб. трудов Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XIV. М.–Л., 1953.

¹³ *Кореневский С.Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. С. 92.

¹⁴ *Iwanowa M.* Kaukasus und Orient: Die Entstehung des "Maikop-Phänomens" im 4. Jt. v. Chr. // *Praehistorische Zeitschrift*. 2012, 87 (1). S. 2.

¹⁵ *Idem.* S. 23.

¹⁶ *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы Переднеазиатских связей майкопской культуры // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 192. М., 1987. С. 18–26.

¹⁷ *Muscarella O.-W.* The Tumuli at Se Girdan // *Metropolitan Museum Journal*. Vol. 2. 1969; *Idem.* The Tumuli at Se Girdan: Second Report // *Metropolitan Museum Journal*. Vol. 4. 1971.

¹⁸ *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры. С. 20; *Hansen S.* Gold and silver in the Maikop Culture // *Metalle der Macht – Frühes Gold und Silber. Metals of power – Early gold and silver*. Halle, 214. S. 392.

¹⁹ *Трифонов В.А.* Курганы майкопского типа в северо-западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб., 2000. С. 249.

²⁰ *Трифонов В.А.* Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры. С. 23.

²¹ *Трифонов В.А.* Курганы майкопского типа в северо-западном Иране. С. 261–262.

²² *Резепкин А.Д.* Новосвободненская культура (На основе материалов могильника Клады). Труды ИИМК РАН. Т. XXXVII. СПб., 2012. С. 114.

²³ *Нехаев А.А.* Погребение майкопской культуры из кургана у села Красновардейское // Советская археология. 1986. № 1. С. 246–247; *Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., Резепкин А.Д.* Поселение майкопской культуры «Чекон» // Археология и этнография понтийско-кавказского региона. Краснодар, 2013. С. 11.

²⁴ *Frankfort H.* The Art and Architecture of the Ancient Orient. New Haven and London, 1996. P. 231–233; *Acurgal E.* Die Kunst der Hethiter. München, 1979. S. 20; *Idem.* Hatti uygarlilari. Ankara, 2015. P. 7–8.

²⁵ *Нечитайло А.Л.* Специфика культурных групп Майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Л., 1991. С. 14.

²⁶ *Трифонов В.А.* Западные пределы распространения майкопской культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. № 3. 2014.

²⁷ Hansen S. Communication and exchange between the Northern Caucasus and Central Europe in the fourth millennium BC // Von Maikop bis Trialeti. Gewinnung und Verbreitung von Metallen und Obsidian in Kaukasien im 4.–2. Jt. V. Chr. Bonn, 2010. P. 297–316.

²⁸ Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans // London, 1989; Gimbutas M. The Civilization of the Goddess // San-Francisco, 1991.

²⁹ См. об этом: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. С. 558–559.

³⁰ Джаукян Г.Б. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967. С. 112; Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 114–115.

³¹ Алиев И. Рец.: Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970 // ВДИ, 1973, № 3.

³² Ghirshman R. Persia from the Origins to Alexander the Great, L., 1964.

³³ Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Нальчик, 1991; Бгъэжьнокъуэ Б. Шэркэс (адыгэ) шуджэгү лэужыгыгуэхэр (Конь и всадник в культуре адыгов) // Вестник КБИГИ. Нальчик, 2014. № 4 (23). С. 7–21.

³⁴ Адыгэ Иуэрыуатэхэр 2-нэ том. (Адыгский фольклор. Т. 2). Нальчик, 1989. С. 285–286.

³⁵ Абдушелишвили М.Г. Антропология древних и современных народов Кавказа // Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994. С. 44.

³⁶ Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование. М., 1974. С. 196.

³⁷ Круннов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 99.

³⁸ Там же.

³⁹ Baschmakoff A. Cinquante siecles devolution ethnique autour de la Mer noire. Paris, 1937. P. 140.

⁴⁰ Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (На примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984; Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.). Нальчик, 2015. С. 16.

⁴¹ Фоменко В.А. О некоторых тенденциях в изучении майкопской культуры // Современная наука и научные технологии. М., 2017, № 7. Серия: Гуманитарные науки. № 7. 2017. С. 44, 45.

V.H. BGAZHNOKOV

TO THE QUESTION OF THE ORIGIN AND EARLY HISTORY OF THE MAIKOP-ANATOLIAN TRIBES

Is raised the question about the probability of formation during the mesolithic period of two branches of the protohatts population: anatolian and caucasian. The attention is focused on the existence of two semantically not quite equivalent names of the maikop-anatolian tribes: the hatts and the casks, on the participation of hatt-caskey people in the development of the maikop archeological culture, ethnogenesis and ethnic history of the caucasian peoples, now known under the names of circassians, abkhazians, and abazins is considered.

Keywords: Anatolia, Caucasus, Front Asia, South-Eastern Europe, Black Sea, patts, caska, proto-abkhazian-circassian tribes, ethnogenesis, ethnic history.

С.Б. Бурков
(г. Владикавказ)

ДРЕВНОСТИ ЧЕЧНИ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В РАБОТАХ В.А. ПЕТРЕНКО

Статья посвящена представлению некоторой части результатов научно-исследовательской деятельности исследователя сармато-раннеаланских древностей Чечни В.А. Петренко.

Ключевые слова: древности, раскопки, научные публикации, исследования, могильники, погребения.

Одним из наиболее последовательных исследователей сарматских древностей Чечни может по-праву считаться В.А. Петренко. Из 55 опубликованных им научных, научно-популярных и иных работ¹, 1 относится к эпохе бронзы, 4 – являются публикациями научно-популярного плана, написанные им в соавторстве с В.Б. Виноградовым, 3 – рецензии, 2 – учебные программы, одна – редактирование учебной программы, две – плод совместного (с В.Б. Виноградовым и С.А. Дударевым) труда по написанию главы № 2 I тома проспекта «Истории Чечено-Ингушской АССР» и главы V в проспекте «История сельского населения и крестьянства с древнейших времён по XV век», и одна – участие в работе республиканской научно-пропагандистской конференции (в соавторстве с В.Б. Виноградовым, Б.М. Хашегульговым и С.Ц. Умаровым). Остальные 41 посвящены проблемам раннего железного века Чечни². В 1980 г. он успешно защищает (МГУ) кандидатскую диссертацию, основанную, в основном, на материалах горно-предгорной зоны III в. до н.э. – IV в.н.э.³ В ее основе – результаты экспедиционной деятельности В.А. Петренко в составе Предгорно-плоскостной археологической экспедиции (далее – ППАЭ) под руководством В.Б. Виноградова⁴.

Целью настоящего исследования является представление основных результатов его научных работ. В связи с тем, что его объем значителен, он был разделён на две части. В первой учтены публикации «малых форм»: это представление некоторых итогов полевой раскопной деятельности, а также тезисы докладов конференций, в которых в краткой форме эти результаты были апробированы, снабжённые рядом авторских комментариев. Вторая часть исследования, посвященная научным статьям и диссертационному труду, будет опубликована дополнительно.

Научными исследованиями В.А. Петренко начал заниматься ещё в студенчестве, когда в 1968 г. была опубликована его первая работа⁵. Самостоятельные раскопки приходятся на 1971 г., когда им был подготов-

лен и сдан в Отдел полевых исследований первый научный отчет, хотя ещё за несколько лет до этого он уже активно участвовал в них, работая совместно с В.Б. Виноградовым. В настоящее время в научно-отраслевом архиве ИА РАН хранится 13 подготовленных им полевых отчетов о работах на памятниках Чечено-Ингушетии. Информация о наиболее интересных находках и открытиях, сделанных им, содержится в публикациях в «Археологических открытиях» за 1970, 1972–1975, 1977, 1981, 1983, 1985 гг. Ниже представлены их основные результаты.

Так, в 1970 г. В.Б. Виноградов и В.А. Петренко опубликовали данные о результатах работ на грунтовом могильнике и территории Ханкальского городища № 2⁶. Согласно сведениям, опубликованным В.А. Петренко совместно с Р.А. Даутовой в «Археологических открытиях» за 1972 г., в районе с. Джалка и г. Гудермес в ходе археологической разведки были открыты могильники скифского и сарматского времени. В связи с тем, что данная заметка не содержала никаких подробностей, возникла необходимость обратиться к материалам отчета. В картотеке научно-отраслевого архива ИА АН РАН за этот год хранятся 2 отчета. Авторы первого – В.А. Петренко, Р.А. Даутова и В.Б. Виноградов, второго – В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев, Х.М. Мамаев и В.А. Петренко. В первом приведены только сведения о работах на средневековых памятниках⁷. Согласно тексту второго полевого отчета за 1972 г., во время прокладки трубопровода в с. Джалка было разрушено отдельное погребение, дата – II–IV вв. н.э. Обряд погребения был описан со слов очевидцев. Состав остальных работ: разведочные раскопки в с. Ахкинчу-Барзой и на горе Хаян-Корт. Сведения о последнем могильнике содержит текст заметки в «Археологических открытиях» за следующий, 1973 г. Кроме того, в отчете приведены данные о разрушении в марте 1971 г. грунтового могильника у с. Новогрозненского и доследовании 5 погребений, а также сборах многочисленных предметов из разрушенных захоронений. Информации о работах на могильнике в «Археологических открытиях» не публиковалось⁸.

В том же году во впускных погребениях курганов у ст. Шелковской были найдены отдельные предметы из разрушенных погребений, которые были условно сведены в 3 комплекса. На территории Алхан-Калинского городища был найден стеклянный сосуд сирийского производства. После находки в с. Ахкинчу-Барзой Ножай-Юртовского района бронзовых наконечника копья и браслет, в месте их обнаружения был заложен разведочный раскоп площадью 35 кв.м., в котором найдено полуразрушенное грунтовое погребение № 1 и погребение № 2 с угольной засыпкой. Дата могильника – X – конец VIII, возможно – начало VII вв. до н.э. Одинокое грунтовое погребение было разрушено на территории пос. Гикало. Об обряде сведений нет. Инвентарь: бронзовая витая шейная гривна и 2 браслета, дата – VIII – первая половина VII вв. до н.э. Среди случайных находок упомянуты: «пинтадера» из окрестностей с. Джалка, из района с. Майртуп – горшочек первых веков I тыс. до н.э. и бронзовый кинжал IX–VIII вв. до н.э., из с. Яман-Су бронзовые спираль и браслеты, пряслице, из окрестностей с. Ялхой-Мохк – фрагментированный железный «акинак» IV в. до н.э.⁹

В 1973 г. В.А. Петренко продолжал свои работы в составе экспедиции ППАЭ под руководством В.Б. Виноградова. В то год осматривалось Ахкинчу – Барзоевское городище № 1, найдено Ахкинчу – Барзойское поселение № 2 с нижним слоем сарматского времени. У ЮВ окраины того же села обнаружено поселение № 3, возникшее в предскифское время и просуществовавшее вплоть до рубежа эр. Тогда же, в районе катакомбного могильника у с. Мартан-Чу обнаружено поселение с керамикой скифского времени. В том же году разведочный раскоп был заложен и на территории Аллероевского поселения № 2. К ЮВ от ст. Шелковской, на месте двух снесенных курганов были собраны вещи из разрушенных погребений, условно отнесённых к трём комплексам. Глиняные сосуды последних веков до н.э. были собраны на месте распаханного кургана у ст. Серноводской. В том же году в разрушенном строителями кургане у железнодорожной станции Хан – Кала Грозненского сельского района были найдены 4 бронзовых браслета, датированных VIII – 1-ой половиной VII в. до н.э.

В том же году, на горе Хаян-Корт при строительстве буровой вышки был затронут могильник IV–II в.в. до н.э. Дочищены 3 грунтовых погребения, содержавшие одиночные костяки, расположенные вытянуто на спине. В инвентаре: лепные кувшины, бронзовый амулет в виде котла. В коллективном отчёте за этот год отмечено, что в результате строительных работ было разрушено не менее 3-х погребений. Количество зачищенных погребений не указано однако, судя по тому, что других данных нет, вероятно, разрушенные погребения следует считать не уничтоженными, а потревоженными. Дата могильника – IV–III вв. до н.э. Об их историко – культурной принадлежности сведений нет. Тогда же, при прокладке трубопровода в с. Джалка Шалинского района было разрушено грунтовое погребение с инвентарём II–IV вв. н.э. Оттуда же были переданы и отдельные находки¹⁰.

В 1974 г. на 2-м Ханкальском городище вскрывается раскоп площадью 54 кв. м. с керамикой V–I в.в. до н.э. и погребением IV–III вв. до н.э. Тогда же, на пашне, возле шоссе Грозный – Назрань, недалеко от въезда в с. Лермонтов – Юрт, были встречены фрагменты керамики и человеческих костей, и сделаны находки, в т.ч. – фрагментированная бляха типа «Исти – Су». На участке обнаружения предметов был заложен шурф, в котором найдены ещё вещи, а на глубине 0,8 м. – встречены разрозненные костные останки погребённого. В прирезке найдена бронзовая фибула. Ещё 2 прирезки принесли новые находки: фрагменты керамики и бронзовую фибулу. Дата захоронения – VI–V вв. до н.э.¹¹

В ходе работ 2-го отряда ППАЭ ЧИГУ в 1975 г. исследовались поселения №№ 2 и 3 у с. Мартан-Чу, на Горячеводских городищах №№ 1 и 2, где была установлена мощность культурного слоя – 1 и 2 м. соответственно, найдены хозяйственные ямы, зачищена каменная выкладка. Памятники были обитаемы в предскифское, «скифское» и сарматское время. У с. Кулары найдено поселение с керамикой I–IV вв.н.э. В районе с. Урус-Мартан была обследована курганная группа в составе более 50 насыпей, одна доследована, дата – VI–V до н.э., погребение соотносено с кобанскими древностями. На восточной окраине г. Грозного, у

основания большого кургана было разрушено погребение. Об обряде сведений нет. Сохранился только сосуд т.н. «канфаровидного типа», дата – II в. до н.э. – I в. н.э. Тогда же, в разрушенном курганном погребении возле с. Надтеречное был найден кувшин первых веков н.э. У с. Аллерой Шалинского района было исследовано погребение в каменном ящике последних веков до н.э., а у г. Аргун – доследовано грунтовое захоронение начала VI в. до н.э. На окружающих Шелковское городище полях найдены фрагменты керамики, в том числе – миски последних веков до н.э. – первых веков н.э. В связи с тем, что к СВ и ЮЮЗ от него расположены курганы, В.А. Петренко предположил, что данные предметы происходят из этих погребальных памятников. В окрестностях с. Кулары были найдены чёрноглиняная кружка и красноглиняный кувшинчик, возможно – из неустановленного грунтового могильника. В разграбленном захоронении на Аллероевском могильнике № 3 найдены половинка меловой привески в форме навершия булавы и железный кинжал с антенновидным навершием последних веков до н.э.¹²

Согласно данным, опубликованным в сборнике «Археологических открытий» за 1977 г., отряд ППАЭ ЧИГУ под руководством В.А. Петренко в 700 м. от городища Гумси – Корт, южной окраине г. Гудермес обнаружил могильник раннежелезного века, в котором доследовано 6 потревоженных погребений в каменных ящиках. Дата могильника в отчётных материалах была определена в пределах II–IV вв. н.э., при публикации некоторых предметов – II–III вв. н.э. Тогда же В.А. Петренко и С.Л. Дударев открывают Ялхой-Мохковский могильник №3, состоящий из каменных ящиков и гробниц, с инвентарем второй половины VI–V вв. до н.э. и Ялхой-Мохковский могильник №4, на котором было дочищено потревоженное погребение в каменном ящике 2-й половины IV – начала III в. до н.э., документирующих кобанские погребальные традиции. В районе с.Ахкинчу-Барзой был обнаружен новый могильник раннего железного века. В инвентаре, в том числе, – 2 бронзовых предмета, изготовленных в традициях скифо-савраматского звериного стиля. В 1977 г. на окраине ст. Шелковской им доследуется погребение первых веков н.э., из которого происходят 2 плакетки с лежащими львами, выполненными из голубой пасты. В публикации место их находки было определено как «из разрушенных курганов и развезанных погребений»; в рукописи диссертационного исследования В.А. Петренко – как «из разрушенного курганного погребения»; в тексте отчёта об этой находке сказано: «найдено летом 1977 г. на окраине станицы при прокладке водопроводной траншеи». Сведений о том, что находки происходят из подкурганых захоронений, в отчёте нет. Информацию о работах на Ялхой – Мохковском могильнике № 3 за 1977 г. содержит полевой отчёт В.А. Петренко за 1978 г., написанный в 1979 г., т.к. могильник изучался им 2 года¹³.

В 1981 г. им копаются Бельтинский могильник № 4, о чём в «Археологических открытиях» публикуется небольшая заметка¹⁴.

В 1983 г. он продолжил исследования на Ялхой – Мохковском могильнике № 3 VI–IV вв. до н.э., где были изучены 4 погребения и сделан ряд случайных находок¹⁵.

В 1985 г. у с. Курчалой Шалинского района он исследовал могильник № 2, расположенный на правом берегу р. Гумс (в публикации «Археологических открытий» за 1985 г. указана р. Хумык). Дата – VI–IV вв. до н.э. Тогда же им же на территории Майртупского могильника № 3 были найдены одиночных 2 погребения V–IV вв. до н.э.¹⁶

Начиная со студенческих лет, В.А. Петренко принимает участие в различных конференциях. Среди первых из них – доклады, посвященные подведению некоторых итогов полевых исследований на памятниках горной зоны Республики и результатам изучения отдельных некрополей позднекобанской культуры¹⁷.

В докладе, посвящённом анализу источниковой базы в области изучения этнического конгломерата населения Среднего Притеречья в III в. до н.э. – IV в.н.э.¹⁸ им была предпринята попытка обобщить мнения исследователей по трем блокам проблем. Первый из них касался доводов, в основном, В.Б. Виноградова и М.П. Абрамовой на историю появления сармат в равнинном Предкавказье. Для подтверждения их присутствия на изучаемой территории им привлекаются письменные источники, согласно которым, появление этих племён может быть подтверждено для времени, не позднее первой трети III в. до н.э. Второй связан с оценкой т.зрения ученых-сарматоведов на этнический состав кочевнических племён, которая в изложении В.А. Петренко сводится лишь к установлению их сиракской или аорской принадлежности. Третий посвящён проблеме установления первенства в применении катакомбного способа погребения (как этического маркера) алан или местных племён. Судя по тексту статьи, В.А. Петренко придерживается традиционной т.зрения на аланский приоритет данного типа погребального сооружения, хотя аргументов в пользу этой версии он не приводит. В заключении работы кратко представлена полемика вокруг этнического лица автохтонных племён, связанных с т.н. «гаргареями» и иными наименованиями, присутствующих в письменных источниках изучаемого времени, применительно к территории Чечено-Ингушетии.

В тезисах доклада, опубликованного в 1981 г., В.А. Петренко ещё раз повторил своё мнение относительно неоднозначности определения этнической принадлежности погребений в курганах только как сиракских, предполагая присутствие и местного контингента (Ханкальское городище № 2). Автором признаётся местная основа большей части инвентаря подобных захоронений. Наличие же поблизости от городища Гумси – Корт аборигенного некрополя позволяет, по его мнению, обосновать тезис о включении части автохтонного населения в состав обитателей раннеаланских посёлков равнинной зоны. При этом не отмечается, кто был создателем подобных сложных и масштабных фортификационных сооружений, особенно – с учётом приведённых здесь же фактов по их созданию до событий начала III в. до н.э. Упомянутое им Ханкальское городище № 2 датировано VII–IV вв. до н.э., хотя на памятнике найдены и материалы IX–VIII вв. до н.э.¹⁹, его последующее использование под могильник приходится уже на сарматское время. Строительство крупных городищ (протогородов) в регионе, которые были подвергнуты стационарным раскопкам и с территории которых происходят сборы

материалов (всего 31 пункт, в том числе – Алхан – Калининское) было завершено во второй половине II в. н.э.²⁰ Это были крупные и сложные по фортификационным приемам строительства объекты, технология возведения которых формировалась на местной основе и в предшествующее время. Одновременно с этим установлен факт переживания не только отдельных керамических форм и их заимствования пришлыми этническими группировками, но и существование производственных традиций, сформировавшихся в эпоху поздней бронзы, вплоть до сарматского времени. Керамические формы изучаемого времени были сформированы на базе предшествующих автохтонных традиций²¹. Интересно, что возле всех иных подобных бытовых памятников представлены лишь подкурганные погребения, в основном – катакомбного типа, тогда как у городища Гумси – Корт обнаружен аборигенный некрополь. В этой связи тезис о «включении части автохтонного населения в состав обитателей раннеаланских посёлков равнинной зоны» нуждается в серьёзной корректировке²².

Теме, связанной с определением этнического состава плоскостных поселений сарматского времени В.А. Петренко посвятил ещё один доклад, на этот раз – в 1983 г. Основное внимание в нём было уделено интерпретации результатов полевых исследований на памятниках Чечни. В опубликованной части доклада автор повторил основные тезисы своего диссертационного исследования, с учётом современных попыток ряда исследователей представить весь материал из плоскостных памятников как принадлежащий исключительно автохтонному населению²³.

В докладе, подготовленном совместно с А.А. Мирзоянц в 1985 г.²⁴ были проанализированы находки амулетов из т.н. «египетского» фаянса, происходящие с территории Чечено-Ингушетии, в т.ч. – ставшие известными после выхода статьи В.Б. Виноградова на эту тему в 1968 г.²⁵ Отмечены усилия предшественников (Б.Б. Пиотровский, В.Б. Виноградов) в попытках определить роль этих предметов в погребальной и повседневной практике населения Кавказа. Появление амулетов из фаянса было связано с присутствием в регионе сармат, с их религиозными воззрениями, а также с транзитной торговлей. Представлена авторская трактовка причин появления и использования данных предметов в погребальных комплексах местного населения.

В.А. Петренко – активный участник археологической конференции «Крупновские чтения». Впервые он принял участие в заседаниях, состоявшихся в г. Нальчике в марте 1972 г., где прочитал доклад «Курильницы с боковым «кармашком» их Ханкальского ущелья и других древностей сарматской эпохи Северного Кавказа»²⁶. Судя по всему, эта работа так и не была опубликована, т.к. тезисы докладов участников этой конференции стали издаваться, начиная со следующих III «чтений», состоявшихся в г. Грозном в 1973 г.²⁷ В них он отметил, что оружие сарматского времени ещё не подвергалось специальному анализу – за исключением статьи М.П. Абрамовой 1969 г., в которой предпринята попытка проследить генезис некоторых мечей и кинжалов VIII в. до н.э. – I в. н.э., однако эту попытку нельзя признать удачной. Помимо частных замечаний относительно исходных форм для клинков с серповидными

навершиями более ранних эпох, В.А. Петренко посчитал необоснованным отрицание М.П. Абрамовой связи данной формы с мечами т.н. «прохоровского» типа. По его мнению, местные племена познакомились с этой формой через посредство сиракских племён, для которых, как и для населения Северного Кавказа, было свойственно некоторое переживание более древних предметов, в т.ч. – и оружия, которое досталось сарматам от их предшественников – савромато-сарматских племён Поволжья.

Доклад 1974 г. был посвящён одной из форм культовой посуды, найденной в погребениях сарматских племён Среднего Притеречья²⁸. Всего В.А. Петренко учёл 31 их экземпляр, из которых 23 происходили из Чечено-Ингушетии. Автор приводит мнения Е.И. Крупнова, К.Ф. Смирнова В.А. Кузнецова, В.Б. Виноградова об их происхождении. По его мнению, данная форма произошла под влиянием культур Северного Причерноморья и Прикубанья, хотя на тот момент там был найден лишь 1 подобный экземпляр. Синкретизм двух импульсов – прикубанского и закавказского и дал этот тип керамики. Ни один из них не был найден в культурных слоях поселений и городищ, 14 – в катакомбах и курганных погребениях, остальные – в сильно сарматизованных памятниках. Основную массу этих находок он датировал последними веками до н.э. – I в. н.э. В дальнейшем, во II–III вв. н.э., подобные сосуды заметно видоизменяются, приобретая декоративное оформление. Причину их распространения автор видит в деятельности сиракского союза племён. К 2014 г. Ю.А. Прокопенко учёл 44 экземпляра подобных форм, названных им «двуручные сосуды с гальками», отнеся их к III типу (с 7 вариантами) по своей и типу 3 – по классификации М.П. Абрамовой²⁹. В Дагестане М.А. Бакушевым и М.С. Гаджиевым эта форма была отнесена к виду V и разделена на 3 типа – амфоровидные и канфаровидные (3 тип выделен условно), всего – 11 экземпляров. Авторы отметили, что для В.А. Петренко этими предметами маркируется сарматская принадлежность погребений³⁰. В то же время, по мнению В.А. Коренько, появление и распространение канфаровидных сосудов – характерная черта сарматских памятников именно Северного Кавказа, тогда как для исконно сарматских территорий эта форма абсолютно несвойственна. Автор сопоставляет появление данного типа керамики с традицией помещения в сосуды отдельных предметов. При этом ссылка делается на протомеотские материалы, тогда как для данной территории подобная форма не фиксируется³¹.

Анализируя материал, полученный в ходе раскопок Ханкальского городища № 2, В.А. Петренко обратился к теме влияния сармат на автохтонное население края. С этой темой он выступил с докладом на V Крупновских чтениях³². Он отметил, что городище было обитаемо с IX–VIII вв. до н.э. Ранняя группа могил (11 погребений) из некрополя у древнего поселения датирована В.Б. Виноградовым V–III вв. до н.э. Ещё 5 подобных происходят с территории цитадели, скорченные погребения датируются V–IV вв. до н.э., прочие – вытянутые на спине с западной ориентировкой (всего 8 костяков) – демонстрируют савромато-сарматские традиции. Её появление автор связывает с усилением степного

влияния уже к IV в. до н.э., хотя собственно кочевнические захоронения этого времени для данной территории единичны. Так, Ю.А. Проккопенко в составе I хронологической группы (конец IV – первая половина III вв. до н.э.) учёл лишь 7 захоронений из восточной группы, из которых 6 (могильник «Бамутский поворот» гр. I, кург. 4, погр. 9; гр. II, кург. 1, погр. 7; могильник «Орджоникидзеvский», кург. 1, погр. 3; погр. 31; погр. 33; кург. 14, погр. 7) находятся в районе среднего течения р. Сунжи³³. В этой связи закономерно возникает вопрос о том, каким образом немногочисленные пришельцы могли повлиять на изменения в погребальной обрядности оседло-земледельческих племён на начальной стадии своего присутствия? Для обоснования этого утверждения В.А. Петренко обращается к известному мнению Е.И. Крупнова о том, что прекращение жизнедеятельности на большинстве местных поселений произошло именно в конце IV–III вв. до н.э. (с. 117) однако, на наш взгляд, это события разного характера: военные действия и смена погребального обряда. К тому же заброшенность поселений в отмеченное время может объясняться не только вторжением кочевников. Этими же событиями объясняется и использование под могильник территории самого городища. При этом им приводится мнение о продвижении савромато-сарматских племён на Северный Кавказ не позднее III в. до н.э., однако савроматы присутствовали на этой территории задолго до этого времени – ведь ряд черт погребального обряда Нестеровского и Лугового могильников (перекрещенные голени, кисти рук в районе паха, западная ориентировка, закладка могил галькой, галечные подстилки в погребениях) связываются именно с савроматским влиянием, равно как и захоронения Гойтинского могильника (В.Б. Виноградов). В этой связи к событиям рубежа IV/III вв. до н.э. были причастны, скорее всего, не сарматские племена. Сарматизация местных племён по В.А. Петренко начинается с этого же времени. Новшества, которые фиксируются в это время в вооружении, погребальном обряде, костюме ханкальцев, он связывает с этнокультурным влиянием сармат, в то же время отрицая их ассимиляцию со стороны пришельцев. При этом автором не была предпринята попытка разграничения причин появления новых элементов на внешний и внутренний факторы. Однозначно трактуя их наличие лишь с позиций внешнего влияния, оказались упущенными те изменения, которые были связаны с процессами внутреннего развития этнических групп северокавказского населения. Тем более, что применительно ко 2-му Ханкальскому городищу им постулируется наличие архаических элементов кобанской и каякентско-хорочоевской культур, связываемых с гаргареями – прото-вайнахо-дагетанской общностью, развитие которых в новых исторических условиях также происходило в рамках устоявшихся традиций.

В докладе 1976 г.³⁴ им была дана общая характеристика погребальных памятников Юго-Восточной Чечни, отмечены глубокие местные традиции в погребальной обрядности и инвентаре до I в. н.э. К этому времени фиксируются изменения в погребальном обряде (железный нож в миске, кисти рук – в районе паха, некоторые костяки – вытянуты на спине) и в инвентаре: бронзовые фибулы, зеркала с боковой петлей, затем – с

центральный ушком, гончарная посуда, изготовление зооморфных ручек, античный импорт. Новшества в вооружении не охарактеризованы. Относительно зооморфизма ручек сосудов отметим, что эта традиция для предгорий Чечни была характерна и в более раннее время – например, для кобанских керамических и бронзовых сосудов³⁵, которые вполне могли послужить основой для продолжения этой традиции и в последующую эпоху. Подобные изменения В.А. Петренко традиционно связываются с усилением влияния сармато-алан и сарматизированных групп кобанского населения равнины и более западных районов, среди которых названы памятники района Ханкалы, Старой Сунжи, Хаян-Корта, ст. Первомайской, пос. Пригородного. Прослежена тенденция затухания влияния по мере удаления памятников от плоскости.

На очередных «Крупновских чтениях», проходивших в 1977 г. в г. Черкесске, им были представлены основные результаты работ на Ханкальском городище № 2 и двух грунтовых могильниках³⁶. Характеризуя материалы грунтового могильника в 300 м. от городища и погребения, раскопанные на нём, В.А. Петренко по основным критериям обряда и инвентаря выявил между ними культурное сходство. В докладе приводятся и некоторые сведения о самом бытовом памятнике. В частности, отмечены его форма (округлая в плане) и размеры (диаметр около 50 м.), а также оборонительные сооружения (ров) и культурный слой – 1,2–1,6 м., содержащего материалы IX–IV/III вв. до н.э. Им дана и краткая характеристика керамике, демонстрирующая кобанские и каякентсо-хорочоевские традиции. Отмечено, что сарматского слоя не обнаружено, находки этого времени малочисленны и связаны с тризнами при совершении погребений. Появление же захоронений рубежа IV/III вв. до н.э. правомочно объяснять результатом штурма поселка сарматами, но это касается лишь 4 погребений – №№62, 72, 80, 81, остальные – требуют иного толкования. В частности, такой причиной названа сарматизация местного населения, когда городище воспринималось как «большой курган» той частью местного населения, которое более всего подверглось процессу сарматизации (с. 183). При этом остался открытым вопрос о несоответствии дат самых ранних погребений грунтового могильника (V в. до н.э.) и материалов городища (IX в. до н.э.), а также погребения № 81, совершенного вытянуто на спине с кистью левой руки в районе таза, в прямоугольной яме с деревянной конструкцией и западной ориентировкой, подпадающих под определение «сарматизованного населения», которое вряд ли могло захоронить своего сородича по традициям врагов во время активных боевых действий. Савроматские традиции в инвентаре в виде бронзового втульчатого трехгранного наконечника стрелы с боковым шипом³⁷ – и обряде погребения (вытянуто на спине, на запад, кисть руки в районе паха) могут объяснять этно-культурную принадлежность погребенного, но вряд ли быть связанными с военными событиями конца IV – начала III вв. до н.э. Что же касается причин, по которым местным населением городище начинается использоваться под могильник, упомянутое В.А. Петренко его восприятие как «большого кургана» более характерно как раз для

кочевого населения, находившегося в процессе оседания на землю, чем для оседло-земледельческого.

В 1978 г. он ещё раз обратился к материалам Ханкальского могильника при установлении роли погребального обряда данного памятника как показателя его этнической принадлежности³⁸. Исследователь отметил, что ориентировки погребённых на городище более неустойчива, чем в захоронениях за его пределами, где преобладает западная. Обращено внимание на преобладание широтной ориентировки над меридиональной. Среди ранних погребений есть костяки, уложенные скорченно на боку, в более поздних – вытянутые, форма погребального сооружения – узкая грунтовая яма, обложенная иногда деревом, 1 кенотаф и 1 возможный подбой. В составе заупокойной пищи в основном использовались тушки барана (11 случаев), в 8 случаях в сосудах находились отдельные предметы (галки, кусочки керамики или дерева, бронзовые цепочки). Погребальный инвентарь у захороненных на городище более разнообразный и богаче, чем в погребениях вне посёлка, что объясняется В.Б. Виноградовым различным социальным статусом. По мнению В.А. Петренко, существование двух синхронных некрополей может объясняться не только социальной дифференциацией, но и принятием «знатью» ханкальцев определённых сторон культуры сарматов, что ярко отразилось на характере погребений на городище, своей конфигурацией близко напоминающем кочевнический курган. На наш взгляд, для такой точки зрения нет достаточных оснований, т.к. не были определены критерии этой «знатности». К тому же материал обоих могильников не был проанализирован по составу материала, не были выделены погребения с оружием, которые для кочевого сообщества имеют явно более престижный характер. Существование же двух одновременных некрополей может объясняться и тем, что погребённые в них люди могли принадлежать к двум различным, хотя и родственным – коллективам.

Следующий доклад был написан им в соавторстве с С.Н. Савенко. В нём авторы обратились к теме этнической и социальной интерпретации ряда черт катакомбного погребального обряда, свойственного населению Центрального Предкавказья³⁹. Сообщение вызвало интерес и довольно острую полемику, особенно – вопросы истоков катакомбного обряда у населения региона, а также его этнического контекста.

Помимо основной темы, связанной с сарматскими древностями, В.А. Петренко обращался и к материалам предшествующих эпох. Так, в частности, предметом его исследования стали и т.н. «барельефные бляхи», время бытования которых им определено в пределах VI–III вв. до н.э.⁴⁰ Их предназначение – быть парадным атрибутом пояса, какого – автор не уточнил, ведь абсолютное большинство подобных находок были обнаружены случайно. Устанавливается их местное происхождение, при этом по ряду деталей их орнамента, свойственного металлическим изделиям соседних районов Кавказа, можно говорить об общих традициях в искусстве и идеологии региона. Вместе с тем, достаточно расплывчатое указание на «соседние регионы» лишает возможности установить как тип металлических изделий, которым была свойствен-

на орнаментика т.н. «псевдошнура», очковидной или «бегущей» спирали, так и отделить традиции искусства от идеологии. Относительно последнего элемента отметим его присутствие на керамике из могильника В. Рутха в горной зоне Осетии, датированной Е.И. Крупновым началом – первой половиной II тыс. до н.э. Кавказоведом происхождение этого типа орнамента связывалось с Закавказьем⁴¹.

Изучая древности сармат, В.А. Петренко столкнулся с феноменом использования предметов иных эпох в погребальных обрядах населения Предкавказья. Именно этой теме он посвятил своё последнее выступление в рамках данной конференции⁴². По мнению В.А. Петренко к первым векам н.э. всё более явственной становится специфика культуры сармат, что прослежено при анализе керамики, оружия, зеркал и других предметов. При этом подчёркивается развитие отдельных компонентов от более «архаичных форм». Кроме того, в ряде поздних комплексов фиксируются предметы более раннего времени, что требует объяснения. Традиционно это объясняется «переживанием» отдельных древних форм или их вторичным использованием. Для подчёркивания разницы в использовании этих двух терминов, им применён термин «не адекватны». На наш взгляд, было более верным использовать определение «не идентичны», ведь предложенное В.А. Петренко определение менее всего соответствует предметам неодушевлённого свойства. Вместе с тем, следует согласиться с тем, что подобные случаи должны оцениваться исследователями с особой осторожностью. Он согласен с мнением Г.А. Федорова-Давыдова о том, что в сарматской культуре фиксируется некоторое стремление к «нарочитой архаизации» относительно некоторых категорий предметов. Причины подобного явления видятся автору в скакальном смысле таких предметов. Подобное же отношение подмечено им и для древностей сарматской эпохи аборигенных племён предгорно-плоскостной зоны. Важно то, что В.А. Петренко указано на необходимость учитывать подобные предметы при датировке комплексов. От себя добавим, что кроме этого, следует помнить и об общей тенденции к более длительному использованию значительного числа предметов материальной культуры: керамики, ряд украшений, в т.ч. – импортов, традиционно фиксируемые в этой зоне, а также устойчивых элементов погребальной обрядности.

Проанализированные здесь 24 работы показывают, что В.А. Петренко с 1967 по 1985 г. вёл интенсивную полевую деятельность. Исследовав с различной степенью полноты десятки различных памятников, он регулярно готовил об этом сообщения как для специализированных археологических изданий, так и выступая с докладами на представительных научных форумах. Всё это позволило ему вырасти в серьёзного и вдумчивого исследователя сармато-раннеаланских древностей, и как результат – успешно защитить в 1980 г. кандидатскую диссертацию, опубликовав основные её разделы в 15 статьях, написанных как индивидуально, так и в соавторстве с коллегами – археологами. Их представлению будет посвящена следующая авторская работа.

Примечания

¹ В опубликованный нами в 2017 г. список его работ в составе 53 наименований не вошли ещё 2: *Даутова Р.А., Петренко В.А.* Новые археологические памятники в Чечне // АО 1972 г., М., 1973. С. 123–124; *Петренко В.А.* Керамическое производство горцев Юго-Восточной Чечни в сарматскую эпоху // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа (Отв. ред.: В.Б. Виноградов). Грозный: ЧИГУ, 1987. 163 с. С. 35–41.

² *Бурков С.Б., Роль В.А.* Петренко в изучении и интерпретации памятников археологии Чечено-Ингушетии в 60–70-е гг. XX в. // Российский Северный Кавказ: социокультурные, экономические и политические аспекты истории XVIII – начала XXI века, материалы к историко-археологическому изучению региона. Доклады и сообщения 21 межрегионального семинара Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова (Ред.: С.Л. Дударев). Армавир, Ставрополь: «Дизайн-Студия Б», 2017. 88 с.: илл. С. 48–53.

³ *Петренко В.А.* Культура населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.и.н. М.: МГУ, 1980. 22 с.

⁴ *Савенко С.Н.* Вклад Кавказоведческой Школы в исследования проблем археологии региона сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Кавказоведческая Школа В.Б. Виноградова. 50 лет пути: сборник научно-исследовательских очерков и био – библиографических материалов. Армавир, 2013. С. 94–117; *Бурков С.Б. В.А.* Петренко как исследователь древностей раннего железного Века Чечни // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «I Виноградовские чтения» по археологии, этнографии, всеобщей и региональной истории (Ред.: С.Л. Дударев). Армавир: АГПА, 2015. С. 29–32.

⁵ *Петренко В.А.* К вопросу об археологическом изучении горных районов Чечено-Ингушетии за 1965–1967 гг. // Тезисы докладов конференции научного студенческого общества Чечено-Ингушского пединститута. Грозный: ЧИГПИ, 1968. С. 18–19. (В соавторстве с Магомадовым И.Д.).

⁶ *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Раскопки 2-го Ханкальского городища // АО 1970 г. (Отв.ред.: Б.А. Рыбаков). М.: Наука, 1971. 576 с. С. 113–115.

⁷ *Петренко В.А., Даутова Р.А., Виноградов В.Б.* Отчет о полевых исследованиях разведочно-рекогносцировочного отряда археологической экспедиции ЧИНИИЯЛ за 1972 г. Грозный, 1973 // Архив ИА АН РАН. Р-1. № 4930.

⁸ *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Отчет об археологических разведках, раскопках и охранных работах в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1973. Архив ИАРАН. Р-1. № 4979, 4979 «а»; Они же. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО. 1973 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М., «Наука», 1974. 560 с. С. 101–103; *Дударев С.Л.* Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) // СА. 1976. № 1. С. 257–261.

⁹ *Даутова Р.А., Петренко В.А.* Новые археологические памятники в Чечне // АО 1972 г. (Отв.ред.: Б.А. Рыбаков). М.: Наука, 1973. 520 с. С. 123.

¹⁰ *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии // АО 1973 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М.: Наука, 1974. 560 с. С. 101–103.

¹¹ *Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А.* Разведочные работы в Чечено-Ингушетии // АО 1974 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М.: Наука, 1975. 580 с. С. 101–102.

¹² *Петренко В.А., Дударев С.Л.* Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии // АО 1975 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М.: Наука, 1976. 608 с. С. 142–143.

¹³ *Петренко В.А.* Разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // АО 1977 г. (Отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М.: Наука, 1978. 598 с. С. 136–137; *Петренко В.А.* Отчёт о полевых работах 3-го отряда ППАЭ в 1977 г. Грозный, 1987 // Научный архив ИА АН РАН, р-1, № 6798; *Петренко В.А.* К вопросу об этническом составе поселений плоскости Среднего Притеречья в сарматское время // Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л.Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. Грозный, 1983, С. 59; *Петренко В.А.* Отчёт об археологических работах на территории ЧИАССР 1-го отряда ЧИГУ им. Л.Н. Толстого 1978 г. Грозный, 1979 // Архив ИА АН РАН, р-1, № 7386.

¹⁴ *Петренко В.А.* Раскопки в юго-восточной Чечне // АО 1981г. (отв. ред.: Б.А. Рыбаков). М., «Наука», 1983. 600 с., С. 128.

¹⁵ *Петренко В.А.* Исследования в ущелье р. Гумс // АО 1983 г. (Отв. ред. Б.А. Рыбаков). М., «Наука», 1985. 600 с. С. 128.

¹⁶ *Петренко В.А.* Работы в Юго – Восточной Чечне // АО 1985 г. (Отв. ред. В.П. Шилов). М., «Наука», 1987. 656 с. С. 151–152.

¹⁷ *Петренко В.А.* К вопросу об археологическом изучении горных районов Чечено-Ингушетии за 1965–1967 гг. // Тезисы докладов конференции научного студенческого общества Чечено – Ингушского пединститута. Грозный, ЧИГ-ПИ, 1968, С. 18–19 (В соавторстве с Магомадовым И.Д.); *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Новый памятник кобанской культуры VI–V вв. до н.э. в плоскостной Чечено-Ингушетии // Тезисы докладов конференции, посвящённой итогам полевых исследований (археологическая секция). М., 1972. С. 237.

¹⁸ *Петренко В.А.* Состояние изученности этнического состава населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции 21–22 сентября 1978 г. (Отв. ред. А.Л. Нарочницкий). Грозный, ЧИГУ, 1980. 204 с. С. 187–190.

¹⁹ *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: учебно-методическое пособие // Памятники археологи Северного Кавказа. Вып.1. Армавир, АГУ, 1999. 52 с. С. 5.

²⁰ *Воронин К.В., Малашев В.Ю.* Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия (Материалы охранных археологических исследований. Том 6). М., ИА РАН, 2006. 152 с. С. 59; *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. 468 с. С. 145.

²¹ *Маслов В.Е.* Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII–V вв. до н.э. Автореферат диссертации...к.и.н. М., 1997. С. 15; *Прокопенко Ю.А.* Историко – культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СГУ, 2005. 534 с. С. 275–276.

²² *Петренко В.А.* Среднее Притеречье в сарматскую эпоху (некоторые аспекты и проблемы истории) // Археология и краеведение – ВУЗу и школе. Тезисы докладов I региональной научно-практической конференции. Грозный, ЧИГУ, 1981, С. 33–34.

²³ *Петренко В.А.* К вопросу об этническом составе поселений плоскости Среднего Притеречья в сарматское время // Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. (Ред.: Х.И. Ибрагимов и др). Грозный, ЧИГУ, 1983. 300 с. С. 58–60.

²⁴ *Петренко В.А., Мирзоянц А.А.* Амулеты из египетского фаянса и их роль в культурно-бытовой практике кавказцев // Археология и краеведение – ВУЗу и школе. Тезисы докладов конференции. (Ред.: В.Б.Виноградов, М.П. Павлов). Грозный: ЧИГУ, 1985. 75 с. С. 48–49.

²⁵ *Виноградов В.Б.* Место египетских амулетов в религиозно-магической символике кавказцев // Археолого-этнографический сборник (Ред.: В.Б. Виноградов). Том II. Грозный: ЧИНИИСФ, 1968. 321 с. С. 39–54.

²⁶ *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Ханкальские древности – источник по истории и культуре местных племен I тыс. до н.э. – I тыс.н.э.: методическое пособие // Памятники археологи Северного Кавказа. Вып.1. Армавир: АГУ, 1999. 52 с. С. 19.

²⁷ *Петренко В.А.* Ещё раз о клинках с серповидным навершием из могильников сарматской эпохи Центрального Кавказа // III «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Грозный, 1973. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения (1971–2006 гг.). (Отв. ред.: А.Б. Белинский). М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. 976 с. С. 75–76.

²⁸ *Петренко В.А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа // IV Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974. Тезисы докладов. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения (1971–2006 гг.). С. 93.

²⁹ *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второ половине I тыс. до н.э. Часть 2. Ставрополь: СКФУ, 2014. 726 с. С. 404–405. Рис. 174, 174 «А».

³⁰ *Бакушев М.А., Гаджиев М.С.* О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. (Отв. ред.: Х.М. Мамаев). М.: ИА РАН; Грозный: ИГИ АН РАН, 2011. 298 с. С. 212–233. С. 214, 222.

³¹ *Коренько В.А.* Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое Ставропольского края // КСИА. Вып. 162. М., 1980. С. 96–101, 100.

³² *Петренко В.А.* Начало сарматизации обитателей 2-го Ханкальского городища // V Крупновские чтения. Тезисы докладов. Махачкала, 1975. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 117–118.

³³ *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье в первой половине I тыс. до н.э. Часть I. Ставрополь: СКФУ, 2013. 446 с. С. 107–108.

³⁴ *Петренко В.А.* Культура Юго-Восточной Чечни (Ичкерии) в сарматскую эпоху // VI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Краснодар, 1976. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 153.

³⁵ *Чишев В.(Х).Т.* К вопросу о северокавказской керамике с зооморфными ручками сарматского времени // РА, 2008. № 3. С. 97–99.

³⁶ *Петренко В.А.* К интерпретации погребений на 2-м Ханкальском городище // VII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Черкесск, 1977. См.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 182–183.

³⁷ *Виноградов В.Б., Петренко В.А.* Погребения сарматского времени из Ханкальских могильников // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Сборник научных трудов. (Ред.: Н.И. Кирей). Краснодар: КГУ, 1994. С. 15–36. С. 30. Сноска № 13.

³⁸ *Петренко В.А.* Погребальный обряд Ханкальского могильника как показатель его этнической принадлежности // VIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Нальчик, 1978. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 202–203.

³⁹ *Петренко В.А., Савенко С.Н.* Этносоциальная интерпретация некоторых черт катакомбного обряда Центрального Предкавказья в середине I тыс. до н.э. // IX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Элиста, 1979. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 239.

⁴⁰ *Петренко В.А.* Бронзовые барельефные бляхи скифского времени из Ичкерии // X «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Москва, 1980. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 252–253.

⁴¹ *Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы по археологии Северного Кавказа. Вып. 23 (Отв. ред.: Е.И. Крупнов). М.: Наука, 1951. 306 с. С. 17–74. С. 36, 37. Рис. 6, 2–4.

⁴² *Петренко В.А.* Архаизмы в материальной культуре сарматского времени Предкавказья // XI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Новороссийск, 1981. В сб.: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. С. 287.

S.B. BURKOV

SARMATIAN ANTIQUITIES OF CHECHNYA
IN THE WORKS OF V.A. PETRENKO

The article is devoted to the presentation of some of the results of the research activities of the researcher of sarmato-early Alanian antiquities of Chechnya V.A. Petренко.

Keywords: antiquities, excavations, scientific publications, researches, burial grounds, burials.

А.М. Новичихин
(г. Анапа)

КАМЕННЫЕ КРЕСТЫ ДОЛИНЫ СУККО

Статья посвящена монументальным памятникам христианства – трем каменным крестам и плите с крестовидным знаком, обнаруженным в долине Сукко к юго-востоку от Анапы в XIX–XX вв. К настоящему времени все эти памятники являются утраченными и известны только по изобразительным, литературным и архивным данным.

Ключевые слова: Анапа, Сукко, археология, христианство, адыги, каменные кресты.

Долина Сукко, названная так по одноименной горной речке, впадающей в Черное море в 12 км юго-восточнее Анапы, известна как район, издавна освоенный человеком. В разные годы при археологических исследованиях и случайно здесь были обнаружены поселения и могильники различных исторических периодов – от эпохи бронзы до средневековья¹.

Особое место в системе древностей долины Сукко занимают монументальные каменные кресты. На протяжении XIX–XX вв. здесь было обнаружено четыре подобных объекта. Об этих находках известно по изобразительным, литературным и архивным данным.

Не исключено, что упоминание об одном из таких памятников приведено консулом Нидерландов в Одессе Тетбу де Мариньи в описании своего путешествия в Черкесию в июне 1824 г.: «В Сукко существует надпись, не являющаяся турецкой, черкесы приписывают ее франкам, возможно она на греческом или латыни. Я узнал о ее существовании много времени спустя после моей экспедиции в Сукко, в самый день моего возвращения из Анапы в Крым. Мне очень хочется, чтобы какой-нибудь путешественник отыскал ее, поскольку, она может быть сможет пролить свет на столь мало известный край»².

Первый из крестов известен по описанию и рисунку британского разведчика на Кавказе Дж. Белла (J.S. Bell), сделанным им во время пребывания в долине Сукко (Суква) в 1839 г.: «Этот камень, за который, как говорят, русские предлагали большую цену и о котором, предположительно, упоминал де Мариньи, находится на бутре, среди маленького леса, чуть выше деревушки Бати-Мирзы. Он представляет собой ракушечный известняк; а надпись, изначально грубо сделанная, в значительной степени сглажена временем. Что касается его формы и того, что осталось от надписи, я могу предложить вам сделанный мною рисунок. Окрестные жители даже не сохранили предания, касающегося его происхождения»³. Известна выполненная на основе рисунка

Дж. Белла цветная литография Г. Бернарда (G. Barnard) «Греческий крест над долиной Сукко» (рисунок 1)⁴. Основой композиции является монументальный каменный крест, стоящий на склоне на фоне поросшей лесом горной гряды. У креста расположились трое вооруженных черкесов. Крест вдвое превышает рост стоящего горца, что позволяет определить его высоту в диапазоне 3–3,5 м. Объект имеет форму слегка расширяющейся сверху плиты, в верхней части которой в стороны выступают горизонтальные концы креста. В центре перекрестия угадывается рельефное изображение стоящей антропоморфной фигуры. По сторонам традиционная для многих христианских надписей формула NI KA с титлами, над изображением и под ним также короткие буквенные сочетания с титлами над ними – IC и XC. Подобные аббревиатуры, обозначающие традиционную формулу «Иисус Христос, побеждай!» присутствуют в большинстве средневековых христианских надписей. Ниже расположен текст, выполненный греческими буквами в шесть строк. Прорисовка в меру четкая, хотя некоторые буквы трудноразличимы. Несомненно, что этот текст требует дальнейшего изучения. В начале первой строки, несмотря на не совсем точную передачу автором рисунка начертания отдельных букв (надпись выглядит как EKNMIBI), без труда угадывается EKYMNON – «почил, упокоился», – традиционное начало христианских надгробных эпитафий. В последней строке читается слово ETOC – «год», за которым следуют знаки, передающие его обозначение. Различима лишь первая из них – стигма, обозначающая число 6000 – начальную цифру даты, указанной «от сотворения мира». Форма креста и палеографические особенности надписи позволяют относить этот надгробный памятник к XIV–XV вв. Это не единственная находка каменного креста с греческой надписью в районе Анапы: каменный крест с расширяющимися концами и надгробной эпитафией, датированной от сотворения мира 6900 г., т.е. 1392 г., найден при археологических раскопках в Анапе в 1993 г.⁵

Еще о двух каменных крестах долины Сукко сообщает в книге «Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии» известный российский археолог В.И. Сизов. В конце лета 1886 г. исследователь посетил долину Сукко, с целью выявления здесь древних памятников. Вот, что сообщается в его работе об интересующих нас объектах:

«Уже вечером, возвращаясь обратно, проехавши около двух верст от устья, я узнал от рабочих, что в поле, возле речки, лежит каменный крест. Еще до наступления темноты я успел осмотреть и срисовать его: он небольших размеров, высечен из желтоватого мягкого известняка и от времени местами выветрился и, таким образом, утратил правильность очертаний. Нижняя часть креста расширена к основанию. По-видимому крест еще недавно стоял стоямя, обложенный рядами камней.

Другой крест большего размера, по рассказам рабочих, находился по другую сторону реки в лесу. Но солнце уже зашло, и быстро наступившая темнота помешала мне осмотреть другой крест»⁶.

В.И. Сизов сопроводил описание рисунком, представляющим реконструкцию памятника в первоначальном, установленном виде (рисунок 2). Судя по изображению, четырехконечный крест действительно

расширялся к основанию, оба горизонтальных и верхний вертикальный концы памятника были примерно вдвое короче нижнего вертикального. Они были ровные, без расширения, с закругленными торцами. В сноске исследователь привел замеры памятника: «длина креста 5 четв., толщина 1 четв., а ширина или длина перекрестия 3 четверти». В пересчете на современную систему мер это соответствует примерно следующим параметрам: высота креста – 90 см, ширина – 54 см, толщина – 18 см.

Обследованный В.И. Сизовым памятник действительно небольшого размера. Форма его отличается от креста, описанного и зарисованного Дж. Беллом, и креста, найденного в Анапе, – они имеют расширяющиеся концы. О наличии на памятнике надписей исследователь не сообщает – судя по всему, их не было, иначе опытный археолог обязательно обратил бы на них внимание.

Остается сожалеть, что исследователю не удалось осмотреть второй крест. Возможно, это был тот же крест, который за столетия до поездки В.И. Сизова зарисовал в Сукко Дж. Белл. Отсутствие возможности сопоставления данных об этих двух каменных крестах, заставляет учитывать второй из отмеченных В.И. Сизовым в 1886 г. крестов как отдельный памятник.

Анализируя открытые в долине Сукко археологические объекты, В.И. Сизов пишет о каменном кресте следующее: «Помимо возможности существования христианского населения в этих местах, крест пользовался почитанием до позднейшего времени у самих черкесов, как не раз рассказывает об этом и Белль, но, тем не менее, чрезвычайно трудно утверждать, что этот крест относится к памятникам христианства. В изд[аниях] Фергюссона и Варинга находятся изображения подобных же крестов, относящихся к разряду мегалитических памятников. Во всяком случае, я не берусь решать этого вопроса»⁷.

Как следует из приведенной цитаты, археолог XIX в. не отважился отнести открытый им каменный крест к памятникам христианства, предложив, в качестве возможной альтернативы, признать его более древним мегалитом. В настоящее время, в силу открытия в районе Анапы большого числа памятников разных периодов истории христианства⁸ (при явно малом количестве известных здесь же мегалитических объектов⁹), нет оснований для иной атрибуции открытого В.И. Сизовым каменного креста, кроме как христианского памятника. Однако его характер, – надгробие, памятный крест, мемориальный памятник, – установить невозможно.

Таким образом, в долине Сукко открыто два или три монументальных каменных креста. Один из них может быть датирован XIV–XV вв., другие, вероятно, должны быть близки ему по времени.

Еще в XIX в. кресты находились в вертикальном положении и, возможно, служили у местных черкесов объектом поклонения. В этой связи нельзя не вспомнить известную литографию начала XIX в. «Поклонение черкесов кресту» (рисунок 3)¹⁰. На ней изображена группа черкесов у прислоненного к дереву креста. Памятник по высоте превышает человеческий рост, он имеет форму стелы, верхняя часть которой оформлена в виде креста с округлыми концами. Действие происходит неподалеку

ку от морского берега: в правой части литографии видна морская гладь и парусный корабль. Подошедшая к кресту женщина намеревается повязать на него платок, остальные персонажи – мужчины, причем в толпе одетых в национальную одежду вооруженных горцев присутствует несколько человек в европейских костюмах, надо полагать, сошедших с корабля. Поскольку упоминаний о монументальных каменных крестах, расположенных вблизи берега моря в каких-либо иных местах Черноморского побережья Западного Кавказа не известно, весьма вероятным было бы предположение, что художник начала XIX в. изобразил один из крестов долины Сукко. Подобное восприятие усиливается сходством изображенной на литографии поросшей лесом прибрежной возвышенности с горой Солдатской, замыкающей долину Сукко у кромки берега моря с юга (рисунок 4).

Последний, четвертый, памятник из долины Сукко собственно крестом не является. Это плита с вырезанным на ней крестовидным знаком.

Объект известен лишь по описанию анапского археолога и краеведа А.И. Салова, сохранившемуся в архиве исследователя (запись относится к началу 1970-х гг.): «У жителя с. Сукко Литвиненко И.М. на пороге дома лежит ракушняковая плита размером 0,8x0,8x0,2 м. На ней вырезана окружность диаметром 0,22 м с крестообразно прочерченными под прямым углом линиями, которые делят ее на 4 сектора».

Находка, по данным А.И. Салова, происходила с территории средневекового могильника, расположенного в поселке Сукко «у школы».

Судя по тому, что плита использовалась в качестве ступени крыльца (об этом, кроме А.И. Салова, автору сообщил в 1990-х гг. старожил поселка Сукко краевед М.С. Чикарьян), памятник имел достаточно правильную, близкую к квадрату форму. Из описания не совсем ясно расположение крестообразно прочерченных линий относительно окружности – изображали они прямой или крест. И то и другое известно для христианской символики.

Если допустить, что в окружность был помещен крест, то в памятнике из Сукко можно видеть подобие христианского надгробия, распространенного в средние века типа, – с изображением четырехконечного креста с расширенными концами, вписанного в круг. Находки подобных надгробий, хронологические рамки которых достаточно широки – от IV до XIV в., хорошо известны в Крыму¹¹, встречаются подобные памятники и на Северном Кавказе¹². В районе Анапы десятки подобных памятников обнаружены в окрестностях хутора Уташ, – там в VIII–X вв. располагался обширный христианский некрополь. Кресты в круге на уташских надгробиях, в отличие от находки из Сукко, выполнены в рельефе¹³. Тем не менее среди памятников этого типа известны экземпляры с резным изображением креста в круге, аналогичным описанному А.И. Саловым, – такое надгробие найдено при раскопках могильника Скалистое в Юго-Западном Крыму¹⁴.

Памятник может быть датирован, подобно находкам из Уташа, VIII–X вв. На территории могильника в Сукко «у школы» известны находки предметов этого периода, свидетельствующие, что некрополь функционировал в данное время.

Таковы известные на сегодняшний день данные о каменных крестах долины Сукко. К сожалению, последующая судьба всех рассмотренных объектов неизвестна. Судя по всему, эти редчайшие памятники христианской истории Анапского региона навсегда утрачены для науки.

Рисунок 1. Каменный крест над долиной Сукко. Литография Г. Бернарда по рисунку Дж. Белла

Рисунок 2. Каменный крест в долине Сукко. Рисунок В.И. Сизова

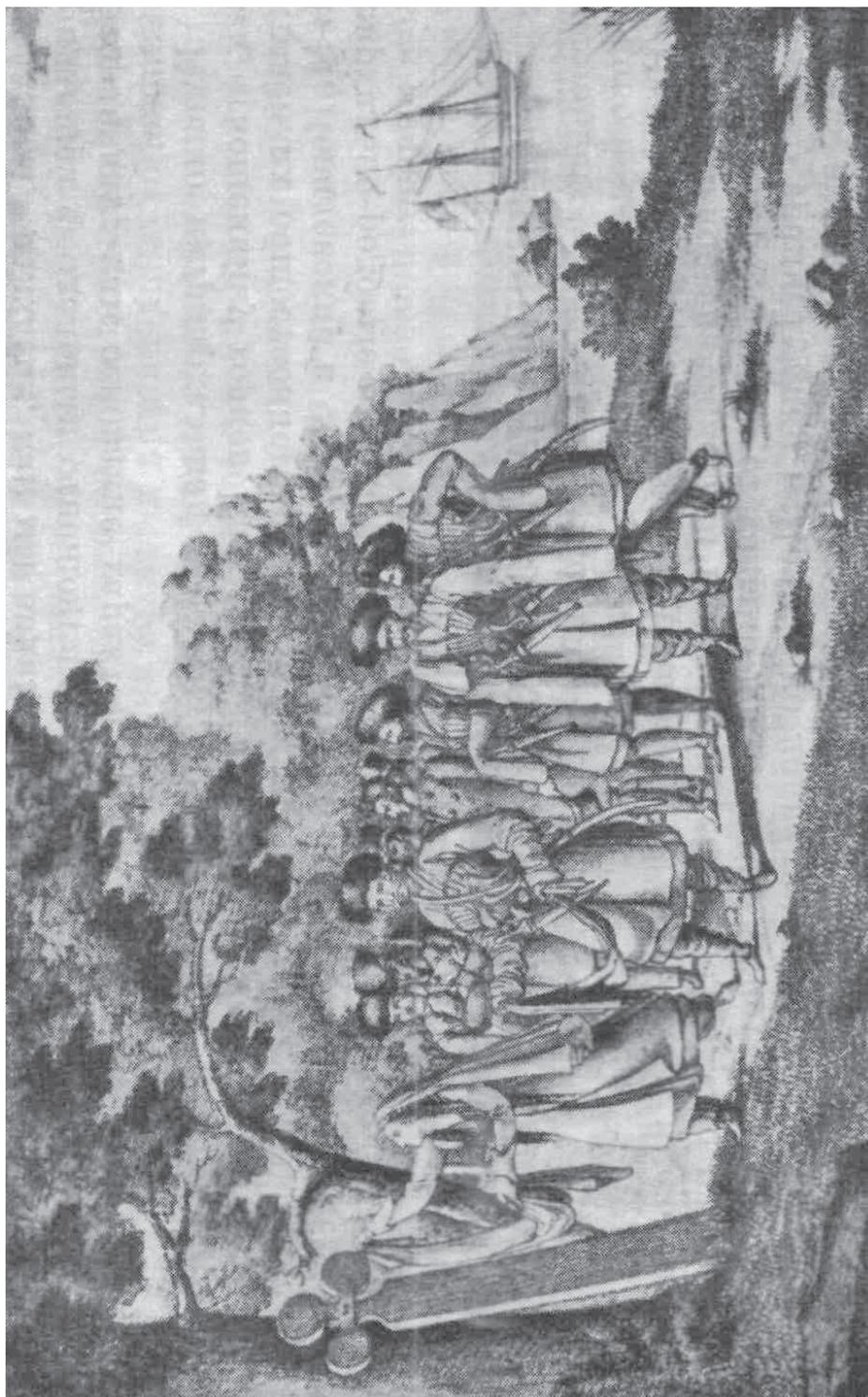

Рисунок 3. Поклонение черкесов кресту. Литография начала XIX в.

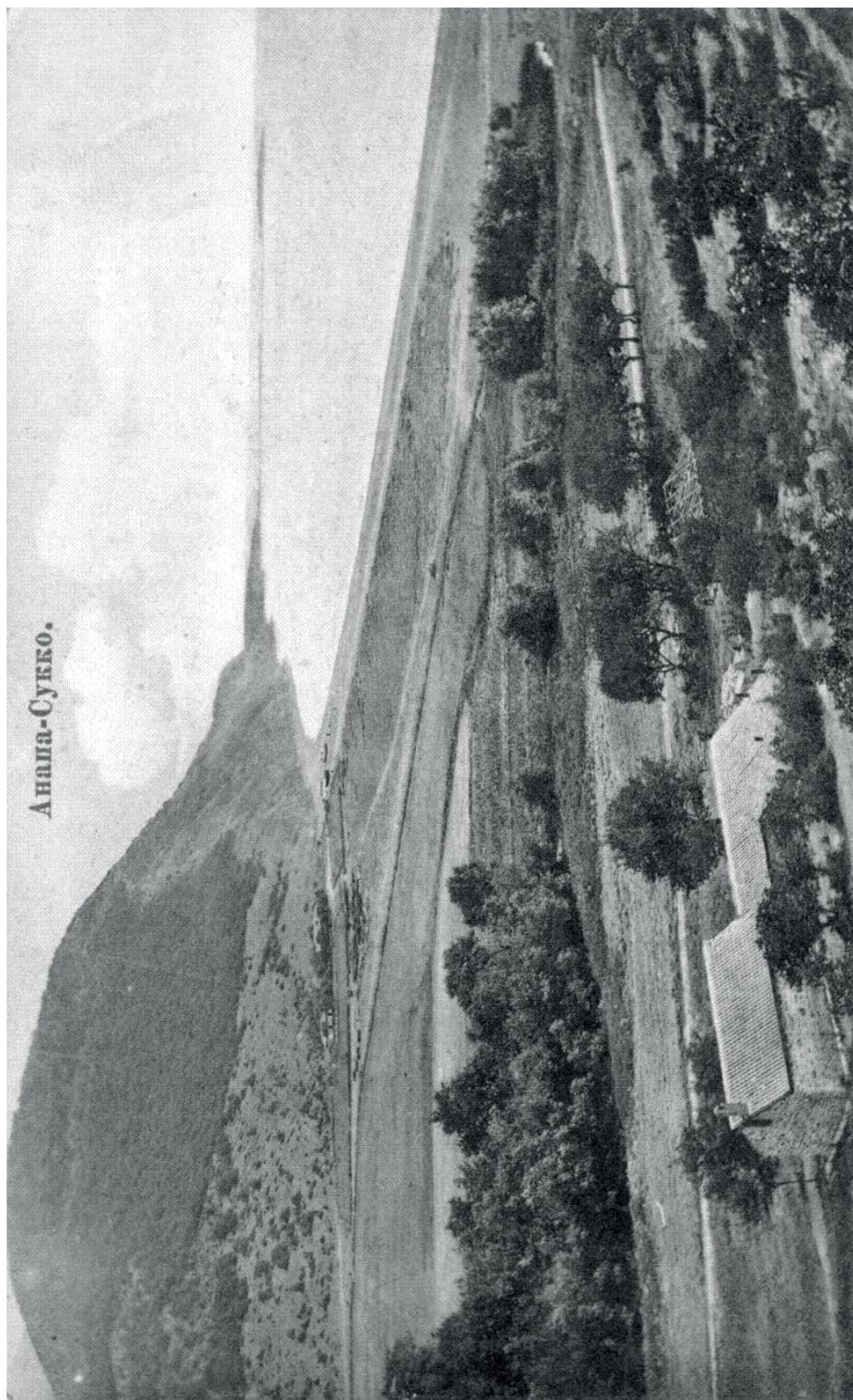

Рисунок 4. Прибрежная часть долины Сукко. Вид на гору Солдатскую. Фотография начала XX в.

Примечания

¹ Салов А.И. Материалы для археологической карты Анапского района // Краткие сообщения Института археологии. 1979. Вып. 159. С. 98, 99, 9–11.

² *Мариньи Тетбу де*. Путешествие в Черкесию. СПб., 2015. С. 99.

³ Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 гг. Т. 2. Нальчик, 2007. С. 189.

⁴ В настоящей работе использовано воспроизведение литографии на календаре за 2004 г., выпущенном ГУП КК «Печатный двор Кубани». Из недавних публикаций зарисовки Дж. Белла см: *Чамокова С.Т.* Крест как языческий и христианский символ у адыгов // Культура и быт адыгов. Вып. 10. Майкоп, 2005. Рис. 1.

⁵ IOSPE V, 324 // <http://iospe.kcl.ac.uk/5.324-ru.html> (дата посещения: 21.12.2017); *Новичихин А.М.* Каменный крест с греческой надписью из Анапы // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Нальчик, 2006. С. 147, 148.

⁶ *Сизов В.И.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. М., 1889. С. 172.

⁷ *Сизов В.И.* Указ. соч. С. 172, 173.

⁸ *Новичихин А.М.* Христианские древности Анапы // Актуальные проблемы развития социально-культурной сферы и туризма. Первая научно-практическая конференция. Сборник тезисов. Анапа, 2003. С. 24–26; *Он же*. История изучения христианских древностей Анапы // Состояние и пути улучшения подготовки педагогических кадров для детской оздоровительной зоны Краснодарского края. Вып. 1. Анапа, 2004. С. 95–99.

⁹ *Новичихин А.М.* Древнейшее прошлое Анапского района (эпоха камня и бронзы) // Очерки по истории Анапы. Анапа, 2000. С. 20; *Он же*. Район Анапы – контактная зона древних культур (энеолит – бронзовый век) // Северный Кавказ: пространство диалога. Межконфессиональные и межэтнические отношения в прошлом и настоящем. Фелицынские чтения – XVI. Краснодар, 2014. С. 135.

¹⁰ Народы Кавказа. Том I. М., 1960. Рис. на с. 95.

¹¹ *Латышев В.В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. С. 35. № 30; *Он же*. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1905 г.) // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 18. 1906. С. 124, 125. № 39; *Он же*. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1912 г.) // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 47. 1913. С. 107, 108. Рис. 4; *Репников Н.И.* Некоторые могильники области крымских готов // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 19. 1906. С. 4, 60. Табл. IV, 30; *Бабенчиков В.П.* Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. Киев, 1958. С. 116–118. Рис. 14, 15; *Орлов Р.С.* Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 119. Рис. 3; *Византийский Херсон*. Каталог выставки. М., 1991. С. 83. № 2; *Айбабин А.И.* Степь и Юго-Западный Крым // Археология: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. Табл. 40, 3–5, 7, 12, 13; *Майко В.В.* Средневековое городище на холме Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004. С. 175. Рис. 98; *Он же*. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007. Рис. 159, 1–7, 12, 14–17.

¹² *Кузнецов В.А., Рудницкий Р.Р.* Поселение «Козьи скалы» у горы Бештау // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1. Археология. Ставрополь, 1998. С. 308, 309. Рис. 12, 1, 2.

¹³ Башкиров А.С. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. III. М., 1928. С. 77; Иессен А.А., Миллер А.А. Таманская экспедиция 1931 г. // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 11–12. С. 60; Салов А.И. Указ. соч. С. 101, 38; Яйленко В.П. О «Корпусе византийских надписей в СССР» // Византийский временник. 1987. Вып. 48. С. 169. Рис. 5; Новичихин А.М. О древнем христианском храме в окрестностях Анапы (К интерпретации надписи из Хан-Чокрака) // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир–М., 2002. С. 133; Он же. Два письма А.И. Салову: к истории изучения христианских древностей Анапы // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III. Материалы научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения М.Н. Ложкина. Армавир-Отрадная, 2015. С. 76. Рис. 3; Салов А.И. Раннесредневековые находки в Анапском районе (тезисы доклада на сессии археологов 24.04.1972 года) // Синдика, Гортишпия, Анапа: исследования по археологии и истории. Сборник научных трудов к 100-летию со дня рождения А.И. Салова. Краснодар-Анапа, 2014. С. 25. Рис. 2.

¹⁴ Айбабин А.И. Указ. соч. Табл. 40, 2.

A.M. NOVICHIKHIN

THE STONE CROSSES IN THE SUKKO VALLEY

The article is devoted to the massive Christianity monuments – the three stone crosses and a plate with a cross-shaped sign, discovered in the Sukko valley to the South-East of Anapa in the XIX–XX centuries To the present time, all these monuments are lost and known only by the picture, literary and archival data.

Keywords: Anapa, Sukko, archaeology, Christianity, adygs, stone crosses.

Ю.А. Прокопенко
(г. Ставрополь)

**ЭЛЕМЕНТЫ АНТИЧНОГО КУЛЬТА МЕРТВЫХ
В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ –
НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СКЛЕПОВЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ III–II вв. до н.э.**

Статья посвящена анализу семантики антропоморфных изображений на предметах, выявленных в гробницах склеповых могильников III–II вв. до н.э. Центрального Предкавказья, связанных с влиянием античной культуры. Представлена характеристика вещей, традиционных для античной погребальной обрядности. Это монеты – «обола мертвых», бляшки с античными сюжетами (нереида на гипшокампе), медальоны – горгонейоны и детали терракотовых ожерелий (статуарные изображения женской головки, пальметки и др.). Результаты семантического анализа сюжетов, особенностей их мифологической составляющей позволяют все изображения, открытые в гробницах склеповых могильников, отнести к культуре мертвых.

Ключевые слова: склепы, культ мертвых, античный сюжет, «обол мертвых», морская нимфа, гипшокамп.

В III – начале II в. до н.э. определенное влияние в религиозном смысле на население Центрального Предкавказья оказывала культура античных городов Северного Причерноморья. С этим связано распространение в Предкавказье каменных гробниц – склепов, характерных для погребальной традиции греков, а также синдов и знати меотов. В некоторых погребальных комплексах Ставропольской возвышенности, района Кавминвод и предгорий Центрального Предкавказья присутствуют вещи, традиционные для античной погребальной обрядности. Это монеты, бляшки с античными сюжетами, медальоны – горгонейоны и детали терракотовых ожерелий¹.

Многочислен материал о монетах, несущих нагрузку «Обола мертвых» («обола Харона»). По античным представлениям загробное царство бога Аида находилось под землей. Чтобы попасть туда, душа умершего должна была переправиться через подземную реку Стикс, поэтому часто умершему вкладывали монету («Обол мертвых»), чтобы ему было чем заплатить за перевоз через Стикс перевозчику теней Харону.

Данный принцип «обола» в некрополях Азиатского Боспора встречается с IV в. до н.э. в первое время лишь в погребениях, совершенных по нормам эллинского ритуала². В связи с этим следует отметить погребение в гробнице, раскопанной в начале XX в. в г. Ставрополе. В зубах погребенный держал золотую древнегреческую монету. Аналогичные погребения с монетами известны из раскопок могильника III–II вв. до н.э. у ст. Елизаветинской. А.А. Масленников, указывая на появление

«обола Харона» в меотском Прикубанье, все же оговаривается, что возможно, данные могилы принадлежат приезжим грекам³. С данным предположением согласуются результаты исследований Елизаветинского могильника.

Постепенно этот обряд воспринимают племена занимающие земли Предкавказья восточнее. Традиция класть монету в погребение прослеживается в ряде сарматских погребений Центрального Предкавказья. Причем монеты, несли различную нагрузку. Встречаются монеты – украшения (имеющие отверстие для подвешивания). Например, в Чегемском могильнике обнаружены две монеты с пробитыми отверстиями: 1) медная монета Пантикапея 375–340 гг. до н.э. (погр. 17); б) понтийская медная монета I в. до н.э. (погр. 128)⁴. В ряде случаев фиксируется именно «обол мертвых». Из четырех античных монет, поступивших в коллекцию графа Е. Зичи из могильников Чегема и Баксана, только одна является монета – привеской, остальные не имеют отверстий и петелек⁵.

Отголосок обряда «Обола Харона» прослеживается в нартовском эпосе. В частности у осетин посмертное путешествие души описывается так: «Умерший, уйдя от родных, вскакивает на лошадь. Вскоре он встречает на своем пути разных дозорных и должен дать им несколько лепешек – из тех, что предусмотрительно были положены в могилу. Затем он подходит к реке, через которую перекинуто бревно. У реки стоит Аминон. Прежде чем пропустить умершего, он допрашивает его...»⁶. В данном случае монета заменена лепешками, в целом сюжет аналогичен греческому варианту переправы через подземную реку Стикс.

Кроме античных монет в погребениях нередко находки терракотовых медальонов с изображением Медузы-Горгоны и др. Позолоченные медальоны – горгонеионы – типичная находка для многих районов Прикубанья. Картирование находок свидетельствует об их проникновении вглубь материка вдоль речной системы Кубани и далее на восток.

В гробницах склеповых и др. могильников Центрального Предкавказья III – начала II в. до н.э. также наблюдается значительное количество таких изделий античного производства. Это медальоны, обнаруженные в верховьях Кубани (Дружбинское городище)⁷, в склепах № 1, 3, 4 и 5 могильника № 2 Татарского городища⁸, в Чегемском могильнике⁹ (рис. 1, 21), в долине Чегема и Баксана – коллекция Е. Зичи (2 экз.)¹⁰ (рис. 1, 17, 18), на правом берегу Баксана у впадения речки Кисанти (коллекция Вырубова)¹¹ (рис. 1, 34, 35). Отличается от перечисленных медальоны с изображением богини Деметры и костяной медальон с изображением Афины (?) в шлеме из могильника Камунта¹² (рис. 1, 28).

А.А. Малышев согласен с утвердившимся мнением, что керамические украшения с позолотой изготавливались специально для погребальных церемоний¹³. По мнению исследователя, образ Медузы был чрезвычайно популярен у племен, населявших Северное Причерноморье во второй пол. I тыс. до н.э. По предположению Д.С. Раевского, греческая семантика сама по себе не могла обеспечить такой популярности горгонеионов у скифов. Как отметил автор, мотив наложился на местный хтонический образ богини – прародительницы¹⁴.

Важно отметить, что наиболее яркие черты Медузы Горгоны (которая представлялась некогда владычицей всех стихий) – хтонизм, связь с водой и конями – не менее характерны и для змееной богини-прародительницы. И тот, и другой образ равно связаны со змеями (змееность или змееволосость, а также змеиный пояс у Горгоны) и с грифонами¹⁵.

По мнению А.А. Малышева, древнее население связывало образ Медузы Горгоны с могущественными подземными силами, имеющими непосредственное отношение к погребальному культу. Змеевидные волосы Горгоны на бронзовых доспехах, судя по всему, были значимым элементом изображения для их обладателя.

Горгонейон в глазах древних обитателей Прикубанья, а возможно и Центрального Предкавказья, имел магическую защищающую (так как ими украшали жизненно важные части тела – голова, грудь), и может быть, очищающую силу. Об этом свидетельствует сам факт присутствия их в погребениях, а также находка одного из них в амфоре из погребального комплекса¹⁶. Помимо смысловой нагрузки этого образа, известную роль могла сыграть престижность, мода на эти украшения.

Одновременно с горгонейонами распространялись ожерелья из терракотовых подвесок, а также пальметок (см. реконструкцию А.В. Пьянкова – рис. 1, 33). Следует отметить подвеску в виде женской головки из гробницы кургана у х. Раздольный, пронизь-пальметку прямоугольной формы из склепа № 2 могильника № 1 Татарского городища (рис. 1, 30), подтреугольные пронизи из склепа у пос. Быкогорка (рис. 1, 31) и склепа Каменная могила (центральная часть окрашена черным лаком) (рис. 1, 32), серию сосульковидных терракотовых подвесок, пальметок, а также подвеску в виде головки молодой женщины из Чегемского могильника (рис. 1, 19, 20, 22, 23, 25), две антропоморфные подвески, сосульковидные подвески и пальметки из долины Чегема и Баксана (коллекция Е. Зичи) (рис. 1, 1–9, 11–16), терракотовую позолоченную гирлянду и подвеску в виде женской головки из могильника Камунта (рис. 1, 26, 29), сосульковидную подвеску из склепа Кобу-Баши¹⁷ (рис. 1, 24).

Все перечисленные терракотовые антропоморфные подвески представляют собой рельефное статуарное изображение женской головки. Лицо – классическое, обрамленное двумя косами с проработанными прядями. На голове – головной убор в виде антефикса. По краю стрельчатый венец имеет невысокий рельефный бортик, внизу разомкнутый. Оба конца валика образуют волюты. Внутри венца просматривается рельефная пальметка. В верхней части находятся два продольных параллельных сквозных отверстия для подвешивания. По мнению А.В. Пьянкова, такие подвески являлись центральным украшением одноярусного набора деталей ожерелья¹⁸. От перечисленных антропоморфных подвесок отличается своими пропорциями одна женская головка из коллекции графа Е. Зичи. Она меньше по размерам, имеет высокую прическу, завершающуюся невысоким стрельчатым венцом. В верхней части фиксируется только одно отверстие (рис. 1, 4).

По мнению А.В. Пьянкова, подвески в виде головки молодой женщины могут изображать богиню, связанную с культом мертвых. На

пример, Деметру или Кору-Персефону. В качестве доказательства автор приводит факт находки в Ольвии терракоты атрибутированной как изображение Кору-Персифоны и датированной эллинистическим временем¹⁹.

В склепе «Каменная могила» были обнаружены 3 штампованные бляшки квадратной формы из золотой фольги. Размеры: 31 x 31; 31 x 31 (сохранилась частично); 24 x 24. На бляшках в квадратной рамке из псевдозерни изображена морская нимфа nereида верхом на гиппокампе (морское чудовище – конь с рыбьим хвостом). Нимфа (в фас) изображена сидящей боком. Очень схематичное изображение. Овал вокруг лица (капюшон туники?), поперечные складки на поясе и в нижней части ног, возможно, подчеркивают изгибы широкой туники – столы. В левой руке нимфа держит лук, в правой опирается на круп чудовища, изображенного в профиль. Также схематично оформлена голова гиппокампа – подпрямоугольной формы с выемками на месте рта и глаза. Передние конечности чудовища (показаны редуцированно) загнуты, упираются в левую перекладину рамки. Его хвост, закрученный в кольцо, поднят вертикально (касается правой перекладины рамки) (рис. 1, 10).

Следует предположить, что в данном случае речь идет об античном сюжете, связанном с морской нимфой Фетидой. Она рождает прославленного героя Ахилла. Когда он теряет доспехи, Гефест, по просьбе Фетиды, изготавливает новые, и Фетида доставляет их сыну...²⁰

Ахилл – божество, связанное как с морем, так и со смертью. Сопоставляя этот сюжет с аналогичными ему изображениями везущих оружие Ахиллу nereид на височных подвесках и бляшках из погребений Большой Близницы (склеп № 1 – височная подвеска, склеп IV – бляшка), а также на деревянных украшениях анапского саркофага, можно предположить семантическую связь всех этих изображений с представлениями о морском путешествии умершего в страну блаженных²¹.

Следует отметить, что в случае с бляшками из Каменной могилы Фетида везет вместо доспехов лук. Видимо, это связано с более поздней (III в. до н.э.) варварской трактовкой античного мифа. Размываются причинно-следственные связи сюжета.

Таким образом, все отмеченные изображения, открытые в гробницах склеповых могильников, связаны с культом мертвых.

Карта распространения античных монет, бляшек с античными сюжетами, керамических горгонейонов и терракотовых ожерелий с позолотой в Предкавказье маркирует регион, население которого в то время выделялось сходством своих культурно-религиозных традиций.

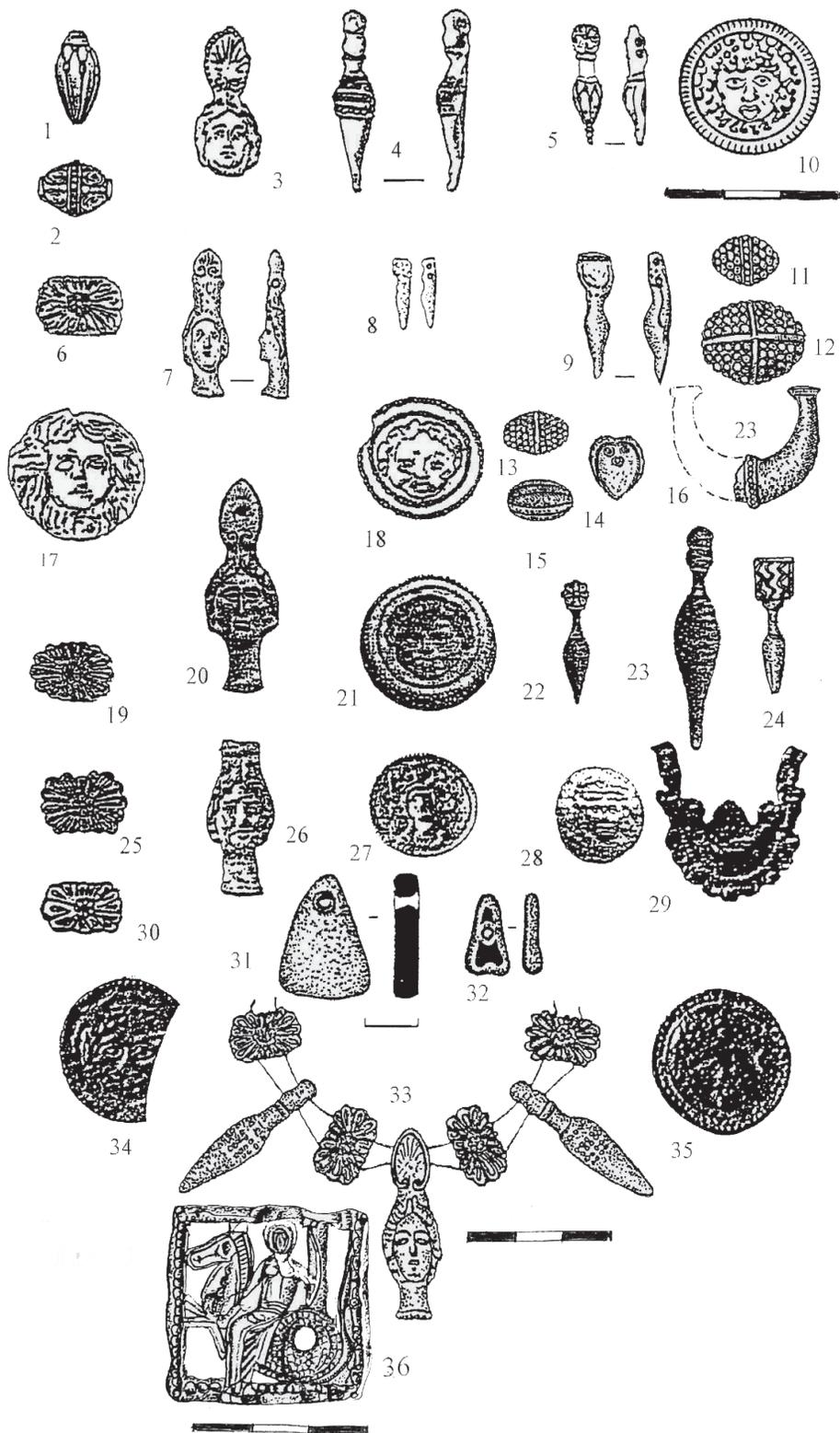

Рисунок 1

Примечания

¹ Прокопенко Ю.А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э. Ч. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 235–236.

² Масленников А.А. Некрополи городов Азиатского Боспора в первые века н.э. // СА. 1985. № 1. С. 7.

³ Там же. С. 71.

⁴ Кереев Б.Н. Чегемский курган – кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985. С. 203.

⁵ Zichy J. Kaukaszies kozepzai Utazasai comte eu gene die Zichy Vogages au Caucase et en Asie Centrale. Т. II. Budapest, 1897. Pl. XXV.

⁶ Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. С. 196.

⁷ Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Москва: Наука, 1971. С. 66.

⁸ Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., Черкасов В.А. Исследование кургана № 5 на втором могильнике Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. Материалы Минаевских чтений по археологии, этнографии и региональной истории Северного Кавказа (23–24 октября 2009 г.). К 65-летию исторического факультета. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2009. С. 68–72.

⁹ Миллер В.Ф. Терская область. МАК. Вып. 1. М., 1888. Табл. XXVI, 99.

¹⁰ Zichy J. Указ. соч. Pl. XXV, 14.

¹¹ Прокопенко Ю.А. Указ. соч. Рис. 215, 34, 35.

¹² Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VII. М., 1900. С. 317. Рис. 250.

¹³ Малышев А.А. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 г. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М.: МГУ, 1993. С. 50.

¹⁴ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М.: Наука, 1985. С. 174–175.

¹⁵ Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 98–99.

¹⁶ Малышев А.А. Указ. соч. С. 53–54.

¹⁷ Прокопенко Ю.А. Указ. соч. С. 236–237. Рис. 215.

¹⁸ Пьянков А.В. Керамические украшения с позолотой с северного берега Краснодарского водохранилища // Древности Кубани. Вып. 6. Краснодар, 1998. С. 8–10.

¹⁹ Там же. С. 8–10.

²⁰ Кинжалов Р.В. Грустная Нереида // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. СПб., 1998. С. 293–307.

²¹ Шауб И.Ю. Указ. соч. С. 388.

Yu.A. PROKOPENKO

**ELEMENTS OF THE ANCIENT CULT OF THE DEAD
IN THE FUNERAL RITES OF THE POPULATION –
MEDIA CULTURE CENTRAL CISCAUCASIA
CRYPT BURIALS OF III–II CENTURIES BC**

The report focuses on the analysis of the semantics of anthropomorphic images on the subjects identified in the tombs burial vaults III–II centuries. BC. Central Pre-Caucasus related to the influence of ancient culture. The characteristics of things, the traditional ancient funeral rites. This coin – “obol dead” plaques with antique subjects (nereid in the hippocampus), medallions – gorgoneion and details terracotta necklaces (Statutory images female head, palmettes et al.). The results of the semantic analysis of subjects, especially their mythological component allows all of the images open in the tombs of burial vaults, attributed to the cult of the dead.

Keywords: Vault, the cult of the dead, ancient story, “obol dead” sea nymph, the hippocampus.

В.А. Фоменко
(г. Нальчик)

ДОЛЬМЕНЫ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ

В статье рассмотрены наиболее важные вопросы современного этапа изучения одной из ярких археологических культур Западного Кавказа – культуры строителей дольменов. Принято считать, что эта культура существовала в эпоху ранней и средней бронзы. В настоящей работе приводится краткая характеристика степени изученности дольменной культуры.

Также говорится о восточной границе распространения дольменов в Предкавказье. Затронут вопрос о традициях строительства дольменов и дольменообразных склепов в раннем железном веке и в эпоху средневековья.

Ключевые слова: Западный Кавказ; эпоха бронзы; дольмены; археологическая культура; степень изученности; ареал существования; дольменообразные склепы; ранний железный век; эпоха средневековья.

Наземные и полуподземные дольмены – одни из самых заметных археологических памятников. В предгорной лесной зоне Западного Кавказа они – неотъемлемая часть культурного ландшафта. Уже более двухсот лет здешние дольмены осматриваются и изучаются путешественниками, учеными, краеведами и эзотериками. Работ, посвященных дольменам, опубликовано много. К сожалению, не все статьи, брошюры и книги о дольменах можно назвать научными или научно-популярными.

Основным исследователем дольменов и дольменной культуры Западного Кавказа можно назвать археолога Владимира Ивановича Марковина (29.12.1922 – 23.02.2008)¹. Экспедиции под его руководством в 1967–1975 годах фиксировали и изучали западнокавказские дольмены, а также другие памятники связанные с дольменами. В работах В.И. Марковина приведена наиболее полная история изучения дольменов².

Понятие «дольменная культура» стало распространенным в конце 50-х годов XX в.³ и укоренилось в отечественной науке. Оно практически тождественно понятию «культура строителей дольменов». Название этой археологической культуры связано с мегалитическими сооружениями – дольменами (от кельтских слов: *tol* – стол, *men* – камень)⁴.

Значительной трудностью в изучении дольменов является их практически полная ограбленность, а также их вторичное использование для более поздних погребений (вплоть до XIV–XVI вв.). Бытовые памятники (поселения) связанные с дольменами изучены недостаточно⁵.

Большинство научных публикации, посвященных западнокавказским дольменам, содержат в себе одну или несколько категорий данных о них:

1. описания отдельных дольменов и их групп;
2. характеристику основных археологических находок в дольменах и возле них;
3. классификацию дольменов, выделение и сравнение их типов;
4. терминологические рассуждения о дольменах и других мегалитах;
5. попытки построения относительной и абсолютной хронологии дольменов;
6. поиск истоков традиции строительства дольменов;
7. рассуждения о назначении дольменных памятников;
8. дополнение данных археологии сведениями из фольклора, этнографии современного местного населения.

Малочисленность находок вещей погребального инвентаря и массовость самих наземных и полуподземных дольменов способствовали развитию классификаций кавказских дольменов. Наиболее развернутая типологическая классификация дольменных сооружений была разработана В.И. Марковиным.

Он предполагал, что строительство дольменов на Западном Кавказе эволюционировало от плиточных к составным (блочным). Корытообразные и монолитные дольмены по мнению Владимира Ивановича являются технологическим вариантом создания плиточных дольменов⁶. Однако, классификация В.И. Марковина не подтверждена хронологией большинства обозначенных им типов дольменов.

В отличие от многочисленных наземных и полуподземных дольменов, новосвободненский тип подкурганных дольменов в урочище Клады у станицы Новосвободной в Адыгее, часто характеризуется богатством погребального инвентаря. В качестве примера можно привести каменную гробницу Серебряного кургана, скрытую под внушительной насыпью диаметром по основанию 148 м и высотой около 12 м⁷.

Датированные комплексы могильника Клады позволили археологу А.Д. Резепкину выдвинуть собственную классификацию дольменов Западного Кавказа. По данным А.Д. Резепкина раннюю группу составляют так называемые двухкамерные подкурганные гробницы, исследованные им в урочище Клады. Эти наиболее древние дольмены строились только в период существования новосвободненского варианта майкопской культуры. Позже появились, не связанные с подкурганными двухкамерными, дольмены других типов: подковообразные (составные), плиточные и круглые гробницы⁸.

Впрочем, схемы развития строительства дольменов, предложенные В.И. Марковиным и А.Д. Резепкиным, остаются во многом умозрительными из-за «отсутствии достоверной и независимой датировки различных типов дольменов»⁹.

Считается, что дольмены на Западном Кавказе возводились в течение длительного периода, видимо, превышающего тысячу лет. К настоящему времени выявлены некоторые «строительные и архитектурные эталоны»

строителей дольменов. В.А. Дмитриеву удалось установить возможные древние строительные меры («дольменные» локоть и ладонь)¹⁰.

В связи с вышеуказанными особенностями дольменных памятников их относительная и абсолютная хронология остаются слабо разработанными и дискуссионными¹¹.

В работах М.Б. Рысина были проанализированы многие прототипы вещевого комплекса (оружие, керамика, украшения) и погребального обряда дольменной культуры, происходящие из малоазийско-эгейского региона¹².

В эпоху средней бронзы традиция строительства дольменов на Западном Кавказе угасает. В эпоху поздней бронзы и раннего железа дольменные (точнее дольменовидные) постройки в Прикубанье очень редки. В районе Геленджика исследованы подкурганные дольмены VIII–VI вв. до н.э.¹³, близкие классическим дольменам эпохи ранней бронзы.

Только в эпоху раннего средневековья традиция строительства дольменов возрождается (Рис. 1), причем на весьма ограниченных территориях (например, в Верхнем Прикубанье)¹⁴. Дольменообразные гробницы Верхнего Прикубанья условно можно разделить на несколько типов:

1. Постройки, напоминающие плиточные дольмены и дольмены-монолиты эпохи бронзы (долина р. Индыш).

2. Сооружения, имитирующие составные дольмены эпохи бронзы (гора Иордан, городища Амгата и Гиляч).

3. Гробницы, стены которых сложены кладкой из небольших плиток и имеющие в передней стенке прямоугольное или округлое входное отверстие (р. Кривая, городище Гиляч и др.).

4. Существовали и переходные формы дольменообразных гробниц к скальным захоронениям (Сенты) и подземным склепам (Дардон).

Все упомянутые выше типы дольменообразных гробниц Верхнего Прикубанья построены и использовались в эпоху средневековья (судя по находкам вещей IV–XII вв.)¹⁵.

Считается, что западнокавказские традиции строительства мегалитических (дольменовидных) гробниц (новосвободненская и дольменная культуры) в эпоху бронзы проникали в более восточные области Предкавказья – Притеречье и Пятигорье. Так на территории Нальчика¹⁶ и в его окрестностях (у сел. Кишпек¹⁷) изучены монументальные дольменовидные подкурганые гробницы, а в районе Железноводска упоминаются плиточные дольмены¹⁸.

Современные краеведы не оставляют надежд найти классические дольмены эпохи бронзы в Кабардино-Балкарии. Совсем недавно за селением Лечинкай были найдены остатки старинного кладбища. Одно из каменных намогильных сооружений по форме напоминает полуразрушенный дольмен.

12.02.2015 в интернете краевед В.Н. Котляров разместил краткую информацию о находке дольмена эпохи бронзы на территории Кабардино-Балкарии и сообщил, что фотографии этого памятника были отправлены в город Майкоп двум местным археологам. Археологи указали в заключении, что: «Наземное сооружение в бассейне р. Чегем

в Кабардино-Балкарии является мегалитическим памятником ... Возможно, что это была двухкамерная гробница ... Плита с лазом не уцелела, но найден её фрагмент, на котором просматривается обломок круглого отверстия. ... Таким образом, открытый памятник, скорее всего, является дольменом (испун) или дольменообразной двухкамерной гробницей»¹⁹.

Мне лично, к сожалению, не удалось побывать на месте находки «лечинкайского дольмена», но и на размещенных в интернете фотографиях (Рис. 2 (внизу слева)) хорошо видно, что за дольмен эпохи бронзы только что упомянутые краевед и коллеги-археологи приняли довольно распространенную погребальную надгробную конструкцию – прямоугольную каменную оградку (по-кабардински – чэщанэ). Данный вид чэщанэ (упрощенная форма происходящая вероятно от многогранного купольного мавзолея также называемого чэщанэ) обычно датируется XVIII в. и позднее²⁰. Рядом с чэщанэ, судя по фотографии, расположены остатки многогранного мавзолея XVIII в. Так что ничего сенсационного в лечинкайской находке нет. Мавзолеи в окрестностях селений Чегем и Лечинкай раскапывались Кабардинской археологической экспедицией 1949 г. под руководством К.Э. Гриневича²¹. Группы каменных мавзолеев XVIII в. были зафиксированы в низовьях реки Гунделен близ селения Заюково, на месте современного селения Баксаненок (Рис. 2 (вверху)) и в других местностях²². Очень похожие на «лечинкайский дольмен» прямоугольные в плане чэщанэ сохранились у селения Верхний Куркужин (Рис. 3)²³.

Вполне возможно, что классические плиточные дольмены эпохи бронзы в недалеком будущем будут документально зафиксированы на территории Кабардино-Пятигорья, но пока такие факты однозначно не установлены.

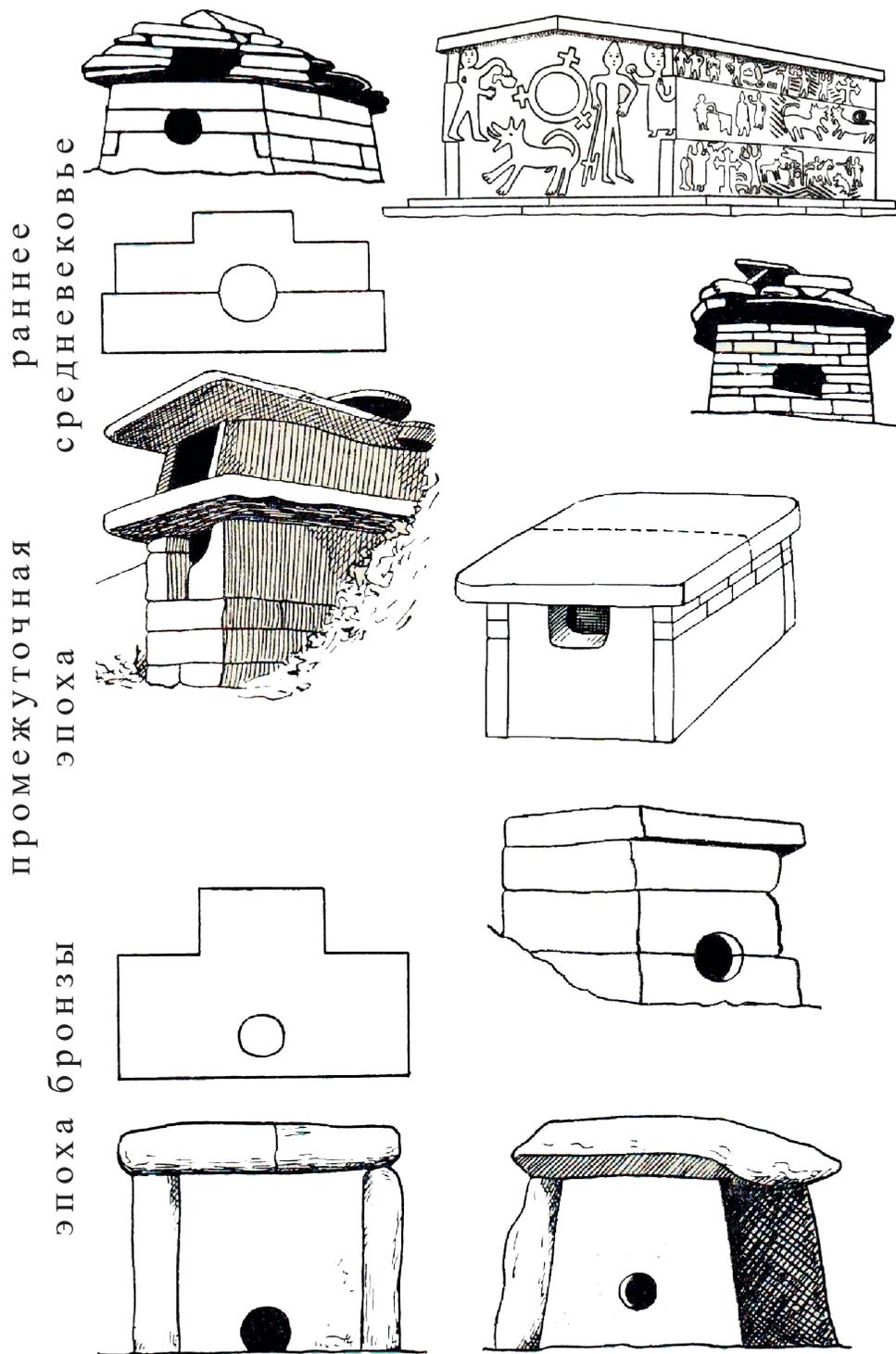

Рис. 1. Схема эволюции дольменов Западного Кавказа от эпохи бронзы до Средневековья (по В.А. Кузнецову, Е.П. Алексеевой, В.А. Фоменко)

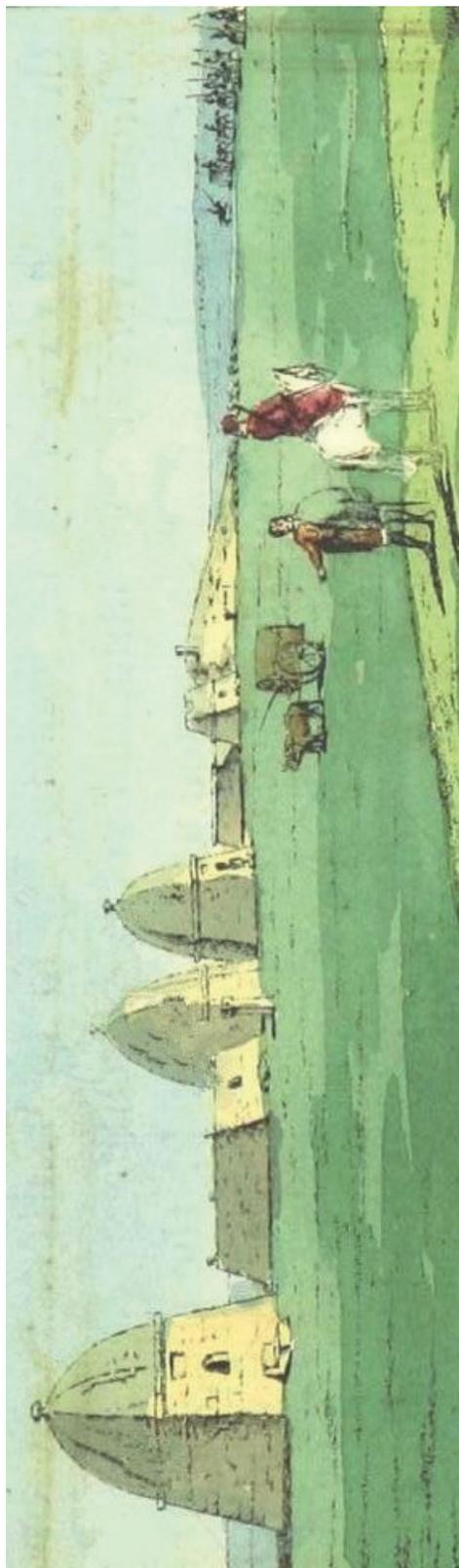

Рис. 2. Кабардинские мавзолеи и склепы-загородки XVIII в. Вверху – район современного селения Баксаненок (по Pallas, 1798), внизу слева – остатки чэцанэ у сел. Лечинкай, внизу справа – остатки чэцанэ в сел. Шадушка

Рис. 3. Склеп-загородка XVIII или XIX в. у сел. Верхний Куркужин
(фото автора 2009 г.)

Примечания

¹ Мунчаев Р.М. Марковин Владимир Иванович: страницы жизни и творчества // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М., 2004. С. 5–20.

² Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.; Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 226–253; Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: Институт археологии РАН, 1997. 404 с.; Марковин В.И. Курган Псынако – памятник дольменной культуры Кавказа. Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2011. 84 с.

³ Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены, свидетели древних цивилизаций. Краснодар. Краснодарское книжное издательство, 2001. С. 24.

⁴ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 3.

⁵ Марковин В.И. Дольменные памятники Прикубанья... С. 212–243; Рысин М.Б. Керамика из поселения строителей дольменов в Майкопском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 215–223.

⁶ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 226–253.

⁷ Резепкин А.Д. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2011. (Труды Института истории материальной культуры. Т. XXXVII). 344 с.

⁸ Резепкин А.Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988. С. 163. Табл. 2.

⁹ Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа... С. 30.

¹⁰ Дмитриев В.А. Традиционная метрология народов Северного Кавказа // Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1987.

¹¹ Мелешко Б.В. О финальной дате дольменных памятников Кавказа // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2010. Вып. 224. С. 202–213; Николаева Н.А. Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». М., 2009. № 1. С. 162–174.

¹² Рысин М.Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). (Археологические изыскания. Вып. 46). СПб., 1997. С. 85–123.

¹³ Аханов И.И. Геленджикские подкурганые дольмены // Советская археология. М., 1961. № 1. С. 139–149.

¹⁴ Фоменко В.А. Древности долины реки Хасаут и другие археологические памятники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2016. С. 42.

¹⁵ Фоменко В.А. Раннесредневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья (вопросы хронологии и культурно-этнической принадлежности) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Нальчик, 2011. Вып. 4 (42). С. 59–65; Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 42–47.

¹⁶ Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973. 67 с.

¹⁷ Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем 2 // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984. Т. 1. С. 164–253.

¹⁸ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 284. Рис. 133–3,4; Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А. Археологические памятники у горы Верблюд. Пятигорск, 2005. С. 8–10.

¹⁹ Котляров В.Н. Вывод ученых: в Лечинкае найден дольмен (испун), или дольменообразная двухкамерная гробница. URL: <http://viktorkotl.livejournal.com/108406.html> (дата обращения: 3.12.2017).

²⁰ Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ... С. 61–64.

²¹ Гриневич К.Э. Отчет о работе Кабардинской археологической экспедиции 1949 года. Нальчик, 1949. Рукопись хранится в архиве Института археологии РАН. Ф. Р-1. Д. 350.

²² Лавров Л.И. Альбом и макеты Д.А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 71–84.

²³ Фоменко В.А. Северо-Западный и Центральный Кавказ... С. 166. Рис. 96–2.

V.A. FOMENKO

WESTERN CAUCASIAN CULTURE OF DOLMEN BUILDERS

The article considers the most important issues of the modern stage of studying one of the bright cultures of the Western Caucasus - the archaeological culture of the dolmen builders. It is believed that this culture existed in the era of early and medium bronze. In this paper, we give a brief description of the degree of study of the dolmen culture. It also talks about the eastern border of the distribution of dolmens in Ciscaucasia. The issue of the traditions of the construction of dolmens and dolmen-like crypts in the early Iron Age and in the Middle Ages was touched upon.

Keywords: Western Caucasus; the Bronze Age; dolmens; archaeological culture; degree of study; area of existence; dolmen-like crypts; the early Iron Age; the Middle Ages.

А.Р. Шаов
(г. Нальчик)

РОЛЬ СКИФОВ В КУЛЬТУРОГЕНЕЗЕ КАМЕННОМОСТСКО-БЕРЕЗОВСКОЙ (ЗАПАДНОКОБАНСКОЙ) КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются вопросы связанные с влиянием скифов на материальную и духовую культуру носителей каменномоостско-березовской (западнокобанской) культуры. В работе показаны основные подходы отечественных исследователей к решению данных проблем. Анализируется археологический материал в котором зафиксированы свидетельства многогранных и сложных связей кочевников и автохтонов в VII–V вв. до н.э.

Ключевые слова: скифы, культурогенез, каменномоостско-березовская (западнокобанская) культура, материальная культура, погребальный обряд.

К проблеме связей древнего населения Северного Кавказа исследователи обращались неоднократно. Изучение скифской проблематики в данном контексте связано, прежде всего, с именами таких ученых как, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, В.И. Козенкова, В.Б. Ковалевская, С.Л. Дударев, благодаря усилиям которых во многих памятниках Предкавказья в разное время был выявлен и интерпретирован значительный пласт скифских материалов. К вопросу присутствия кочевников на этой территории обращались также скифологи, в частности В.А. Ильинская и А.И. Тереножкин, посвятившие этой теме отдельную главу в своей совместной монографии¹. Однако наибольшее внимание они уделили истории и культурогенезу собственно скифов, что в целом согласуется с их научными интересами.

Исследователями по-разному оценивается степень влияния кочевников на автохтонов Северного Кавказа. Так, Е.И. Крупнов находил связи местных культур со скифским миром настолько сильными, а степень их взаимодействия настолько тесными, что, в конечном счете, они способствовали их материальному переоформлению². Близкую позицию по данному вопросу занимает В.Б. Ковалевская. Скифское влияние, как она полагает, было столь существенным, что позволяет выделить в кобанской культурно-исторической общности отдельную, «скифо-кобанскую культуру»³.

О сильном влиянии скифов на автохтонов Центрального Предкавказья писали также В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев⁴. В свою очередь, крупный исследователь В.Б. Виноградов говорит об очень скромном степном воздействии, заметном в инвентаре горских кобанских памятников, и отсутствии ее в обряде⁵.

В оценке характера взаимодействия степняков и кобанцев также существуют несколько противоположенных точек зрения. М.Н. Погребова, Д.С. Раевский, В.Б. Ковалевская и В.Р. Эрлих говорят о межэтническом симбиозе, своеобразном «разделении труда» между кобанцами-ремесленниками и скифами-воинами⁶. В.Б. Ковалевская полагает, что в период военных походов скифов и население Центрального Предкавказья связывали союзные отношения, когда первые осуществляли военную функцию, а вторые, с высоким уровнем ремесла, производственную. При этом в этих отношениях ведущую роль играли, как она считает, скифы. По ее мнению, «именно из состава местных кобанцев с их высоким уровнем ремесла – гончарного и бронзолитейного, рекрутировались те ремесленники, которые, находясь в составе скифского войска, снабжали воинов высококачественным оружием»⁷.

Другая часть исследователей – С.В. Махортых, В.Б. Виноградов, С.Л. Дударев и др., отстаивают идею о формировании в результате межэтнического синтеза между местным населением Предкавказья и скифами, новых этно-групп, с синкретическими скифо-кавказскими этнокультурными чертами⁸. По мнению С.Л. Дударева, племена Центрального Предкавказья находились в прямой зависимости от кочевников и выплачивали дань. Политическое неравноправие, как он полагает, ущемляло хорошо развитые отрасли военного дела (конница), и тормозило социальный прогресс у автохтонов⁹.

В свою очередь В.И. Козенкова считает, что с началом проникновения ранних скифов населения Центрального Предкавказья отступила в горы, но через незначительное время вернулось на прежние места и наладило контакты со степняками. В качестве аргумента она отмечает, что археологический материал не позволяет однозначно говорить о прямой и грубой зависимости автохтонов от кочевников. По мнению исследователя в VI–V вв. во взаимоотношениях коренного населения и пришельцев можно наблюдать своеобразный вооруженный нейтралитет, под которым нужно понимать – экономические взаимодействия, обмен и договорю позволявшие автохтонам заниматься традиционными занятиями, в частности отгонно-яйложным скотоводством. В.И. Козенкова не исключает и этнические смешения, которые привели через несколько поколений к ассимиляции местными племенами оставшихся на Кавказе скифов¹⁰.

Некоторая часть исследователей, в числе которых Абрамова, Ольховский, Евдокимов, Мошинский говорит об этнической трансформации собственно части «скифского этноса» Предкавказья в этот период и об образовании, вследствие этого, новой этнической общности¹¹.

Вопросы, отмеченные выше и сегодня вызывают споры, но в одном все же исследователи занимавшимися взаимоотношениями номадов и горцев едины, всеми отмечается активность скифо-кавказских контактов в VII–VI вв. до н.э., в период переднеазиатских походов.

Несмотря на значительные успехи достигнутые учеными в изучении скифских материалов на Северном Кавказе, многие проблемы еще далеки от своего разрешения. Среди них по-прежнему актуальной остается проблема скифо-северокавказских взаимоотношений, без анализа

которых нельзя получить ясную картину генезиса как скифской, так и автохтонных культур.

В конце бронзового и начале раннего железного века на территории Центрального Предкавказья проходили сложные культурно-исторические процессы. Население Кабардино-Пятигорья в это время имело тесные связи с племенами номадами Юго-Восточной Европы. С VII в. до н.э. с севера в этот регион начинают проникать кочевники скифы. Их появление и длительное пребывание здесь во многом определили ход исторического развития на данной территории в VII–V вв. до н.э. Именно в памятниках этого региона фиксируется большая часть материалов свидетельствующих о контактах аборигенов Центрального и Северо-Восточного Кавказа с номадов. По мнению В.Б. Виноградова «эта особенность пятигорских древностей предскифского (киммерийского) и раннескифского времени составляет уже не случайную, а типическую черту, отличающую их от соседних районов и, безусловно, отражающую определенную историческую реальность»¹².

Археологические памятники Кабардино-Пятигорья свидетельствуют о том, что период первых контактов оседлого местного населения и скифов сопровождался военными столкновениями. Так, с началом «скифской эпохи» на данной территории появляются городища и поселений с укреплениями искусственного характера (комплекс «Ясная поляна» вблизи г. Ессентуки, поселение-убежище под Железноводском, Грушевское городища)¹³.

В это же время перестают функционировать ряд могильников, интенсивно использовавшиеся в предскифское время (Лермонтовской, Клин-Ярский 1, Березовские № 4, 5 и 6, Агачевский, Мебельная фабрика, Султан-Горский, Заюковский). На других памятниках, наблюдается заметное уменьшение количества погребений в сравнении с предшествующими периодами (Березовские № 1 и 3, Эчкивашский, Каменно-мостский)¹⁴.

О сложном характере взаимоотношений степняков с населением Кабардино-Пятигорья в это время, могут свидетельствовать также наличие в местных памятниках погребений с покойными, имевшими признаки насильственной смерти. Так, в захоронение 47 Березовского 1 могильника, у погребенного был обнаружен среди ребер бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского типа¹⁵. Трехлопастный втульчатый наконечник стрелы торчал в грудной клетке покойника в одной из могил могильника 2 «Лермонтовская скала»¹⁶. В Исправненском могильнике зафиксировано погребение, в котором бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы найден около черепа¹⁷. В погребении 7 Султангорского могильника 1 в области таза и грудной клетки покойного находились два бронзовых трехлопастных наконечника стрел с шипом на втулке¹⁸. Признаки насильственной смерти отмечены исследователями и на Минераловодском могильнике, где в погребении № 3 в области таза захороненного обнаружен бронзовый наконечник стрелы VI в. до н.э.¹⁹

Но военные столкновения имевшие место в период первых контактов автохтонов с номадами не привели к полному вытеснению или

смене местного населения. После первых столкновений здесь, как предполагают некоторые исследователи, сложились определенные отношения, гарантирующие беспрепятственное передвижение скифов через Кавказ, в страны Передней Азии²⁰.

С этого времени предгорная зона Центрального Предкавказья становится местом постоянного пребывания скифов, откуда они совершают походы в Закавказье и Переднюю Азию²¹. Этому в определенной степени способствовали природно-географические особенности этого региона. Наличие удобных пастбищ, близость крупных месторождений железных руд и транскавказских перевалов²². Как показали исследования В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина число памятников скифской архаики здесь не уступает известным в Причерноморской степи, а по степени концентрации, а часто и по богатству, даже превосходит их²³. К аналогичному выводу, на более обширной источниковой базе, пришел и С.В. Махортых²⁴.

Длительное пребывание скифов (более 200 лет) на территории Центрального Предкавказья вкупе с интенсивностью и мощностью передвижения их отрядов через Кавказ в области Закавказья и Передней Азии, вызвали деформацию практически всех элементов культуры местных племен, как материальной, так и духовной²⁵. В протяжении всего этого периода активно шел процесс постоянной инфильтрации новых элементов культуры.

Подтверждением постоянных связей автохтонов с номадами, в первую очередь, является проникновение в быт первых элементов скифской материальной культуры, так называемой «скифской триады» – оружия, конского снаряжения, звериного стиля, значительно отличающиеся от традиционных форм.

С конца VII в. до н.э. в Центральном Предкавказье наблюдается массовый переход к использованию железа. Развитие черной металлургии было тесно связано со скифскими походами в страны Переднего Востока. Они явились стимулятором, способствующим более быстрому становлению местной металлургии железа и ускоренному освоению производства особо необходимых предметов – железного (стального) оружия новейших образцов²⁶.

К VI вв. до н.э. в Центральном Предкавказье уже успешно применялись такие сложные методы обработки железа как, закалка, горячая ковка, цементация, пакетование, сварка из 2–3 полос, вваривание стальной полосы и т.д. Анализ технологии изготовления качественных стальных артефактов позволяет сделать вывод о том, что эти навыки и знания в обработке железа принесли с собой мастера, переселившиеся сюда во время переднеазиатских походов скифов²⁷.

Одновременно с развитием черной металлургии меняется вооружение. Скифо-савроматское влияние сделало более обычной и регулярной практикой употребление лука и стрел в военном деле населения Центрального Предкавказья по сравнению с предскифским временем²⁸. Так в могильниках каменноостско-березовской (западнокобанской) культуры представлены почти все типы стрел, имевшиеся на вооружении у скифов VII–V вв. до н.э. К наиболее ранним (конец VIII–VII вв.

до н.э.) относятся двухлопастные наконечники разных форм с шипом или без²⁹. Со второй половины – конца VII в. до н.э. в Кабардино-Пятигорье широкое распространение получили бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрел³⁰. В некоторых комплексах VII–VI вв. до н.э. присутствуют также костяные, бронзовые и железные пулевидные наконечники стрел скифского типа³¹.

В VII–V вв. до н.э. в Кабардино-Пятигорье наряду с луком и стрелами широкое распространение получают также мечи и кинжалы скифских типов (Этокский, Белореченский 1, Карабашевский, Султангорский 3, Каррасский, Кисловодский могильники и др.)³².

В эту эпоху шире распространяется такой вид вооружения, как железные топоры, достаточно редкие в Пятигорье в предскифское время, в то время как, значение такого традиционного вида оружия как копья снижается³³. Почти полностью бронзовые наконечники копий сменяются на железные³⁴.

Со скифским влиянием связано и распространение некоторых принадлежностей конского убора: костяных псалиев, железных кованых удил разных форм, разнообразных бронзовых пронизей для перекрестных ремней³⁵.

Благодаря связям с северными кочевниками в могилы поздних кобанцев западного варианта попадал и прямой импорт греческих колоний Северного и Западного Причерноморья (зеркала ольвийского типа из Каменноостского, Хабазского и Каррасского 1 могильников)³⁶.

В погребальном обряде населения Кабардино-Пятигорья скифское влияние проявляется в распространении подкурганых захоронений, появлении вытянутого труположения и западной ориентировки³⁷. Наблюдается значительное увеличение числа простых грунтовых могил без каменного или какого-либо другого оформления, а также ям с булыжной обкладкой и каменной наброской сверху³⁸. Также можно отметить характерное для скифское времени уменьшения процента каменных ящиков из 4-х плит на могильниках, тогда как каменные гробницы и ящики из 6 плит, где наряду с вертикально стоящими плитами использовалась кладка из горизонтально лежащих плит, используются чаще (погребение у хутора Дружба, Тамгацкинский, Железноводский, Карабашево, Кызылкалинский, Каменноостский и Хабазский могильники и др.)³⁹. К раннескифскому и скифскому времени относится появление сложных конструкций типа каменных оградок с несколькими погребальными камерами внутри и отмостками из плоских плит вокруг них (Каменноостский, Султангорский 3, Тамгацкинский)⁴⁰. Появление и распространение подобных гробниц и конструкций в Предкавказье скифского периода В.Б. Ковалевская рассматривать как переднеазиатское влияние, явившееся следствием скифских походов⁴¹.

В это же время становится больше могил, в погребальном инвентаре которых находились не только предметы конского снаряжения, но и тех, где обнаружены целые остовы коней (погребение у хутора Байбарис, Быкогорский могильник, курганы у хутора Дружба, могильники Каменноостский, Прикумский, Султангорский 3) или отдельные лошадиные кости (курганы у хутора Дружба, Заюковский 1, Кызылка-

линский, Прикумский, Султангорский 3, Тамгацикский могильники), что является свидетельством культурного синкретизма порожденного взаимодействием местного автохтонной и пришлой степной культур⁴².

Присутствие скифов в предгорной зоне Центрального Предкавказья привело к значительным изменениям и в общественном укладе местных племен. Так продолжительные контакты со скифами, которые находились на стадии образования раннего государства, а также участие в переднеазиатских походах ускорили процесс социальной стратификации в среде населения Кабардино-Пятигорья. Анализ материалов из воинских комплексов, проведенный В.Б. Ковалевской показал, что для VII–VI вв. до н.э. в среде воинов наблюдалось уже достаточно четкое вертикальное членение на ряд групп-рангов⁴³. К этому времени имущественно обособляется патриархальная семья⁴⁴.

Участие в скифских походах стимулировало процесс дальнейшего развития военной демократии. Происходит выдвижение некоторых наиболее могущественных групп местного населения, тесно контактировавших со степняками⁴⁵.

В VII–VI вв. происходит рост числа профессиональных воинов, а распространение в массовом масштабе железного и стального оружия, скифского стрелкового вооружения позволило значительно усилить военную мощь автохтонного населения⁴⁶. Если в VIII–VII вв. до н.э. захоронения всадников сопровождали 1–2 вида оружия, то в VII–VI вв. до н.э. в экипировку всадника входит 3–4 вида⁴⁷. В то же время происходят существенные перемены и в пешем ополчении. Представленное в VIII–VII вв. до н.э. одним рангом – воинами-копейщиками в VII–VI вв. до н.э. оно характеризуется двумя рангами, имевшими соответственно 2 и 1 вид оружия – лук или копье, акинак или топор; акинак⁴⁸. Подобная дифференциация, по мнению С.Л. Дударева, отражает возросший уровень участия рядовых общинников в военных предприятиях⁴⁹.

Таким образом, анализ археологического материала позволяет говорить о значительном влиянии скифов на культуру автохтонов интересующего нас региона. Появление, длительное пребывание кочевников в Предкавказье и те сложные процессы протекавшие в связи с этими обстоятельствами привели к полной трансформации каменноостско-березовской культуры. Она принимает скифоидный характер. Меняются набор вооружения, конская упряжь, формы, орнаментация глиняной посуды, погребальный обряд.

Проблема взаимодействия кочевников и автохтонов Центрального Предкавказья как и прежде остается актуальной и сложной. Исследование новых памятников скифского периода в данном регионе в дальнейшем могли бы способствовать углублению наших знаний. Перспективным направлением в этой связи представляется изучение бытовых памятников, которые к сожалению мало изучались как в советское так и в новейшее время. Использование междисциплинарного подхода, широкого спектра естественно-научных методов могут также пролить свет на многие интересующие исследователей вопросы.

Примечания

- ¹ Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 25.
- ² Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 171–172.
- ³ Ковалевская В.Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Известия Академии Грузинской ССР. Тбилиси, 1985. № 3. С. 48–69.
- ⁴ Markowin W.I., Muntschajew R.M. Kunst und Kultur im Nordkaukasus. Leipzig, 1988. S. 88.
- ⁵ Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 291.
- ⁶ Погребова М.Н., Раевский Д.С. К вопросу об «отложившихся скифах» // Вестник древней истории. М., 1989. № 1. С. 63; Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994. С. 110–112.
- ⁷ Ковалевская В.Б. Кавказский субстрат и передвижение ираноязычных племен (на материалах центрального Предкавказья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока: Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989. С. 79; Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 62.
- ⁸ Виноградов В.Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон в этно-культурной истории центральной части северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 7; Дударев С.Л. К этнополитической истории Кавказа в эпоху киммерийско-скифских походов // Археология и краеведение – вузу и школе (Вторая региональная научно-практическая конференция): Тез. докл. Грозный, 1985. С. 44; Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 100, 107; Дударев С.Л. К изучению процессов межэтнического синтеза в Предкавказье в скифское время // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 187; Махортовых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 84–85.
- ⁹ Дударев С.Л. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 219.
- ¹⁰ Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. Научный доклад, представленный в качестве диссертации учен. степ. д.и.н. М., 1989. С. 48.
- ¹¹ Абрамова М.П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 118; Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III в.в. до н.э. М., 1994. С. 45; Мошинский А.П. Взаимосвязь населения горных районов Северного Кавказа со скифами (по дигорским материалам) // «Российская археология». М., 1997. № 3. С. 33–45.
- ¹² Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 205.
- ¹³ Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант. М., 1977. С. 12.
- ¹⁴ Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 78.
- ¹⁵ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 87.
- ¹⁶ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 87.
- ¹⁷ Ковалевская В.Б. Разведки и раскопки на р. Эшкакон // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. С. 122–123.
- ¹⁸ Дударев С.Л. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 209.

¹⁹ *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Минераловодский могильник VI–IV веков до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. XX. Цхинвали, 1976. С. 25.

²⁰ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 25.

²¹ *Дударев С.Л.* О характере скифо-кавказского этнокультурного взаимодействия в VII–VI вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 181.

²² *Фоменко В.А.* К вопросу о влиянии природно-географических условий Предкавказья на пути перемещения кочевников в предскифскую и раннескифскую эпохи // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар, 1993. С. 103–104.

²³ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 67, 71; *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 56.

²⁴ *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 74–81, 104–106, 112–113.

²⁵ *Козенкова В.И.* Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. Научный доклад, представленный в качестве диссертации учен. степ. д.и.н. М., 1989. С. 45; *Фоменко В.А., Шаов А.Р.* Каменноостский могильник предскифского и скифского времени на реке Малке // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2016. С. 58.

²⁶ *Козенкова В.И.* Кобанская культура. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 266; *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории культуры. М., 2003. С. 173; *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 59.

²⁷ *Терехова Н.Н.* Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // Советская археология. 1983. № 3. С. 110–128; *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 59.

²⁸ *Дударев С.Л.* К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 218.

²⁹ *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 85–89.

³⁰ *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 344. Рис. 28, 6–8, 30; *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Минераловодский могильник VI–IV веков до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. XX. Цхинвали, 1976. С. 30; *Батчаев В.М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. Нальчик, 1985. С. 8. Табл. 1, 5, 9, 11; *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник: (на примере оленных камней Северного Кавказа). Новосибирск, 1984. С. 238. Рис. 2, 5, 14; *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1969. С. 134. Рис. 14. 28; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 310. Табл. 136, 18, 21; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 96. Рис. 30, 6, 16, 18.

³¹ *Афанасьев Г.Е., Рунич А.П.* Минераловодский могильник VI–IV веков до н.э. // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. XX. Цхинвали, 1976. С. 38. Рис. 3, 34.

³² *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972. С. 62; *Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 95.

³³ *Виноградов В.Б., Рунич А.П.* Новые данные по археологии Северного Кавказа // Археолого-этнографический сборник. Т. III. Грозный, 1969.

³⁴ Дударев С.Л. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 219.

³⁵ Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 99.

³⁶ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 87.

³⁷ Виноградов В.Б. Указ. соч. С. 88–93; Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 89; Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 58; Козенкова В.И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. научный доклад, представленный в качестве диссертации учен. степ. д.и.н. М., 1989. С. 44–48.

³⁸ Козенкова В.И. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 262–266.

³⁹ Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 78.

⁴⁰ Членова Н.Л. Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 235–241; Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 78; Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 58.

⁴¹ Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 58.

⁴² Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989. С. 85.

⁴³ Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 79.

⁴⁴ Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: узловыe проблемы происхождения и развития кобанской культуры. М., 1996. С. 101.

⁴⁵ Ковалевская В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. М., 2005. С. 79. Дударев С.Л. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 219.

⁴⁶ Дударев С.Л. Ранний этап освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983. С. 13; Дударев С.Л. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 219.

⁴⁷ Дударев С.Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 23–24.

⁴⁸ Дударев С.Л. Социальный аспект раннего этапа освоения железа на Центральном Предкавказье и в бассейне р. Терека (IX–VII вв. до н.э.) // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 24. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 57.

⁴⁹ Дударев С.Л. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V вв. до н.э. // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева. М., 2011. С. 219.

A.R. SHAOV

THE ROLE SCYTHIANS IN CULTUROGENESIS KAMENNOMOST-BEREZOVSK (WEST-KOBAN) CULTURE

The article deals with issues related to the influence of scythians on the material and spiritual culture of kamennomost-berezovsky (west-koban) culture. The paper shows the approaches of Russian researchers to the solution of these problems. The archaeological

material is analyzed in which evidence of many-sided and complex connections of nomads and autochthons in the VII–V centuries BC.

Keywords: scythians, culturogenesis, kamennomost-berezovsk (west-koban) culture, material culture, burials rites.

Ф.А. Озова
(г. Черкесск)

ЧЕРКЕССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Кавказ был одной из первых территорий распространения христианства. Статья посвящена анализу строительства и бытования в Черкесии христианских институтов, их влиянии на социальные и политические институты Черкесии, на менталитет и правовую культуру ее социума.

Ключевые слова: Православие, христианские институты, зихи, адыги, черкесы.

Исторически черкесские религиозные верования прошли в своем развитии три этапа: язычество, христианство и мусульманство. Каждый из них оставил свой отпечаток на обычаях и традициях, многие религиозные учения со временем становились национальными обычаями и традициями...

Хавжоко Шаукат Муфти

Византийские источники и изучение средневековой истории Черкесии

Черкесы имели тесную связь с греко-римским миром со времен аргонавтов, с 1250 г. до н.э.¹ Многие черкесские царства вошли в IV в. до н.э. в Боспорское царство, что не только не прервало их самостоятельного развития, но, напротив, очень благотворно повлияло на внутренние социально-экономические и политические процессы. Боспорское царство признано «важной интегральной частью античного мира»². Базовые ценности античной цивилизации, легшие в основу развития европейской цивилизации, как «концепция народовластия (демократия), примат закона, само понятие «полноправный гражданин», право человека на свободные поиски истины»³, были также органической составляющей и Кавказской цивилизации, смыслообразующее ядро которой принадлежало черкесскому этносу.

Обширные связи с греко-римским миром способствовали тому, что Кавказ стал одним из первых регионов распространения христианства. С другой стороны, христианизация Черкесии была подготовлена ее эволюцией. Древние и развитые мифологические верования черкесов в значительной мере были идентичны мифологическим верованиям классических народов⁴. В них еще с хаттских времен большую роль играли монотеистические представления. Термин «Тхъэ» (Тхъа, Единый Бог), имеющий этимологию *Отец людей* возник в языческой традиции

не позже рубежа II и I тысячелетий до н.э.⁵, ему были подчинены все высшие и низшие духи адыгского пантеона. Впоследствии он стал обозначать синкретичного бога, вобравшего в себя, «наряду с языческими чертами, сущностную сторону иудейско-христианского бога»⁶. Это понятие использовалось (христианский период) и используется поныне (исламский период) для обозначения Бога Авраамической традиции.

Византийские источники имеют огромное значение для изучения национальных историй многих народов мира. В числе их и черкесы, имевшие с Византийской империей на протяжении всей истории ее существования как политические, военные, экономические, так и конфессиональные связи. Более того, эти связи оказали значительное влияние на структурирование черкесского социума. Как считают историки уже в эпоху Юстиниана в странах Кавказа, в том числе и в Черкесии, сложились предпосылки для зарождения раннефеодальной государственности⁷.

Изучение национальной и церковной истории черкесов через призму византийских источников не имеет самостоятельного характера и является составной частью византиноведения и церковно-исторической науки России. Становление русского византиноведения относится к XVIII в. – тогда были осуществлены первые переводы и публикации византийских источников⁸. В XIX в. эта работа приобрела уже систематический характер и была осуществлена публикация полных переводов важнейших византийских источников на русском языке⁹. Особое внимание проблемам кавказской истории в византиноведении и в церковно-исторической науке стало уделяться со времени включения Кавказа в состав Российской империи (1864 г.)¹⁰. Непреходящее значение для изучения истории Черкесии имеют материалы, «Трудов...» основателя русской школы византистов В.Г. Василевского¹¹. Среди первых исследований по истории христианства на Кавказе труды Ю.А. Кулаковского¹². Его исследования, как и труды В.Г. Василевского имеют своим фундаментом византийские первоисточники.

Архимандрит Макарий (Булгаков) (1846), впоследствии митрополит Московский и Коломенский, свое исследование по истории РПЦ предвосхитил церковной историей Кавказа, обозначенного у него под топонимами-масками Скифия и Сарматия (Зихия и Алания). Однако собственно черкесской он признавал только Зихскую епархию, в которой согласно ПВЛ в 988 г. получил крещение св. князь Владимир¹³. Хотя и достаточно упрощенно, митрополит Макарий представил процесс «вхождения» в РПЦ ряда Церквей, в числе которых была и Зихская Церковь: «в состав настоящей Русской Церкви мало-помалу вошли заметно и незаметно, все те небольшие частные Церкви, какие были основаны святым апостолом Андреем»¹⁴. Особенностью его труда можно назвать проецирование современных ему границ Российской империи на Приазово-Причерноморский бассейн I тысячелетия н.э., в силу чего земли черкесов не были соотнесены им со Скифской и Аланской епархиями.

В отличие от архимандрита Макария (Булгакова) полковник Генерального штаба А.В. Ракин (1862), первый директор Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) на основе широко-

го использования греческих, римских, византийских, армянских и грузинских источников подошел к реконструкции истории христианства в кавказских странах с большим историзмом. Его труд, не предназначавшийся широкой публике и специально составленный для императора Александра II, был выявлен и опубликован недавно (2000) В.А. Захаровым¹⁵. Исследование полковника Ракинта ценно тем, что оно представляет этническое лицо христианства на Кавказе. А. В. Ракинт, как ни один из писавших об этой проблеме авторов, подробно и ясно показал характер распространения здесь новой религии; его исследование еще раз убедительно подтвердило, что христианство проникло на Кавказ в первом веке н.э., что оно стало здесь государственной религией «значительно раньше, чем в ряде государств Европы, чем в самой Римской империи», что «именно через Кавказ началось проникновение христианства на территорию Руси»¹⁶. А.В. Ракинт, основываясь на многочисленных аналитических документах, отложившихся в русских архивах, уверенно называет Черкесию преемницей, в частности, территории, известной в I тыс. н.э. под топонимом-маской Скифия. Эти выводы согласуются с многочисленными письменными источниками, к примеру, с одним из важнейших из них «Об управлении империей» Константина Багрянородного (X в.)¹⁷ и более поздними, например, И. де Галонифонтибусом (XV в.) и картографическими источниками. Себастьян Мюнстер на своей карте 1559 г. отмечал: «Tarcosia olim Scythia»¹⁸. В этом контексте находят адекватное понимание сведения о малороссийском происхождении черкесов: «а оные кабардинцы едва ль не за подлинно сходцы из Малой России (территория Скифии по Ракинту. – О.Ф.) и как слышно ото всех здешних народов, что оные кабардинцы издревле были все христианского закону; а ныне владельцы и уздени имеют закон махOMETанской, а крестьяна, живущия в деревнях, некоторые содержат веру и закон христианской несовершенно, и в некоторых деревнях есть благочестивые церкви, токмо уже оставлены пусты, которые и посыпанные от меня за разными делами в Кабарды афицеры и дворяне довольно видели»¹⁹.

Несмотря на то, что в советской историографии «наблюдалось категоричное, полное отрицание»²⁰ христианского периода в истории кавказских народов, в том числе, и черкесов, многие советские историки-кавказоведы внесли определенный вклад в разработку этой темы в ходе изучения черкесского Средневековья. Среди них можно выделить, прежде всего, труды Е.С. Зевакина, Л.И. Лаврова²¹ и А.В. Гадло²². Достижения Александра Вильямовича стали возможны благодаря широкому использованию церковных и византийских первоисточников, а также археологических источников. Уникальное место в ряду его исследований занимает статья «Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья»²³. В ней были проанализированы материалы поместных соборов Константинопольской патриархии, церковные предания, апокрифические сочинения, а также труды византийских писателей-историков, начиная от Прокопия Кесарийского (≈ 500 – после 565) и заканчивая Иоанном Цецем (XII).

Первым исследованием истории христианского периода в истории Кавказа, в том числе и Черкесии, в постсоветский период была кандидатская диссертация митрополита Ставропольского и Бакинского Гедедона²⁴. Нельзя обойти вниманием, вышедшую в свет сравнительно недавно, монографию В.А. Кузнецова «Христианство на Северном Кавказе». Следует особо отметить интереснейшую для нашей темы часть монографии, касающуюся структуры Аланской епархии²⁵.

В силу сложности этнонимической и политонимической структуры черкесов, выстраивающейся на основе трудов вышедших из-под пера авторов стран-контрагентов Черкесии, при отсутствии черкесских письменных источников, имеет место определенное сужение территории расселения черкесов в древности и Средние века. Однако при скрупулезном изучении источников, как это было сделано А.В. Ракинтон, А.В. Гадло, В.А. Кузнецовым (последний опирался в этом вопросе также в значительной мере на исследование и С.Н. Малахова), этнические границы черкесов принятые в отечественной историографии заметно расширяются, выявляются топонимы-маски под которыми скрывались значительные территории, заселенные черкесами. Благодаря трудам названных авторов стало очевидно, что значительная часть Скифской епархии, в том числе и территория Крымского полуострова, а также значительная часть Аланской епархии, были заселены черкесами.

Последним по очередности, но не по важности, следует назвать труд черкесского историка и просветителя Ш.Б. Ногмова (1794–1844). Его ценные сведения, основанные на черкесских исторических преданиях и исторических песнях, лежат в основе изучаемого вопроса. Без цитирования соответствующих данных Ногмова не обходится ни один труд по поднимаемой проблематике²⁶.

Представленная Вашему вниманию статья предпринята с целью обобщения имеющихся сведений по церковной истории черкесов I–XIII вв., до начала в Черкесию монгольской экспансии в 1220–1230-х гг. Вторая задача состоит в том, чтобы обратить внимание исследователей на рассматриваемую проблематику. К сожалению, не владея греческим языком и не имея возможности привлечения первоисточников для разработки истории, основанной апостолом Андреем Первозванным Черкесской Церкви, надеемся на интерес к поднимаемым вопросам византинистов. Очевидно, что церковные источники могут способствовать дальнейшей разработке различных аспектов истории черкесского Средневековья. Это касается, прежде всего, вопросов политической и социальной эволюции черкесского социума в более чем тысячелетний период существования Скифской, Зихской и Аланской епархий, когда в значительной мере институциональное развитие черкесской нации было определено принадлежностью к системе государств, консолидировавшихся вокруг Константинополя.

К вопросу об эндонимах и экзонимах

В античное время черкесы были известны под географическим понятием *меоты*. Меоты задолго до появления на Черном море греческих

колоний прошли долгий исторический путь и создали свои яркие культурные традиции²⁷. В пору расцвета меотской культуры (VI в. до н.э.) сформировались язык, этнический облик, самобытная культура и первые зачатки государственности черкесов²⁸. Синды (одна из меотских народностей Приазовья и Причерноморья) создали в V в. до н.э. древнейшее черкесское государственное образование – Синдское царство, являющееся на сегодняшний день одним из древнейших государственных образований на территории Российской Федерации.

В период раннего Средневековья бытовавшее в античной литературе наименование *меоты* было постепенно вытеснено также собирательным наименованием *зиги* (*зихи*), использованным впервые в «Географии» Страбона (26 г.)²⁹. Считается, что наименование *зихи* возникло в результате транслитерации в греческом языке черкесского автоэтнонима *адыгэ*³⁰, произошедшего от одной из ветвей хегайков/кегтахов. (Наименование хегайки имеет в литературе множество различных транслитераций – сагаки, схегакэ, шагахи, хегаки, шегаки. Кегтахы, хехадчъцы (Хан-Гирей). Мы будем использовать вариант «Армянской географии» – хегайки, как наиболее раннее упоминание в литературе, и кегтахы, как наиболее аутентичный черкесскому этимону). Эта точка зрения отражает наиболее широко распространенную в мире закономерность: экзонимы возникают в результате адаптации эндонимов к условиям произношения в других языках, в соответствии с законами их лингвистических систем. В.М. Иллич-Свитыч разделял мнение, что «в этнониме зигои, зигхой византийских авторов отражается древнее самоназвание адыгов (адыгэ)³¹.

Ш.Б. Ногмов также отмечал, что другой известный этноним *касог* или *косог*, под которыми черкесы были известны в раннее Средневековье, возник в результате искажения лексемы *хегайк* этнолингвистическими системами других языков. Он писал, к примеру: «Русские называли их вообще косогами, по названию одного из наших племен (*кегехов*) (хегайков – О.Ф.), которые жили всех ближе к Тмутараканскому княжеству»³².

На основе древнегреческих, римских и византийских источников полковник Генерального штаба А.В. Ракин писал о возникшей в первые века нашей эры Скифской епархии: «Древние греки-нехристиане называли скифами разноплеменных варваров, кочевавших по северным берегам Черного и Азовского морей. Но в Скифской епархии считались собственно кабардинцы (касоги, черкесы. – О.Ф.), жившие вокруг Азовского моря, в Крыму и при устьях рек Кубани, Дона, Днепра до Дуная»³³. Территории за Скифией между Черным и Азовским морями, Доном, Волгой, Каспийским морем и Кавказским хребтом обозначенные источники называли Сарматией и подразделяли ее на две провинции: Зихию и Аланию³⁴. Таким образом, черкесские земли входили несколько церковных епархий: в Скифскую, собственно Зихскую и Аланскую³⁵. Как пишет В. А. Кузнецов: «Термин «аланы» был не только этнонимом одного народа, но и объединительным политонимом всех участников конфедерации во главе с аланами»³⁶. Представления о собственно аланской территории в современной историографии крайне противоречивы. Известный историк А.В. Гадло на основе письменных

и археологических источников сделал вывод, что она составляла «весь район низменности, орошаемой Тереком, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи»³⁷.

На рубеже XII–XIII вв. в результате очередного усиления центробежных сил на территории проживания адыгской общности возникло государство Черкесия³⁸. Политоним *черкес* и топоним *Черкесия* стали бытовать наряду с наименованиями *зихи*, *касоги*, *сугды* и *Зихия*, *Касогия*³⁹, *Сугдея*, вытеснив их окончательно к XV в.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследования по истории черкесского православия должны охватывать существовавшие на протяжении эпохи раннего Средневековья все три церковно-административные провинции Кавказа – Скифскую, Зихскую и Аланскую епархии.

Христианская проповедь в Черкесии. Эволюция системы управления Зихской епархией (I–XIII вв.)

Начало христианской проповеди на Кавказе, согласно церковным преданиям, относилось к первому веку новой эры. Первое государство в мире, официально принявшее христианство, принадлежало кавказской Армении (301 г.)⁴⁰. В отечественной историографии принято считать, что христианство стало государственной религией в Черкесии при византийском императоре Юстиниане I (527–565). Однако сведения о начале христианской проповеди в Черкесии и данные об ее институализации здесь в первые века н. э. могут внести коррективы в устоявшееся представление.

Уделом Андрея Первозванного в апокрифических сказаниях представлена территория Причерноморья⁴¹. В каталоге апостолов св. Епифания Кипрского (IV – начало V вв.) и житии апостола Андрея монаха Епифания (VIII – начало IX вв.) сказано, что Андрей Первозванный посетил Зихию, в том числе и город на границе Авастии и Зихии – «Никопсис Зикхийский» (долина реки Нечепс, Ныгепсыхо, Ныджэпсыхью⁴²) и верхнюю Сугдею⁴³. Св. Епифаний Кипрский писал (русские Четвы-Минеи): «Андреа же, оставивъ Симона с ученикы, самъ идевъ Зихию. Жестоци же человеци и люти и до ныне неверми полма. Хотяху Андреа убити, аще быша не ведали его не имуща имения и кротость и страсть ему. Таче оставить я, иде в Сугду горню»⁴⁴. Тот же фрагмент в буквальном переводе В.Г. Василевского выглядит так: «Андрей, оставив там (в Авастии – О.Ф.) Симона, с учениками своими ушел в Зикхию. Зикхи народ жестокий и варварский и донныне на половину не верующий. Они хотели убить Андрея, но увидели его убожество, кротость и подвижничество, и тогда оставили намерение. Апостол, покинув их, пришел к верхним Сугдеям. Эти люди кроткие и доступные вере; они с радостью приняли слово проповеди. От них апостол пришел в Воспор. Находящийся по ту сторону Понта, город, до которого и мы достигали. Жители его, увидев чудеса, которые творил Андрей, скоро оказали послушание, как они сами нам рассказывали. Они показали нам ковчег, имеющий надпись Симона апостола, закопанный в основании храма

св. апостолов (это очень большой храм) и содержащий в себе частицы мощей; от них они дали и нам нечто. Есть и другая гробница, имеющая надпись Симона Ханаанеанина (Кананита), в Никопсисе Зикхийском; она тоже с мощами»⁴⁵ (в VI в. мощи Симона Кананита были перезахоронены в Пицунде⁴⁶).

На Кавказе проповедовали шесть апостолов, из них в Черкесии – Святые Андрей и Филипп⁴⁷. Апостол Андрей побывал практически на всей территории Черкесии и «обратил много народа в христианство», основал здесь ряд епископств: в Тамани (Томос), Пантикапее (Керчь), Херсонесе Таврическом (Севастополь)⁴⁸, в Никопсисе⁴⁹. Бравшая свое начало со времен апостола Андрея (40-е гг. I в.) христианская традиция не прерывалась среди черкесов и в период гонений на христиан в Римской империи. «В царствование императора Трояна, по свидетельству Тертулиана (в 105 г.), у них было много христиан, нравы их смягчались. С 284-го до 576 года черкесы⁵⁰ были усердными христианами: по соборным актам в продолжение этого времени у них в одной Таманской епархии было 12 преемственных епископов, подчиненных Константинопольскому патриарху»⁵¹.

Архимандрит Макарий (Булгаков), который в отличие от полковника А.В. Ракинга прямо называвшего население Приазовья и Крыма – черкесами-кабардинцами, пытавшийся «славянизировать» население Скифской епархии, отмечал, что скифские иерархи были до Халкидонского Собора (451) самовластны (автокефальны). Признание ими власти Константинопольского Архиепископа было скорее данью уважения к «месту его кафедры», так как «титул самовластного иерарха Скифские епископы удерживали за собою даже после Халкидонского Собора, до самого конца существования своей епархии, хотя с этим титулом не соединялось уже прежней власти. В последнее также время они становятся известными под новыми, более почетным именем *Архиепископов*, но и никогда не назывались Митрополитами. А особенность Скифской епархии, по замечанию Соземена, была та, что здесь постоянно сохранялся древний обычай, по которому церквями всей провинции, несмотря на многочисленность ее городов, всегда управлял только один Епископ»⁵².

Боспорская и Херсонская кафедры Таврики были утверждены в III-начале IV вв. под властью Константинопольского патриарха. Подписи представителей Боспора Домна и Кадма стояли под актами I Вселенского собора (325 г.), епископ Херсона Филипп также присутствовал на нем⁵³. Во второй половине V-начале VI вв. Боспорская епархия активно участвовала в обсуждении общих проблем христианской религии⁵⁴.

Зихия имела четыре епархии с резиденциями в Никопсисе, Матаракхе (Тамань), в Зихополисе (расположенном по одной версии по левую сторону Кубани, по другой – у Геленджикского залива), в Фанагории⁵⁵. Известно, что «епископы епархий Фанагорской и Зихийской в начале шестого века упоминаются присутствовавшими на Соборах, так Фанагорийский епископ Иоанн присутствовал на Цареградском соборе 519 г. и подписался под отношением сего собора к Константинопольскому патриарху»⁵⁶. В это время центром всей Зихской епархии предполагалось сделать Фанагорию, однако она вместе с городом Кепы и

Боспором была разорена на рубеже 20–30-х гг. VI в. гуннами⁵⁷, поэтому центр был помещен в горной части Кавказского побережья в Никопсисе, известном проповедью апостолов Андрея Первозванного и Симона Ханаанеанина (Кананита), покинутом на рубеже V–VI вв. и возрожденном в 30-е гг. VI в. В 536 г. на провозгласившем патриархом архиепископа Мену поместном соборе Константинопольского патриархата присутствовал глава Зихийской епархии епископ Дамиан. Под постановлениями Константинопольского синода стоит и его подпись⁵⁸.

Раннесредневековый черкесский социум воспринял не только византийскую церковную доктрину, но и организационные структуры греческой Церкви. Известно, что черкесские (скифские, зихийские) кафедры относились к Понтийскому диоцезу Константинопольского патриархата⁵⁹. Церковная организация зеркально отображала административно-политическую. Объединение всех зихийских епархий (eparchia – провинция) вокруг конфессионального центра, свидетельствовало о концентрации политической власти. Как во всех христианских странах в Черкесии процесс политической консолидации на протяжении средних веков носил дискретный характер⁶⁰. Политическая децентрализация вела к дроблению церковной организации⁶¹, так как церковные епархии по принципу канонической территории в христианской традиции, совпадали территориально с политико-административно-территориальными границами. Изменение статуса и количества епархий свидетельствовало о возвышении или падении тех или иных феодальных уделов. Провозглашение новых епархий относилось к компетенции Константинопольской патриархии⁶². Появление новой епархии в решающей мере зависело и от местных князей, на чьи средства содержались епископы. Митрополиты, архиепископы и епископы по византийской традиции назначались патриархом. По той же традиции Константинополь более не вмешивался в деятельность самоуправляющихся церковных институций, имевших установленную иерархию. Вся Черкесия была разделена на церковные приходы – *тхьэгъэпх*, включавшими в себя несколько селений (*кьуажэ*). (Они продолжали играть важную роль в системе административно-политического управления страны вплоть до 60-х гг. XIX в.).

В период правления Юстиниана I (527–565) институциональное развитие христианства в черкесских землях получило новый импульс. Как известно, философия имперской власти в Византии была такова, что она трактовала крещение как некое признание политического приоритета Византии. Понятия «христиан» и «ромей» были в некотором роде синонимами в представлении современников⁶³. Церковная супрематия империи была неразрывно связана с военно-политической супрематией. Отражением наличия конфессиональных и военно-политических отношений кавказских правителей с константинопольским императорским двором стало широкое военное (крепости и укрепленные лагеря) и храмовое строительство (как внутри крепостей, так и вне их) на всем Кавказе. Во времена Юстиниана в Черкесии, как и в ряде близлежащих стран, сложились предпосылки для зарождения раннефеодальной государственности⁶⁴.

В 562 г. император Юстиниан заключил мир с персами, Византии была возвращена Лазика. Боспорское царство превратилось в рядовую провинцию Византийской империи. Ей стал подчиняться также и Таманский полуостров. На Таманском полуострове была учреждена должность императорского комита и трибуна императорской армии. Полуостров наряду с другими провинциями был обложен податью. Черкесы несли повинности натурой, поставляли в Византию боевые суда и мужскую амуницию⁶⁵.

Среди черкесов император Юстиниан был чрезвычайно известен, их предания сохранили почтительное отношение к нему среди народа: «Имя Юстиниана было в таком уважении между адыхами, что, для подтверждения своих слов, народ клялся юстиниановым *столом* и юстиниановым *троном*. <...> В древности, – писал Ш.Б. Ногмов, – наш народ никогда не клялся именем всевышнего существа, но произносил для подтверждения истины имя уважаемого человека»⁶⁶. Эти сведения позволяют заключить, что император Юстиниан был возведен Зихской Церковью «в ранг святого»⁶⁷.

При императоре Юстиниане было организовано обширное храмовое строительство во всем христианском мире⁶⁸. Не была исключением и Черкесия. Известно, что строительство культовых архитектурных комплексов завершает процесс принятия новой религии. Этапу утверждения любой новой религии предшествует период протяженностью в два–три столетия последовательного восприятия основных идей и представлений, а также культовых стереотипов⁶⁹. Таким образом, не позже VI в., к которому относится крупномасштабное храмовое строительство в Черкесии, христианство обрело статус утвердившейся религии у черкесов. Известно, что в черкесские епархии были назначены греческие епископы и священники, что богослужение отправлялось на греческом языке, а проповеди и молитвы – на черкесском⁷⁰. Несмотря на то, что большая часть христианских храмов была уничтожена во время османских экспансий XV–XVI вв. и колониальных войн XVIII–XIX вв., по сей день остатки, а, в единичных случаях, и практически целые строения – одноабсидные базилики и крестово-купольные храмы, характерные для византийской архитектуры, сохранились по всей территории исторической Черкесии. В Большом Сочи до сих пор лежат развалины не менее десяти храмов. Развалины одного из них в районе современного города Адлер относятся к VI в. – это был храм Божьей Матери, построенный во времена Юстиниана⁷¹ и, возможно, игравший в какое-то время роль кафедрального собора Зихской епархии. Это была базилика, украшенная фресковой росписью, с мозаичным полом, размером 12 x 7,5 м. Церковный комплекс включал дозорную башню, жилое здание, два колодца, много могильников разного возраста и обширное поселение к северо-востоку. Он подвергся окончательному уничтожению в 1954 г. при строительстве канализационно-очистных сооружений г. Адлер. От этого храма остались лишь две рельефно-орнаментные мраморные плиты, аналогичные которым имеются в храме св. Софии (532–537) в Константинополе-Стамбуле и в Пицундском храме Богоматери (550) в Абхазии⁷².

В VI в. «в стране зихов, или черкесов» были подчиненные Константинопольскому патриархату епископства: в Чахополисе, Никопсисе, Тамани, Дзербегане (?-О.Ф.), Турканерхе (?-О.Ф.). Позднее были основаны епископства против среднего течения Кубани - в Сибе (?-О.Ф.) и Лукуне (?-О.Ф.). В 547 г. из прибывших из Сирии в Грузию 13 святых проповедников - трое распространяли христианство в Черкесии⁷³.

В 680-е гг. Зихскими именовались «три автокефальные архиепископии, непосредственно подчиненные Константинопольской Церкви: Херсон, Боспор, Никопсис, занимающие соответственно 24, 25, 26 места»⁷⁴. (Архиепископского титула удостоивались обычно древнейшие епархии). Две из существовавших прежде епархий – в Фанагории и Зихополисе, как полагал митрополит Макарий, были к этому времени уже упразднены и соединены с Никопсией и Таманской епархиями⁷⁵.

В начале VIII в. в восточной части Крыма на месте древнего эмпория, существовавшего здесь с 212 г., появилось поселение, получившее у греков название Сутдея (современный Судак. – О.Ф.)⁷⁶. При Константинопольском патриархе Германе (715–730) здесь было создано новое Сутдайское епископство, ставшее в VIII в. при Стефане Сурожском архиепископством⁷⁷. Стефан Сурожский присутствовал на вселенском Никейском соборе 787 г.⁷⁸ Византийские источники называют территорию Таврики в VIII в. Зихией⁷⁹.

В начале VIII в. кафедральным городом Зихии стал Никопсис Зихийский⁸⁰. Епархиальные списки до 80-х гг. VIII в. относят к системе Зихской епархии, как автокефальные кафедры Херсонеса и Боспора, так и Никопсисское и Сутдайское архиепископства⁸¹ и епископство Таматархи. До этого долгое время старшим иерархом Зихской епархии выступал архиепископ Херсона⁸². «Перелом в отношениях Константинополя к Херсону и Боспору, поставивший их в связь с Никопсисом, хотя и учитывающую их большую древность и соответственно старшинство, произошел, – писал Гадло, – вероятнее всего, в самом начале VIII в.»⁸³. Александр Вильямович связывал этот факт с обстоятельствами свержения, а затем возвращения на константинопольский трон Юстиниана II. Он, «плохо» принятый в ссылке в Причерноморье, впоследствии наказал, проявивших к нему недояльность «херсонитов, босфорян», как карательными акциями (711–712), так и подчинением их более древних кафедр – более молодой⁸⁴.

Эта трансформация была связана и с продолжавшимся в течении VII–VIII вв. соперничеством между Византийской империей и Хазарским каганатом за преобладание на Таврике. В конце VIII – начале IX в. здесь был установлен кондоминатный период – период двоевластия Византийской империи и Хазарского каганата, просуществовавший до 40-х гг. IX в.⁸⁵, когда «имперские амбиции Византии в Таврике на какое-то, пусть непродолжительное, время, наконец, оказались удовлетворены. Организация стратигата на территории Крымского полуострова, порожденная не одной причиной, а целым комплексом долго вызревавших разнообразных причин, наконец, состоялась»⁸⁶.

После периода политической консолидации в Зихии в середине VIII в., в его конце вновь наблюдается преобладание центробежных

сил, что не преминуло отразиться и на ее церковно-административной структуре. Главной причиной политической дезинтеграции были многочисленные экспансионистские вызовы со стороны Византии, Хазарского каганата и союзника последнего Абхазского царства. По списку епархий К. де Боора, отражающем ситуацию 80-х гг. VIII в., Зихская епархия включала Херсон, Боспор и Сутдею (28, 29, 30 места), но не включала старый центр епархии Никопсис и Тамань. Кафедральный центр Зихии Никопсис, по одной из версий его судьбы, был аннексирован Абхазией и был включен в Авагийскую епархию, став ее северным пределом. Епископство Таматарха, разместившееся на территории «явно отторгнутой от Зихской епархии» вошло в организованную в это время на Таврике новую церковно-административную организацию высшего ранга – митрополию Дорос (ее создание было связано с планами Византии по христианизации Хазарии, но после принятия хазарами иудаизма в начале IX в. эта митрополия была ликвидирована)⁸⁷. К этому же времени относятся сведения побывавшего на Кавказе в конце VIII – начале IX вв. монаха Епифания, лично посетившего центр Зихской епархии на Таврике, «куда она передвинулась, – как считал А.В. Гадло, – не только номинально, но и частью своей паствы (сутды, Сутдеи) и со своими преданиями и реликвиями (почитание апостолов)»⁸⁸.

Источники IX в. дают довольно противоречивую картину конфессиональной и политической ситуации в Черкесии. По уставу Льва Премудрого (894–911) в провинции Зихии насчитывалось три епархии: Херсонская, Боспорская и Никопсийская. Тмутараканская и Никопсийская епархии именовались в уставе архиепископствами⁸⁹, т.е., Зихии удалось вернуть Никопсис. Однако современные уставу Льва Премудрого *Notitia episcopatum* 7 и 8 (901–912) свидетельствуют, что Никопсис был окончательно захвачен Абхазией⁹⁰. По мнению А.Ю. Виноградова и Д.В. Белецкого этот факт означал прекращение существования единой Зихской епархии⁹¹.

Авторы первой половины X в. Константин Багрянородный и Мас'уди описывали картину феодальной раздробленности в адыгских землях. Константин Багрянородный в качестве обособленных областей выделял «землю Херсона и Климатов», являющуюся на то время военно-административным округом Византийской империи; землю Боспора; крепость Таматарху с окрестностями, от которой в 18–20 милях находилась река Укрух (Кубань. – О.Ф.), «разделяющая Зихию и Таматарху»; «а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагия – страна Касахия»⁹². Константин Багрянородный упоминает о постоянных набегах алан на зихов⁹³. Его современник арабский географ Мас'уди отмечал, что отсутствие политической консолидации, символом которой является единый государь, способствовало успеху экспансии алан в стране касогов/кашаков. Он считал, что, в случае единения касогов/кашаков, ни один народ, в том числе и аланы, не смогли бы им противостоять⁹⁴.

После падения Хазарского каганата в середине 60-х гг. X в. имела место новая попытка реставрации единой Зихской епархии. В X в.

Константинопольская патриархия имела 57 митрополий, 49 архиепископств и 514 епископств⁹⁵. Из 49 архиепископства 3 принадлежало зихам: Херсон, Боспор и Таматарха. Они по традиции были объединены как Зихские кафедры, как части одной Зихской епархии. В 70-е годы X в. экономический и социально-политический центр адыгской общности окончательно утверждается в низовьях Кубани на Тамани в Таматархе (*Тамтаракъей*). Персидский аноним «Худуд ал-алем» («Границы мира») называл Таматарху в 80-е гг. X в. городом Касек (от этнонима-политонима «касог»)⁹⁶.

В 988 г. в Северном Причерноморье появилась дружина киевского великого князя Владимира (980–1015). Это было связано с участием русского отряда в подавлении мятежа византийского военачальника Варды Фока (987–989)⁹⁷. Согласно сведениям ПВЛ, по договору между византийскими императорами и русским князем, последний, при условии принятия крещения, получал покровительство императоров Василия II и Константина VIII. Союз предполагалось закрепить династическим браком. Согласно ПВЛ Владимир крестился в 988 г. в Херсонском архиепископстве Зихской Церкви. Эти сведения признаны академиком А.А. Шахматовым поздней компиляцией монаха Нестора⁹⁸. В 989 году его войска ликвидировали восстание Фоки. В ответ на попытку императоров избежать бракосочетания князя Владимира и принцессы Анны, осенью 989 года был осажден и взят штурмом главный форпост Византии в Таврике и на Кавказе Херсонес, было объявлено, что это предупреждение перед походом на Константинополь. Анна была отправлена в Херсонес, где и состоялась свадьба. После женитьбы Владимира на принцессе Анне он вернул Византии Херсон и ушел назад в Киев⁹⁹.

Согласно сведениям Нестора в дельте Кубани обосновалась русская дружина, оккупировавшая Таматарху (Тмутаракань), наиболее богатый город Причерноморья того времени¹⁰⁰. Было образовано так называемое Тмутараканское княжество¹⁰¹. Главой этого княжества князь Владимир назначил своего седьмого *малолетнего* сына (из двенадцати) Мстислава. (Малолетство Мстислава наталкивает на мысль о символичности, если он и имел место, этого акта). Таким образом, Тмутаракань была поставлена в определенные отношения с византийскими императорами и их союзником киевским князем Владимиром. В соответствии с обычаями войны эпохи русский князь присвоил себе лишь prerogative высшей власти. Социально-политическая структура и самоуправление местного населения были сохранены¹⁰². «Повесть временных лет» возвращается к фигуре князя Мстислава через 34 года, в сообщении под 1022 г. в связи с противоборством повзрослевшего князя Мстислава и князя Касожского Редеди (Ридада), вызванного, по всей видимости, борьбой за prerogative высшей власти в черкесских землях. Князь Касожский Редедя предстает в Лаврентьевской летописи как суверен единого политического объединения¹⁰³. Согласно традициям эпохи спор решено было разрешить личным поединком между представителями противостоящих сторон. Князь Мстислав, вызванный князем Редедей на рукопашный поединок, «зареза Редедю [и] шед в землю его взя все именье его [и] жену его и дети его и дань възложи на Касоги и пришед

Тмутараканю...»¹⁰⁴. Вернувшись через год в Киев с дружиной касогов и хазар, князь Мстислав одержал победу над князем Ярославом. После чего – «сел» в Чернигове¹⁰⁵, оставив на княжении в Тмутаракани сына Евстафия. А.В. Гадло полагал, что князь Мстислав имел глубокую связь с черкесским миром. Своего единственного сына он назвал необычным для русской княжеской семьи, но популярным на Кавказе христианским именем Евстафий¹⁰⁶. После смерти Евстафия в 1033 г., Мстислав (ум. в 1036 г.) посадил на княжение в Тмутаракани своего зятя – одного из воспитанных им сыновей Редеди¹⁰⁷. Последнее упоминание в русских летописях о Тмутаракани относится к 1094 г. Ш.Б. Ногма сообщал, что касогам удалось вернуть себе Тамтаракъей-Матарху-Тмутаракань в ходе ожесточенной борьбы¹⁰⁸. Несмотря на борьбу, шедшую вокруг престола в Матархе, она в XI в. продолжает оставаться крупнейшим независимым политическим, административным, церковно-культурным и торгово-экономическим центром черкесских земель. Этот факт позволяет говорить исследователям, что «славянское присутствие с конца X-начала XI в. может являться не столько следами вхождения этих территорий в состав Тмутаракани, сколько свидетельствами культурного влияния Древней Руси через посредство этого города»¹⁰⁹.

О прочности конфессиональных связей Зихии с Византийской империей свидетельствуют многочисленные проявления материальной культуры этой эпохи. Важнейшее место среди них занимает вислая свинцовая печать упомянутого в нотациях Константинопольского патриархата архиепископа Зихии Антония (40-50 гг. XI в.), имеющаяся среди археологических артефактов в трех экземплярах. Один был обнаружен в 1997 г. в ст. Тамань. Он был оттиснут той же парой матриц, что первая печать. Третий экземпляр печати хранится в Краснодарском историко-археологическом музее им Е.Д. Фелицына¹¹⁰. Отмечается, что обнаружение трех моливдовулов, принадлежавших одному церковному иерарху, подчеркивает значимость Зихской епархии «как основного византийского христианского центра на Северо-Западном Кавказе»¹¹¹, что она являлась «основным византийским христианским центром на Северо-Западном Кавказе на протяжении X–XIV вв.»¹¹².

Археологические и письменные источники свидетельствуют о процветании Матархи в XI–XII вв. Наиболее ярко Тамань той эпохи описана в крупнейшем произведении средневековой арабской географии – труде ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак» («Развлечение истомленного в странствии по областям», 1154 г.)¹¹³.

В XII в. Крым оказался под непосредственной властью Византии. Матарха упоминается на протяжении XII века в византийских источниках как часть Зихии, находящаяся под протекторатом Византийской империи. Так в 1140-х гг. Иоанн Цец писал о «Стране матархов» как части империи, а Мануил I Комнин в 1166 г. титуловался в том числе и «государем зихским и хазарским (топоним-маска юго-западного и восточного Крыма. – О.Ф.)»¹¹⁴.

Взятие в ходе IV-го крестового похода крестоносцами Константинополя в 1204 г., положило начало распаду системы государств, сложившихся вокруг него. Херсонес и его округа получили независимость, од-

нако вскоре они вошли в орбиту политического влияния Трапезундской империи. Очевидно, что с этим был связан перенос центра хегайкских земель с реки Кабарда около Херсонеса в Северное Причерноморье. Хегайкская династия князей с р. Кабарда стала известна в истории Кавказа как черкесская царская династия – Иналиды. Со вторым князем (по Ногмову) этой династии Кесом-Кесрием (Пшир-Кесшъ (Пшир – король, государь, Кесш – Кес))¹¹⁵ связано появление нового политонима-топонима *Черкесия*, заменившего впоследствии топонимы античной эпохи – *Зихия* и *Касогия*, а также топонимы-маски, под которыми черкесские территории скрывались долгое время – Сугдея, Хазария, Скифия.

В эту же эпоху архиепископство Матархи или, как оно еще фигурирует в источниках архиепископство Зихии, начинает фигурировать как митрополия¹¹⁶. В отечественной историографии идет дискуссия о дате возведения Зихской архиепископии в ранг митрополии. Однако, учитывая сведения Соземена, приведенные митрополитом Макарием (Булгаковым), что в Черкесии «постоянно сохранялся древний обычай, по которому церквами всей провинции, несмотря на многочисленность ее городов, всегда управлял только один Епископ»¹¹⁷, можно заключить, что это событие, по сути, должно быть отнесено к гораздо более ранней эпохе, нежели XII в. Номинальное же отступление от традиции, о которой писал Соземен, было совершено не позднее XII в. Об этом свидетельствует имеющаяся печать митрополита Матрахи Константина (XII в.)¹¹⁸. Очевидно, нарушение «древнего обычая» было связано с приобретением Тамтаракаем (Матрахой) статуса столицы нового централизованного феодального государства – Черкесии.

Епископская резиденция на Лесистом кургане (ИуэцхъэцIэ)

Л.И. Лавров, изучавший конфессиональную жизнь Черкесии, на основе топографии находок крестов, икон, христианских надписей и церквей пришел к выводу: «христианство проникло во все районы, заселенные тогда адыгами»¹¹⁹. Как свидетельствуют археологические источники, начиная с VI–VIII вв., как на западе исторической Черкесии, так и на ее востоке подавляющее число погребений было уже совершенно по христианскому обряду¹²⁰. Из рассказа Епифания следует, что на рубеже VIII–IX вв. христианство уже значительно распространилось среди черкесов¹²¹.

Если церковные институции в Скифской и Зихской епархиях возникли в результате прямого контакта с Константинополем, то на территории Аланской конфедерации влияние Византии на этот процесс было «как прямое, так и опосредованное через Северное Причерноморье (Херсон), а так же через Зихскую епархию на Тамани»¹²².

Византийские источники всю территорию между Черным и Азовским морями, Доном, Волгой, Каспийским морем и Кавказским хребтом звали также Сарматией и подразделяли ее на две провинции: Зихию и Аланию¹²³. Черкесы (зихи-касоги) проживали как в Зихии, так и в Алании¹²⁴. В этом отношении любопытны сведения исторического

месяцеслова на 1791 г.: «Черкассы сами себя называют Адигами, Греки Тсихами, Русские Язами и Асами (аланами. – О.Ф.); островские жители и в городе Таман от русских тем же именем нарицаются. Татары их называют Адиларами, Турки Кара-Черкеслер (черные Черкассы)»¹²⁵. Как пишет В. А. Кузнецов: «Термин «аланы» был не только этнонимом одного народа, но и объединительным политонимом всех участников конфедерации во главе с аланами»¹²⁶. Собственно аланская территория на Северном Кавказе составляла «весь район низменности, орошаемый Терекон, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи»¹²⁷. Таким образом, территории, населенные черкесами входили в обе церковно-административные провинции Северного Кавказа – Зихскую и Аланскую.

Л.И. Лавров отмечал, что «тмутараканские епископы, считаясь «зехскими», должны были рукополагать всех адыгских священников. Заботиться об открытии церквей и принимать меры к дальнейшему распространению христианства среди местного населения. Судя по всему, христианизаторская роль Тмутаракани у адыгов была значительной»¹²⁸. В этом же духе многократно высказывается и В.А. Кузнецов¹²⁹. Таким образом, очевидна роль церковных центров Зихской епархии в христианизации не только собственной паствы, но и черкесов, чьи земли входили в то время в Аланскую конфедерацию. Значительное число христианских архитектурно-археологических памятников (церкви, надмогильные кресты) и артефактов (предметы мелкой христианской пластики) на восточной окраине исторической Черкесии, возникших задолго до учреждения Аланских митрополий и датирующихся VIII–XIII вв. также подтверждают этот тезис¹³⁰.

Некоторое влияние на процесс христианизации Аланской конфедерации имели также Абхазия и Грузия. Основание Аланской кафедры в X в. в верховьях Малого Зеленчука произошло при дипломатическом участии абхазского князя Георгия. Алания в X в. была подразделена на две епархии в ранге митрополий, что предполагало распространение их юрисдикции за пределы территорий, населенных собственно аланами¹³¹.

Существование в исторической Кабарде, занимавшей в то время обширнейшую территорию от Крыма, Азово-Черноморья до Каспия, церковной организации, а также глубокое приобщение адыгов к христианскому вероучению¹³² подтверждается также данными черкесского фольклора. Историческая песня «Шихънагъ» («Шихнаг», «Епископ», «Святой владыко») дает уникальную возможность для формирования нашего представления о средневековой жизни черкесского социума¹³³. По мнению видного историка Р.У. Туганова часть песни, посвященная епископу, является ее древней первичной основой, а вторая часть – ее поздним напластованием¹³⁴.

Народные предания, как и песня «Шихънагъ» повествуют, что первый епископ в Восточной Черкесии (на территории современной Кабарды) имел свою резиденцию в нескольких километрах от современного города Нальчика в месте, называемом Юэщхьэццэ (Ошхаца, Леситстый или Лохматый курган). Ее описание в рассматриваемой исторической

песне таково (приводится текст на черкесском языке (каб. и кях. диалекты), подстрочный и литературный переводы):

Ар, Ошхаца шигума
Ар, ИуэцхьэцІэ щыгумэ
О! Ошхаца [на] верхушке

Кухур уннаго шиухош,
Къухур уннэгүэ щихуэщ,
Кость белая домом где воздвигнута,

Дижинир бжаблаг шигежш,
Дыжьыныр бжаблэгүэ щигъэжш,
Серебро дверными устоями где отлито,

Тхаухудхер шохасери,
ТхъэЦухудхэр щохасэри,
И ангелы, где совещаются,

Аби чесир жекехуш.
Абы чІэсыр жьэкІэхуш.
Там [он] сидящий [с] бородой белой есть¹³⁵.

Наверху горы Ошхаца
Там, где храм из белой кости
С среброкованой дверью,
Тхаухуд где обитают,
Там сидит белобородый¹³⁶.

Курган с названием *Лесистый* существует недалеко от Нальчика и поныне. Он находится около современного с. Урвань: «его высота около 24–25 метров, а стороны уходят верх под крутым углом, образуя практически ровную площадку с диаметром более чем в сорок метров»¹³⁷. Имеется и вход внутрь кургана, хотя и обвалившийся и заросший. Как рассказывают старожилы, дверь, ведущая в подземелье кургана, высотой в два аршина (142, 2 см. – О.Ф.) была некогда также обита листовым серебром. В период Первой мировой войны в 1914 г. «местные власти содрали все серебро и отвезли его в город Георгиевск, сдав в фонд помощи фронту»¹³⁸. Краеведы отмечают, что помещение внутри храма использовалось неизвестными людьми вплоть до XX в.¹³⁹ В тексте песни совершенно четко оговаривается, что храм размещался на его вершине: «...храм из белой кости с среброкованой дверью». Возможно, этот храм был облицован белыми известняковыми блоками, как и другие памятники этого круга, сохранившиеся на Западном Кавказе. Например, христианский храм в п. Лоо (г. Сочи), датируемый VII–IX вв., в период функционирования должен был выглядеть очень эффектно: белоснежные облицовочные блоки из известняка сплошными рядами покрывали внешнюю его поверхность, придавая сооружению величественность и блеск «белой кости». Подобная облицовка характеризовала «особый западнокавказский путь развития византийского храмового зодчества

(Пицунда, Лыхны, Зеленчук и др.)»¹⁴⁰. Храм на *ИуэцхьэццIэ* мог быть разрушен или в татаро-монгольский период, или религиозными войнами, ведшимися против Черкесии со стороны османо-крымской коалиции в последней четверти XV–XVIII вв. До наших дней сохранился лишь сам курган, являвшийся частью огромного церковного комплекса. Курган мог служить для храма некой специально возведенной субструкцией, как например субструкция, сооруженная под Шоанинским храмом (X в.) на Кубани¹⁴¹.

Другой знаковой местностью для христианского периода истории в восточной Черкесии был Татартуп (Тэтэртуп). Его почитание, как священного места, брало свое начало именно с наличия здесь двух христианских храмов. На изображениях, существовавших в них еще в конце XVIII в., можно было различить изображения Богородицы и Иоанна Крестителя¹⁴². Генерал-поручик П.С. Потемкин писал, что «к сему храму сохраняют они толь великое благоволение, что в чрезвычайных между собою обязательствах заклинаются оным, и никогда уже сей клятвы не преступают. Гонимый или обидимый, ищущий убежища у Татартупа и добежавший до того места, остается всеконечно невредим»¹⁴³. В целостности в Черкесии сохранились лишь храмы, находившиеся высоко в горах, как, например, в верховьях рек Кубань и Большой Зеленчук (IX–XI вв.)¹⁴⁴.

Завоевание монголами в 1237 г. столицы Черкесии Тамтаракбей'я-Матархи, в ходе которого погиб ее государь Тукьбарэ-Дукьбарэ-Аду/Адо¹⁴⁵, не прекратило существования ее государственности и Церкви. В 1282 г. митрополия Зихии была объединена с Сотириупольской (Авазгийской) и Аланской митрополиями. Однако, как писал Ю. А. Кулаковский, «соединение в одном лице представительства трех кафедр имело, по-видимому, случайный характер, по крайней мере, в отношении епархии Зикхийской. Дело в том, что в документе, относящемся ко времени того же императора, а именно к 1317–18 году, помянут самостоятельный митрополит Зикхий с титулом Зикхо-Матрахсага»¹⁴⁶. Здесь же упоминается Сутдейская митрополия и семь аланских митрополий со второй половины XII в. до 1347 г.¹⁴⁷ О существовании какой-то Кавказской епархии на Кавказе писал в свое время Л.И. Лавров¹⁴⁸. Один из актов Константинопольской патриархии (1364), связанный с именем аланского митрополита Симеона детализирует структуру Аланской епархии. К владениям Симеона относились: «церковь Богородицы-Утешительницы в Трапезунде с клиром и принадлежащими угодьями, церковь Богородицы Афинской в Сотириуполе и земли «около Алании, Кавказии и Ахохии»»¹⁴⁹. В основе этимологии термина «Ахохия» лежит старинный абазино-абхазский этноним *агьхьауа/агвхауа*, обозначавший кабардинцев. По другим сведениям лексема «ахох» (*Іэхъуэхъу*) означала одного из жрецов из иерархии знатоков Адыгэ Хабзэ (букв. «Адыгский/Черкесский Закон»), являвшегося наряду с Тхамата (*Тхьэмадэ*), Тхакахо (*Тхьэкъуахъуэ*), Тхапш (*Тхьэпш*) носителем знаний, руководителем обрядов, инициатором богослужений (молений). Где-то рядом с епископством Ахохия располагалось епископство Кавказия. В.А. Кузнецов и С.Н. Малахов допускают локализацию Ахохии и Кавказии на территории исторической Кабарды¹⁵⁰.

Таким образом, черкесы, известные в раннее Средневековье под топонимами-масками скифы, сарматы, аланы, сугды, а также под этнонимами зихи, касоги, были одним из первых народов, которых коснулась христианская проповедь, Черкесская Церковь имела апостольские начала. С первых веков н.э. до последней четверти XV в. Черкесия развивалась в лоне христианской цивилизации, являясь основным византийским христианским центром на Северо-Западном Кавказе. Уже в период раннего Средневековья епископские кафедры Зихии выросли до ранга митрополий, однако, как отмечал Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков), согласно сложившейся с первых веков традиции («древний обычай») они не назывались митрополиями, а их главы – митрополитами: церквами всей провинции, несмотря на многочисленность ее городов, всегда управлял только один Епископ. Лишь в XII в. эта древняя традиция была нарушена и Епископ Зихии (Черкесии) стал именоваться Митрополитом. Очевидно, что это может свидетельствовать и о достаточно высоком уровне политической консолидации черкесских территорий вокруг Тамтарака-Матархи. В молодой (относительно Скифской и Зихской епархий) Аланской епархии имелось семь митрополий, что соответственно, свидетельствовало о существовании в ней семи крупных политических центров.

Наличие большого количества христианских древностей Азово-Черноморско-Каспийском регионе, в том числе и высокая концентрация маленьких церквей в некоторых горных районах, где они уцелели от уничтожения, как это произошло с христианскими объектами на равнинах, свидетельствует о том, что митрополии имели значительное количество приходов. Христианские церковные институты, действовавшие в этом регионе непрерывно на протяжении тысячелетия, по определению не могли не наложить огромный отпечаток на социальные и политические институты Черкесии, на менталитет и правовую культуру ее социума.

Примечания

¹ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия: (Сочинение Генерального штаба полковника Ракинга. СПб., 1862). Нальчик, 2012. С. 7.

² Античное наследие Кубани. В 3-х тт. Т. I. М., 2010. С. 10.

³ Античное наследие... С. 8.

⁴ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Майкоп, 2006. С. 118.

⁵ Давров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 206; Аслан Шаззо: Этимология черкесского слова «Бог» восходит к эпохе матриархата URL: <http://www.natpress.ru/index.php?newsid=7592> (дата обращения: 25.05.2013).

⁶ Бгажноков Б.Х. Древняя религиозная система адыгов // Исторический вестник. Вып. VI. Нальчик, 2008. С. 317; Ханаху Р.А. От истоков к мировой религии. Природа слова «Тхьэ» // Мир культуры адыгов. URL: <http://www.aheku.org/page-id-955.html> (дата обращения: 21.01.2009); Религия страны адыгов. URL: <http://adigasite.com/archives/4505-//> (дата обращения: 5.11.2011).

⁷ Воронов Ю.Н. Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565 гг.) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 24, 25.

⁸ Бибииков М.Б. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999. С. 21.

⁹ Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. В 10 тт. СПб., 1858–1863. См.: Бибииков М.Б. Византийские источники... С. 27.

¹⁰ Новосельцев А.П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980. С. 58.

¹¹ Труды В.Г. Василевского. Т. I. Вып. 1. СПб., 1908; Т. II. Вып. I. СПб., 1909; Т. I. Пг., 1915; Т. IV. Л., 1930.

¹² Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии // Сост. С. М. Перевалова. СПб., 2000.

¹³ Макарий (Булгаков), архимандрит. История христианства в России до равноапостольного Князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви. СПб., 1846. Академик А.А. Шахматов доказал, что легенда о крещении князя Владимира в Херсонесе была поздней компиляцией монаха Киево-Печерского монастыря и автора ПВЛ Нестора. (Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 10, 25, 26).

¹⁴ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М., 1994. С. 104.

¹⁵ Первая публикация: Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. II (150): Россия и Северный Кавказ. С. 15–38.

¹⁶ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 43.

¹⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей // Перевод Г.Г. Литаврина // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1989. С. 301, 302.

¹⁸ Черкесия в картах XIV–XIX веков / Сост. Б. Езбек, Х.М. Дауров, А.В. Джамирзе, С.Х. Хотко. Краснодар, 2011. С. 159, 132; Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира. Текст – Буниатов З.М., 1979. URL: <http://www.vostlit.info>. (дата обращения: 01.11.2013); [Электронный документ]. URL: http://apsnyteka.org/809-galonifontibus_ioann_de_kniga_poznaniya_mira.html (дата обращения: 01.11.2013).

¹⁹ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Документы и материалы в двух томах. Т. II. XVIII в. / Сост.: В. М. Букалова / Ред.: Н.А. Смирнов, У.А. Улигов. М., 1957. С. 64.

²⁰ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия ... С. 42.

²¹ Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957; Лавров Л.И. Избранные труды... С. 89–122; 221–227.

²² Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л., 1978. С. 25–33; Он же. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. Л., 1979; Он же. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 70–72; Он же. Об одном средневековом наименовании адыгов // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1985 г. / Под ред. В.П. Курылева Л., 1986. С. 10–11; Он же. Крещение Руси и события 987–995 годов в Дербенде // Исследования по

русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / Отв. ред. В.В. Пузанов. СПб.–Ижевск, 2001. С. 48–56; *Он же*. Тмутараканские этюды. II. (Держава князя Инала и его потомков) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 447–465; *Он же*. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 437–454; *Он же*. Северный Кавказ в XII – начале XIII века. Предания о Кабарде Тамбиеве // Исторический вестник. Вып. IV. Нальчик, 2006; С. 560–576. *Он же*. Предыстория Приазовской Руси. СПб., 2004.

²³ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Межвузовский сборник / Под ред. Г.Л. Курбатова. Л., 1991. С. 93, 96, 97.

²⁴ Гедеон (Докукин), митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. URL: <http://lib.cerkov.ru/preview/6466> (дата обращения: 07.05.2015).

²⁵ Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Издательство «ИР», Владикавказ, 2002. URL: <http://www.alanica.ru/articles/40-the-structure-of-the-diocese-of-alanian> (дата обращения: 11.06.2013).

²⁶ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа составленная по преданиям кабардинцев / Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 1994. С. 76, 77.

²⁷ Античное наследие Кубани... С. 10, 147.

²⁸ Крупинов Е.И. Древняя история Кабарды // Ученые записки Кабардинского НИИ. Т. VII. Нальчик, 1952. С. 62.

²⁹ Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 2004. С. 83.

³⁰ Казачий словарь-справочник. Сан. Ансельмо, Калифорния, С.Ш.А / Сост. Г.В. Губарев / Ред. А.И. Скрылов. 1966–1970. URL: <http://enc-dic.com/cossack/Cherkes-1466.html> alanian (дата обращения: 12.10.2013).

³¹ Этимология (1964). М., 1965. С. 336.

³² Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа ... С. 103.

³³ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 12.

³⁴ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 128.

³⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. Б.Б. Пиотровского. М., 1988. С. 172.

³⁶ Владимир Кузнецов. Христианство на Северном Кавказе до XV в. URL: <http://constitutions.ru/?p=6467> (дата обращения: 30.07.2017).

³⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV–X вв. ... С. 165.

³⁸ Озова Ф.А. К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. I. Нальчик, 2012. С. 134–158.

³⁹ «Русские называли их вообще косогами, по названию одного из наших племен (*кегехов*) (хегайков. – О.Ф.), которые жили всех ближе к Тмутараканскому княжеству». (Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа ... С. 103).

⁴⁰ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Кавказ. Т. IX / Под общ. ред. П.П. Семенова. М., 2008. С. 238; Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 6.

⁴¹ Труды В.Г. Василевского. Т. II. Вып. I. С. 227.

⁴² Митрополит Макарий (Булгаков) локализовал г. Никопсис Зихийский на р. Шакупсы. (Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 129). Л.И. Лавров, Ю.Н. Воронов, А.В. Гадло и

В.И. Ворошилов – рядом с городом Туапсе, между Туапсе и Джубгой, соврем. с. Новомихайловское. Лавров предполагал, что Никопсис был присоединен к архиепископии Матархи. (*Лавров Л.И. Избранные труды...* С. 222, 224; *Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестности.* Краснодар, 1970. С. 102; *Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии...* С. 97; *Ворошилов В.И. История убыхов // Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века.* Майкоп, 2006. С. 30, 31). Спорному вопросу локализации Никопсиса посвящена специальная статья. (*Малюгина Е.В. Историческая география северо-восточного Причерноморья по данным итальянских карт XIII–XV веков.* URL: <http://www.circas.ru/index.php?newsid=35>) (дата обращения: 19.06.2011).

⁴³ В отечественной историографии под топонимом-маской «сугды», заимствованном византийскими авторами из античной историко-географической традиции, рядом исследователей рассматривается одна из средневековых адыгских общностей (*касого, косогдиане, согдиане*) (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... С. 137), А.В. Гадло видит в нем искаженное греческое название черкесского субэтноса *хегайков*. (*Гадло А.В. Об одном средневековом наименовании адыгов...* С. 10–11; *Он же. Предыстория Приазовской Руси...* С. 204). Византийские источники VIII–XII вв. различали «нижних», приморских сугдов, обитавших на землях древней Синдики, и сугдов «верхних», живших выше Кубанской дельты в степном Закубанье. Сугды также проживали на Таврике. Наряду с Западным и Центральным Кавказом, в этническую территорию черкесов в ту эпоху входили южные и восточные земли Крыма. Современному читателю, имеющему отрывочные сведения об исторической географии Черкесии, представляется довольно странным причисление Крыма к ее этнической территории. Однако еще академики П.С. Паллас и Г.-Ю. Клапрот были убеждены, что Таврика являлась исконной землей черкесов. (*Спенсер Э. Описание поездок по западному Кавказу, включая путешествие через Имеретию, Мингрелию, Турцию, Молдавию, Галицию, Силезию и Моравию в 1836 году.* Нальчик, 2008. С. 18; *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.* Нальчик, 1974. С. 258; *Монперэ Де Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму.* Нальчик, 2002. С. 124). Черкесский историк и просветитель Нурий Цагов также утверждал, что Крымский полуостров издревле был частью этнической территории черкесов. (*Цагов Н. Мусульманская история (на черк. яз.) // Архивы и общество.* Нальчик, 2010. № 12. С. 167). Исторический месяцеслов на 1791 г. писал: «Надобно думать, что Византийские Императоры или производили свою власть, или присвоили себе оную над сими городами, по причине, что в числе подвластных им земель находится Чихия, которая с Херсоном одно и то же составляла». (Описание Кубани // *Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы.* Ч. VII. СПб., 1791. С. 136). Ряд исследователей считает, что черкесы поселились в Крыму еще в эпоху Боспорского царства. Массовый характер черкесской топонимики в Крыму исключал случайный характер их пребывания здесь. Существование в Крыму целых городов и сел с черкесским населением исключало индивидуальный характер заселения Таврики. «Тут имело место массовое переселение какой-либо общественной единицы в организованном порядке» – заключал Х.А. Поркшеян, допуская, что это мог быть целый черкесский субэтнос. (*Поркшеян Х.А. К вопросу о пребывании адыгов в Крыму и об их взаимоотношениях с народами Крыма в эпоху средневековья // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.* Нальчик, 1957. С. 363–367). А.В. Гадло датировал процесс инфильтрации черкесов в Крым не позже VII в. (*Гадло А.В. Византийские сви-*

детельства о Зихской епархии... С. 100). Два памятника византийской литературы начала IX в. – «Хронография» Иоанна Исповедника и «Житие Стефана Нового» называют Крым Зихией. (Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Ред. В.Т. Папуто. М., 1980. С. 26, 27, 56, 57. Цит. по: Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии ... С. 103). Политическое единство восточного и юго-западного побережий Крыма с Таманским полуостровом и азово-черноморским побережьем прослеживается с античных времен. Обычная формула титула царя Боспоро-Киммерийского была «архонт Боспора и Феодосии и царь синдов и всех меотов». (Научный архив КБИГИ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 27. Л. 46). Стремление к сохранению этого политического единства и в период раннего Средневековья характеризует надпись на свинцовой печати (булле) (конец XI – начало XII вв.), обнаруженной в конце 1930-х гг. в коллекции Берлинского музея французским византистом В. Лораном, с греческой легендой: «Господи помози Михаилу, архонту Матархии, Зихии и всей Хазарии» («Хазария» – топоним-маска). (Мавродин В.В. Тмутаракань // Вопросы истории. М., 1980. № 11. С. 181; Гадло А.В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси // Итоги и основные проблемы. Вып. I. Л., 1988. С. 195, 203).

⁴⁴ Труды В.Г. Василевского. Т. II. Вып. I. С. 275.

⁴⁵ Труды В.Г. Василевского. Т. II. Вып. I. С. 268, 270; Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 109–112.

⁴⁶ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 5.

⁴⁷ Там же. С. 12.

⁴⁸ Там же. С. 5.

⁴⁹ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 95.

⁵⁰ Полковник Ракинт употребляет политоним «кабардинцы».

⁵¹ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 12, 13; Макарий (Булгаков), архимандрит. История христианства в России до равноапостольного Князя Владимира... С. 50–53.

⁵² Макарий (Булгаков), архимандрит. История христианства в России до равноапостольного Князя Владимира... С. 54–55.

⁵³ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 129; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии ... С. 95, 97.

⁵⁴ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 95.

⁵⁵ Зихополис локализован В.А. Кузнецовым на берегу р. Нечепсухо. Владимир Александрович идентифицирует его с городом Никопсис в окрестностях Туапсе, где имеются руины базилики с капителями византийско-коринфского типа V–VI вв. (Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Издательство «ИР», Владикавказ 2002 г. URL: <http://www.alanica.ru/articles/40-the-structure-of-the-diocese-of-alanian>) (дата обращения: 11.06.2013).

⁵⁶ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 128, 129; Очерки истории Адыгеи... С. 71.

⁵⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. ... С. 81.

⁵⁸ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии ... С. 94, 95; Он же. Предыстория Приазовской Руси... С. 207.

⁵⁹ Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. V. СПб., 1898. С. 11; Макарий (Булгаков), архимандрит. История христианства в России до равноапостольного Князя Владимира... С. 54–55.

⁶⁰ Озова Ф.А. К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии... С. 150.

⁶¹ Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 35.

⁶² Труды В.Г. Василевского. Т. III. С. CLXIV.

⁶³ Сорочан С.Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских преобразований VIII–IX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры: В честь 70-летия профессора Г.А. Кошеленко. М.–Магнитогорск, 2004. Вып. XIV. С. 341, 346.

⁶⁴ Воронов Ю.Н. Западный Кавказ в эпоху Юстиниана (527–565 гг.) // XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп, 1984. С. 24, 25.

⁶⁵ Очерки истории Адыгеи... С. 70.

⁶⁶ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа составленная по преданиям кабардинцев... С. 76.

⁶⁷ Хавжого Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории / Пер. с англ. Б.Н. Березгова. Нальчик, 1994. С. 24.

⁶⁸ Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 1424.

⁶⁹ Зафесов А.Х. Христианство в Адыгее: особенности распространения и проявления // Религиозные верования адыгов. Майкоп, 2001. С. 461.

⁷⁰ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 7, 8.

⁷¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. В 2-х тт. Т. I. Майкоп, 2006. С. 119.

⁷² Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестности... С. 90, 91; Ворошилов В.И. История убыхов... С. 31.

⁷³ Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен апостолов до начала XIX столетия... С. 8.

⁷⁴ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 98; Очерки истории Адыгеи... С. 71.

⁷⁵ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 129.

⁷⁶ Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды // Краткий исторический очерк. Киев, 1906. С. 69.

⁷⁷ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 122.

⁷⁸ Труды В.Г. Василевского. Т. III. С. CLXIII.

⁷⁹ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 103.

⁸⁰ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии ... С. 94, 95, 98; Он же. Предыстория Приазовской Руси... С. 207; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... С. 137.

⁸¹ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии ... С. 95, 100, 101, 103; Макарий (Булгаков)... Указ. соч. С. 121, 122; Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси... С. 204, 205.

⁸² Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Нижний Архыз и Сенты: Древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Северо-Западного Кавказа. М., 2011. С. 22; Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епар-

хии ... С. 94, 95, 98; *Он же*. Предыстория Приазовской Руси... С. 207; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. ... С. 137.

⁸³ *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 98.

⁸⁴ Там же. С. 98, 99.

⁸⁵ *Сорочан С.Б.* Рождение фемы... С. 339, 362.

⁸⁶ Там же. С. 362.

⁸⁷ *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии ... С. 101, 102, 104.

⁸⁸ Там же. С. 103.

⁸⁹ *Очерки истории Адыгеи...* С. 71; *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 104.

⁹⁰ *Гадло А.В.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 102.

⁹¹ *Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В.* Нижний Архыз и Сенты... С. 22

⁹² *Константин Багрянородный.* Об управлении империей... С. 301, 302.

⁹³ Там же. С. 302.

⁹⁴ *Мас'уди о Кавказе* // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 206–207.

⁹⁵ *Диль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 72. Цит. по: Владимир Кузнецов. Христианство на Северном Кавказе до XV в. URL: <http://constitutions.ru/?p=6467> (дата обращения: 30.07.2017).

⁹⁶ *Худуд ал-Алем.* Рукопись Туманского / Сост. В. Бартольд. Л., 1930. С. 31; *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей... С. 443; *Он же.* Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 103, 104, 105; *Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.* Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII–XV веках // Исторический вестник. Вып. V. Нальчик, 2007. С. 423.

⁹⁷ История Византии... Т. 2. С. 348.

⁹⁸ *Шахматов А.А.* Корсунская легенда о крещении Владимира... С. 10, 25, 26.

⁹⁹ *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей... С. 444, 445; История Византии. Т. II. С. 235, 236; *Андреев А.Р.* История Крыма. Краткое описание прошлого Крымского полуострова. М., 1997. С. 21. URL: lib.ru/histori|Andreew_A_R|krim_histori/txt (дата обращения: 20.06.2011).

¹⁰⁰ Повесть временных лет: в 2-х частях. Ч. I (далее – ПVL) / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.–Л., 1950.

¹⁰¹ *Гадло А.В.* Крещение Руси и события 987–995 годов в Дербенде... С. 49.

¹⁰² ПVL. Ч. I. С. 83, 299; *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей... С. 442, 445.

¹⁰³ ПVL. Ч. I. С. 99; Ч. II. С. 369. А.В. Гадло относит эту позднюю интерполяцию Никона (1073) к 1015–1019 гг. (*Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей... С. 440, 441, 447).

¹⁰⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. I: Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926. Стб. 146, 147. URL: www.lrc-lib.ru|rus_letopis|Laurence|gif_mm.ptp (дата обращения: 20.06.2011); *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей... С. 448.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Стб. 147. URL: www.lrc-lib.ru|rus_letopis|Laurence|gif_mm.ptp (дата обращения: 20.06.2011.); *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн.1. История России с древнейших времен. Т. 1. М., 1988. С. 204–205.

¹⁰⁶ *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей... С. 442, 444.

¹⁰⁷ Там же. С. 442, 450.

¹⁰⁸ *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа... С. 102.

¹⁰⁹ *Чхаидзе В.Н.* Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир, 2006. С. 146, 147.

¹¹⁰ Чхаидзе В.Н., Устаева Э.Р. Византийские печати из раскопок Таманского городища URL: http://vremennik.biz/sites/all/files/68_13 (дата обращения: 19.03.2015).

¹¹¹ Там же.

¹¹² Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. – 90-е гг. XI в.). Очерки историографии... С. 150.

¹¹³ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 166, 169.

¹¹⁴ [Электронный документ]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/29397> (дата обращения: 19.06.2011).

¹¹⁵ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 93–94.

¹¹⁶ Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии... С. 106.

¹¹⁷ Макарий (Булгаков), архимандрит. История христианства в России до равноапостольного Князя Владимира... С. 54–55.

¹¹⁸ Чхаидзе В.Н., Устаева Э.Р. Византийские печати из раскопок Таманского городища URL: http://vremennik.biz/sites/all/files/68_13 (дата обращения: 19.03.2015).

¹¹⁹ Лавров Л.И. Избранные труды... С. 225; Назаров С.В. Северный Кавказ во внешней политике Византии в VIII–XII вв. // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Армавир, 1999. С. 59–89.

¹²⁰ Опрышко О.Л. Раннехристианский могильник в сел. Верхний Чегем КБАССР (раскопки 1960 г.) // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. IX. Нальчик, 1961. С. 221; Лавров Л.И. Избранные труды... С. 184; Василенко Д.Э. Погребальный обряд населения междуречья Псоу-Шахе в эпоху Средневековья // Исторический вестник. Вып. VIII. Нальчик, 2009. С. 36, 40.

¹²¹ Труды В.Г. Василевского. Т. II. Вып. I. С. 268, 270; Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 109–112.

¹²² Назаров С.В. Северный Кавказ во внешней политике Византии в VIII–XII вв. ... С. 73, 74.

¹²³ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 128.

¹²⁴ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в... С. 172.

¹²⁵ Описание Кубани... С. 145.

¹²⁶ Владимир Кузнецов. Христианство на Северном Кавказе до XV в. URL: <http://constitutions.ru/?p=6467> (дата обращения: 30.07.2017).

¹²⁷ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. ... С. 165.

¹²⁸ Лавров Л.И. Избранные труды... С. 223.

¹²⁹ Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Издательство «ИР», Владикавказ 2002 г. [Электронный документ]. URL: <http://www.alanica.ru/articles/40-the-structure-of-the-diocese-of-alanian> (дата обращения: 11.06.2013).

¹³⁰ Назаров С.В. Северный Кавказ во внешней политике Византии в VIII–XII вв. ... С. 59–89.

¹³¹ Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира... С. 132.

¹³² Владимир Кузнецов. Христианство на Северном Кавказе до XV в. URL: <http://constitutions.ru/?p=6467> (дата обращения: 30.07.2017).

¹³³ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 77; Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. I // Сост. Г.Ф. Турчанинов. Нальчик, 1956. С. 44.

- ¹³⁴ Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998. С. 214.
- ¹³⁵ Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. I. С. 44–45.
- ¹³⁶ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа... С. 77; Ногма Ш.Б. Филологические труды. Т. I. С. 44–48.
- ¹³⁷ Котляровы М. и В. Кабардино-Балкария: занимательное, загадочное, забытое. Нальчик, 2009. С. 13.
- ¹³⁸ Там же. С. 11.
- ¹³⁹ Там же. С. 13.
- ¹⁴⁰ Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей... С. 93.
- ¹⁴¹ Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Издательство «ИР», Владикавказ 2002 г. URL: <http://www.alanica.ru/articles/40-the-structure-of-the-diocese-of-alanian> (дата обращения: 11.06.2013).
- ¹⁴² Бгажноков Б.Х. Адыгские клятвы // Общественный быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986. С. 92.
- ¹⁴³ Краткое описание о кабардинских народах, сделанное в 1784-м году генерал-поручиком Павлом Потемкиным // Опубликовано Б.А. Гардановым // Сборник по истории Кабарды. Вып. V. Нальчик, 1956. С. 144.
- ¹⁴⁴ Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977. С. 49; Зафесов А.Х. Христианство в Адыгее: особенности распространения и проявления // Религиозные верования адыгов. Майкоп, 2001. С. 461.
- ¹⁴⁵ Рашид Ад-Дин. Сборник летописей: в 2-х т. / Пер. с перс. А.А. Хетагуровой и О.И. Смирновой. М.–Л., Т. 2. 1960. С. 39; Озова Ф.А. К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии... С. 148.
- ¹⁴⁶ Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. V. Вып. 1, 2. СПб., 1898. С. 11.
- ¹⁴⁷ Кулаковский Ю.А. Христианство у алан... С. 11, 13.
- ¹⁴⁸ Лавров Л.И. Избранные труды... С. 223.
- ¹⁴⁹ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 187. Цит. по: Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Издательство «ИР», Владикавказ 2002 г. URL: <http://www.alanica.ru/articles/40-the-structure-of-the-diocese-of-alanian> (дата обращения: 11.06.2013).
- ¹⁵⁰ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 187; Малахов С.Н. К локализации Ахохии. Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1998. Цит. по: Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Издательство «ИР», Владикавказ 2002 г. URL: <http://www.alanica.ru/articles/40-the-structure-of-the-diocese-of-alanian> (дата обращения: 11.06.2013).; Про Хабзэ. URL: <http://circassiancenter.org/permalink/5230.html> дата обращения: 15.02.2015).

F.A. OZOVA

CIRCASSIAN ORTHODOXY: THE INSTITUTIONAL ASPECT

The Caucasus was one of the first territories of the spread of Christianity. The article is devoted to the analysis of the construction and existence of Christian institutions in Cherkessia, their influence on the social and political institutions of Circassia, on the mentality and legal culture of its society.

Keywords: Orthodoxy, Christian institutions, Zikhi, Adigi, Circassians.

А.А. Остахов
(г. Североморск)

КРИЗИС РУКОПАШНОГО БОЯ ЧЕРКЕСОВ В ЭПОХУ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ (1765–1864)

Статья рассматривает кризис рукопашного боя как одну из форм проявления тактического кризиса, являвшегося главной причиной поражения черкесов и других кавказских горцев в Кавказской войне (1765–1864). В ходе исследования выявлены причины кризиса рукопашного боя, степень его негативного влияния на боеспособность черкесов и их попытки решить эту проблему.

Ключевые слова: ближний бой, рукопашный бой, сабельный (шашечный) бой, штыковой бой, русская пехота, черкесские воины, черкесская шашка, русский штык, рубящий удар, колющий удар, кризис рукопашного боя, тактический кризис.

Основной причиной поражения черкесов и других горцев в Кавказской войне (1765–1864) был тактический кризис, одной из форм проявления которого был кризис рукопашного боя. Он заключался в бесполезности шашечного и кинжального боя горцев против штыкового боя русских. Общеизвестно, главными средствами рукопашного боя у адыгов, как и у других кавказских горцев, были кинжал и шашка, при этом шашка была основным холодным оружием, а кинжал – вспомогательным. Шашка была уникальным оружием, не имевшим аналогов в мире. Из всех видов холодного оружия именно она была самым высокоскоростным клинком. Отсюда, такие авторитетные ученые как Ф.Р. Након и Г. Панченко, считают ее пиком исторической эволюции клинкового оружия.

Черкес с шашкой был грозен и опасен. Он смело мог врубаться в толпу и вести бой с несколькими противниками одновременно.

К примеру, в бою около Могильного поста Черноморской линии (11 октября 1823) известный шапсугский вождь Казбич Шеретлуков в одиночку рубился с группой казаков: «Сам Казбич дрался, как бешеный: ему разрубили левый висок и шею, проткнули бок пикой. Но он все-таки возвратился за Кубань на коне, покрытый кровью...»¹. Кстати, по мнению В.А. Потто, Н. Дубровина и А.А. Бестужева-Марлинского, лучшими рубаками на всем Кавказе были шапсуги².

Но в Кавказской войне черкесская шашка столкнулась с русским штыком, против которого она оказалась бессильной, несмотря на свою уникальность. Тем более, что русский штыковой бой, культивированный школой А.В. Суворова, считался лучшим в Европе. Это привело к фатальным последствиям: в рукопашных схватках русские пехотинцы

почти всегда побеждали черкесов, до этого не знавших себе равных в ближнем бою.

Наиболее ярким символом кризиса рукопашного боя черкесов была Малкинская битва (29 сентября 1779). После неудачного штурма Георгиевской крепости и разорения ее окрестностей, кабардинцы разбили становище на одном из речных островов Малки. Этим воспользовался генерал Ф.И. Фабрициан, войско которого вскоре окружило их и отрезало все пути к отступлению. Несмотря на отчаянное положение, кабардинцы решили сражаться до конца и на все предложения русских о сдаче в плен отвечали ружейным огнем. Тогда российские солдаты атаковали остров без артиллерийской поддержки. Кабардинцы, несмотря на долгое героическое сопротивление, не смогли отразить штыковые атаки русской пехоты, приведшие к их полному истреблению. Интересные факты о данном событии сообщил В.А. Потто: «...**артиллерии не было вовсе**, но как Фабрициан, так и Якоби надеялись управиться и без ее содействия. <...> **Пять часов** длилась упорная битва. Пушка, захваченная кабардинцами, была отбита обратно, лагерь взят приступом, и все, что было на острове, **легло под штыками** русских солдат. Замечательно, что в этом бою сражались против русских только **одни князья и дворяне** со своими вассалами – уорками и узденями. Простой народ почти не участвовал в битве, толпы его стояли верстах в шестисеми...»³. Судя по всему, штыковую атаку предваряла длительная ружейная перестрелка, отчего бой растянулся на 5 часов. Но тот факт, что русские пехотинцы смогли одолеть не знавшее себе равных в ближнем бою кабардинское аристократическое воинство одними штыками, без пушечного огня, лучше всего свидетельствует о кризисе рукопашного боя адыгов, причиной которого было превосходство штыка над шашкой. Именно это редкое стечение обстоятельств, доказывающих нашу гипотезу, обусловило уникальность Малкинской битвы.

В мировой истории ее аналогом была битва при Пуатье (19 сентября 1356) во время Столетней войны (1337–1453). Здесь погиб весь цвет французского рыцарства, могильщиком которого стали английские лучники. Но если для французской феодальной знати настоящим «бичом Божьим» был английский (валлийский) длинный лук, то для кабардинской аристократии им стал русский штык.

В чем заключалось превосходство штыка над шашкой? По мнению полковника М.Я. Ольшевского, оно крылось в превосходстве длины: «Но, несмотря на ловкость и искусство, с которым вообще чеченцы умели владеть холодным оружием, несмотря на остроту лезвия шашки, соединенной с другими ее достоинствами, редко когда они торжествовали в рукопашном бою. Это происходило как оттого, что штык, насаженный на ружье, был **более длинным оружием**, нежели шашка...»⁴. Таким образом, более длинное штыковое ружье позволяло русскому пехотинцу не подпускать к себе горца, как бы бешено и напористо он к нему ни рвался.

Четким доказательством тезиса М.Я. Ольшевского служит интересный поединок между кабардинским воином и русским солдатом у ст. Горячеводской (1828). Первый с обнаженной шашкой всячески

пытался прорваться ко второму, но тот умело отгонял его штыком. Далее, подгадав удобный момент, русский пехотинец пронзил кабардинца штыком и поднял его вверх, словно сено на вилах. В эту минуту расстояние между ними значительно сократилось, т.к. ружье просело под давлением насаженного тела, нейтрализовав превосходство своей длины. Этим сумел воспользоваться умирающий кабардинец: собрав последние силы, он из подвешенного положения нанес размашистый удар шашкой и срубил солдату голову. В итоге, оба бойца погибли, завершив поединок достойной ничьей⁵.

Мало того, на наш взгляд, превосходство штыка над шашкой объясняется еще одной важной деталью. Колющий удар по своей природе обладал тройным превосходством над рубящим, ибо был более скоростным, более безопасным для фехтовальщика и более смертоносным для соперника. Этот факт подметил еще римский военный теоретик Флавий Вегетий Ренат⁶. В итоге, горец в рукопашном бою лишался всякого преимущества: он физически не мог дотянуться шашкой до русского пехотинца, не мог парировать его штыковой выпад и был легкоуязвимым при нанесении рубящего удара, т.к. взмахом руки оголял свое туловище. Тогда как, русский солдат наоборот получал полное превосходство, ибо мог удерживать горца на безопасном расстоянии и одновременно поражать его колющими ударами, т.е. он имел возможность одновременно обороняться и атаковать.

Именно поэтому черкесы, дагестанцы и чеченцы, по свидетельству многих источников, испытывали страх перед штыковыми атаками русской пехоты. По мнению В.В. Дегоева причиной этого была боязнь колотых ран, считавшихся на Кавказе позорными⁷. На наш взгляд, причиной являлось другое обстоятельство: у горцев не было ни единого шанса на победу или даже на спасение в поединке против штыка, поэтому здесь они были заранее обречены на гибель, что не могло не пугать.

Кстати, говоря о защите, нельзя обойти стороной один немаловажный момент. От штыкового удара не могла защитить даже знаменитая адыгская кольчуга, более известная как «черкесский панцирь»⁸. Она хорошо защищала от ударов казачьей пики, кинжала, шашки, а порой даже от пистолетного выстрела, отчего многие горцы продолжали ее носить во время Кавказской войны, несмотря на господство огнестрельного оружия. Но против русского штыка черкесский панцирь был бесполезен: трехгранный штыковой клинок легко разрывал кольчужные кольца, поэтому российский солдат мог прокалывать панцирь без особых усилий.

Мощь штыкового боя была настолько велика, что позволяла русской пехоте побеждать черкесов даже без огневой поддержки. Подтверждением тому служит штурм горцами Абинской крепости (26 мая 1840 г.). Черкесы дважды атаковали ее и взбирались на крепостные стены, но каждый раз российские солдаты сбрасывали их оттуда штыками. Упорство и храбрость горцев не могли переломить ситуацию, а только увеличивали их потери. В итоге, из 685 убитых адыгских воинов, львиная доля погибла от штыковых ран, а не от пушечного огня. Многие из этого числа были облачены в кольчуги⁹.

Большинство схваток между русскими и черкесами заканчивалось аналогичным образом. В конечном итоге, кризис рукопашного боя поставил черкесов в критическую ситуацию: даже если им удавалось ценой невероятных усилий и большой удачи преодолеть плотный огонь русской пехоты и артиллерии, и приблизиться к солдатам, они были беспомощны перед их штыками. Оцетинившаяся штыками российская пехота напоминала дикобраза, которого нельзя было схватить голыми руками. Фактически адыгское воинство лишилось своего главного средства уничтожения вражеской силы, поэтому не могло нанести российским войскам большого урона. Конечно, были случаи-исключения, но они носили эпизодический характер и не могли повлиять на общий ход дела.

Со стороны черкесов предпринимались попытки преодоления кризиса рукопашного боя. Для этого они стремились расстроить русскую пехоту, ибо штыковой бой был высокоэффективным средством только в условиях строевых действий. Достигалось это с помощью следующих средств.

Во-первых, с помощью внезапных атак. Для этого адыгские партии укрывались в хорошо замаскированных засадах, подпускали противника на близкое расстояние и без обстрела неожиданно его атаквали. Внезапная и молниеносная атака должна была лишить русских солдат времени на перестройку своих рядов для принятия черкесского удара в штыки, что позволило бы горцам глубоко врезаться в их массы и навязать им сечу¹⁰.

Во-вторых, посредством ложного отступления. После череды безуспешных ударов, черкесы бросались в ложное отступление и втягивали российские отряды в преследование, расстраивавшее их ряды. В этот момент, горцы быстро разворачивались и наносили внезапный контрудар, легко врбаясь в беспорядочные массы неприятеля, который вынужден был принимать рукопашный бой в крайне невыгодных условиях¹¹.

В-третьих, путем заманивания русской пехоты на пересеченную местность. Обороняя укрепленную позицию в лесах или горных ущельях, адыги ждали момента, когда российские солдаты бросятся в атаку, в ходе которой неровный ландшафт автоматически расстроит их ряды. В этот момент черкесы бросали все свои силы в ответную контратаку, навязывая неприятелю одиночный ближний бой, где они имели преимущество¹².

Несмотря на рациональность этих подходов, на практике они не часто приносили успех и не стали для адыгов эффективным противодействием против русского штыкового боя. По своей сути, они не являлись тактической инновацией, позволявшей выйти из кризиса. Они представляли собой попытку приспособления, а не реформации, традиционной черкесской тактической системы к совершенно новым вызовам эпохи Кавказской войны.

Заимствование черкесами штыкового боя у русских было в принципе невозможно, т.к. не было условий для его прививки к их военной системе и культивации в ее рамках. Во-первых, легкое черкесское ружье, в отличие от тяжелого русского, было непригодно для рукопаш-

ного боя. Оно было достаточно хрупким и легко ломалось от сильного удара. Мало того, его изящная и миниатюрная конструкция исключала возможность крепления штыка.

Во-вторых, основным носителем штыкового боя была пехота, тогда как у черкесов главным родом войск была конница. На ее главенстве в бою была построена вся адыгская тактическая система. Штык и кавалерия – это две совершенно несовместимые вещи. Внедрение штыкового боя требовало вывести на первые роли пехоту, а конницу – на вторые, что автоматически разламывало всю тактическую систему черкесов.

В-третьих, штыковой бой был основан на коллективных действиях солдат, возможных за счет боевого строя. У черкесов он был в зачаточном состоянии. Поэтому они практиковали одиночный рукопашный бой, в рамках которого штык был не столь эффективным оружием.

В заключении отметим, из-за кризиса рукопашного боя черкесы и другие кавказские горцы систематически терпели поражения от русских пехотинцев в ближнем бою и не могли нанести им серьезного урона. Основной причиной этого кризиса был русский штыковой бой. Преимущества русского штыка над черкесской пашкой крылись в превосходствах длины радиуса боевого действия и колющего удара над рубящим. Для разрешения этой проблемы адыги пытались расстроить российскую пехоту, посредством внезапных атак, ложного отступления и заманивания пехотинцев на неровный ландшафт. Несмотря на рациональность этих приемов, их эффективность была крайне низкой, что не позволило успешно решить данную проблему. Объективно говоря, у черкесов не было никаких возможностей для ее решения, ибо их военная система фундаментально отличалась от российской военной системы.

Примечания

¹ Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 2. С. 453.

² Потто В.А. Указ. соч. С. 286; Дубровин Н. Черкесы (адыге) // Документы и материалы по истории адыгов. Нальчик, 1991. Вып. 1. С. 227.

³ Потто В.А. Кавказская война. М., 2006. Т. 1. С. 77–78; Потто В.А. Два века Терского казачества. Ставрополь, 1991. С. 287–288.

⁴ Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб., 2003. С. 75–76.

⁵ Аталиков В.М. Записки двух русских путешественников о Кабарде // Живая старина. Нальчик, 1991. Вып.1. С. 72.

⁶ Флавий Вегеций Ренат. Краткое изложение военного дела // Сайт «X-legio. Военно-исторический портал Античности и Средних веков» [Электронный ресурс]. URL: <http://xlegio.ru/sources/vegetius/book-1.html> (дата обращения: 10.09.2016 г.).

⁷ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 211.

⁸ Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. С. 466.

⁹ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. Крае и Черномор. побережье // Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в

1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. Крае и Черномор. побережье. М., 2004. С. 334.

¹⁰ Потто В.А. Кавказская война... Т. 1. С. 83, 469.

¹¹ Спенсер Э. Путешествия в Черкесию. Майкоп, 1994. С. 45.

¹² Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг.: Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991. С. 27.

A.A. OSTAKHOV

THE CRISIS OF HAND COMBAT OF THE CIRCASSIANS
IN THE ERA OF CAUCASIAN WAR (1765–1864)

In this article the crisis of hand combat as a form of tactical crisis, which was the main reason for the defeat of the Circassians and other Caucasian highlander in the Caucasian war (1765–1864) are examines. During research the causes of the crisis of hand combat, the degree of its negative impact on the military efficiency of the Circassians and their attempts to solve this problem are identified.

Keywords: close combat, hand (melee) combat, saber battle, bayonet fighting, Russian infantry, Circassian warriors, Circassian sabre («shashka»), Russian bayonet, slashing strike, bayonet strike, the crisis of hand combat, tactical crisis.

А.Т. Джумагулова
(г. Ессентуки)

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ НОГАЙЦЕВ В ФОЛЬКЛОРЕ

Данная статья призвана произвести анализ и сопоставление ногайского фольклора с реальными историческими событиями из жизни ногайцев XVIII–XIX вв., на примере песни «Продажные мурзы», «Переселение в Стамбул», «Песня мухаджиров».

Ключевые слова: ногайцы, фольклор, переселение, мухаджирство, исторический эпос.

Непреходящую культурную и историческую ценность представляет собой богатый исторический фольклор и песни ногайцев, являющихся своеобразной летописью жизни народа. В их основе лежат исторические факты разных лет, глубоко запечатлевшиеся в сознании народа, и отображающие историческую действительность своего времени. Исследование и анализ ногайского фольклора в качестве исторического источника, поможет нам в анализе и оценке различных сторон социально-политической жизни ногайцев.

Итак, уходящее вглубь веков историческое прошлое ногайцев рисует их как один из народов, игравших в свое время значительную роль на арене истории. Возникшая в 1391 г. на развалинах Золотой орды Ногайская Орда расположилась на территории левобережья нижней Волги, Южного Урала, Западного и Центрального Казахстана. Центром орды в XV–XVI в. были р.Яик и степные пространства между Волгой и Эмбой. Апогей ее могущества пришелся на вторую четверть XVI столетия, после чего произошло ослабление и распад орды. В братоубийственной междоусобной войне, длившейся десятилетия князь и мурзы разорили и истребляли страну. 1549 г. стал переломным в истории ногайцев. Внутренние раздоры и борьба мурз за власть раздробили Ногайскую орду на Больших и Малых Ногаев. Чуть позже улусы главным образом Больших Ногаев, так же разделились на мелкие княжества: орды Едиган, Едишкуль, Буджак и Джембойлук. Ослабленные и раздираемые княжескими усобицами ногайцы стали уязвимыми накануне джунгарского нашествия. В XVII в. калмыки активно стали оттеснять ногайцев с Волги в верховья Кубани и Баксана. Закрепившись на Нижней Волге, калмыки создали под протекторатом России Калмыцкое ханство. Боясь быть включенными в калмыцкие тайши и потерять экономическую, этническую и культурную свободу, как это случилось с некоторыми племенами едиганцев и едишкульцев, ногайцы мигрировали на Северный Кавказ, в Крым, Придунавье¹.

К началу XVIII в. основное направление миграций номадов осуществлялось по линии – Нижнее Поволжье, Северо-Восточный и Северо-Западный Кавказ, Приазовье, Крым, Приднестровье. Пути их исторических передвижений оказались в зоне геополитических интересов соперничавших между собой Османской и Российской империями². Турция в своем стремлении поработить кавказские народы опиралась не только на подвластный ей Крым (с 1730 по 1770 гг. – под властью крымских владетелей сосредоточилось наибольшее количество ногайских орд)³, но и на значительную часть местной феодальной верхушки и мусульманского духовенства. Ко второй половине XVIII в. тяготение к России определялось все больше и имело следствием переход ногайских орд под русский протекторат в 1770–1771 гг.⁴ Однако турецкие агенты всеми силами стремилась поднять ногайцев против России. Агитаторы умело играли на религиозности мусульман. Среди ногайцев распространялись песни, рисующие их беззаботную жизнь в Турции. Исследователь ногайской истории А.А.Сергеев приводит одну из них:

*«Окружности Стамбула в садах...
Слава Аллаху! Мы свободны от русских.
Эй, народ! Пора нам восвояси, пора пророка узнать...
Привет вам ласковый готов в Стамбуле, правоверные!..
Там-то будет нам раздолье! Запируем мы на свободе,
И свадьбам нашим не будет конца! Эй народ!
Спешите же, пока не прошло время!
Пора нам пророка почитать!»⁵*

Раскол в социальных верхах ногайского общества определил поляризацию внешнеполитической ориентации противоборствующих группировок в различных направлениях. Именно междоусобица определила вектор притяжения ногайских племен – одних на российский, других на турецкий двор. Эти события нашли отображение в песне ногайского поэта XVIII в. Саркынбая Крымлы «Продажные мурзы» («Бий, мырза душпанлар алтынга сатылды»⁶). Художественный (далеко не дословный) перевод Ф.М. Сидихметовой.

*БИЙ, МЫРЗА ДУШПАНЛАР АЛТЫНГА
САТЫЛДЫ*

*Крым салкыны,
Куман алкымы,
Яйлагы тегис,
Ягасы энъис,
Бир ягы терк сув,
Бир ягы камыс.
Коныс байлыгынынъ
Конагы болдык.
Бий, мырза душпанлар
Алтынга сатылып,
Крымлы ногайым
Аякка басылып,
Туьрк-куьнькер пашалар*

ПРОДАЖНЫЕ МУРЗЫ.

*Крымских садов тень,
Родины куманов сень,
Берега здесь пологие,
Земли плодородные,
С одной стороны –
Быстрая вода шумит.
С другой стороны –
Легкий камыш шумит.
И жили мы здесь,
Как гости Всевышнего.
Продажные мурзы
Копились на злато врага.
И крымские ногайцы*

Сырыгып шашылып,
 Кыйсдасан намартлар
 Алкымы ашылып,
 Стамбыл калага
 Тавафка бармага
 «Кобышынъиз бизге» деп,
 Алдайды халкымды,
 Арбав манн шакырып.
 Буьдуйьвге усайды,
 Бир нешев анък этип,
 Арбав манн тусалып,
 Кобысенъиз буьлерсиз.
 Ашыгып сисерсиз,
 Кор болып оьлерсиз.
 Туьрк ери килень тас,
 Мал отлак, оьрис йок,
 Сабанга энъис йок,
 Энъиссиз токлык йок.
 Коьргенинъ сол болар,
 Коьп туьрклер юмсаган.
 Ялышысы боларсынъ
 Насыпти тускаган.
 Кобышейик Кап тавга,
 Кайратлы ногойга,
 Ногойлы Кобанга,
 Авлаклы Куьманга,
 Туьвган халк ногойды
 Аякка баспайык.
 Туьвган ер, байлыкты
 Туьрклерге сатпайык.
 Кав тавлы ногойдан,
 Кобан манн Куьманнан
 Йигитлер йыяйык,
 Аьскерлик куьш алып.
 Сатылган бийлерди
 Туьрклер мен тусайык.
 Кай куйып туврайык,
 Душпанды карайык.

Кровью своей умылись,
 Турецкие падишахи
 Людей своих растеряли,
 Подлые обманщики,
 На наш народ позарились,
 И зовут теперь нас:
 «Мол, приезжайте к нам...
 В город Стамбул...»
 В рабство зовут.
 Некоторые растерялись,
 Поддались на уговоры,
 Как будто на чужбине
 Ждет их сладкая жизнь.
 Не верьте уговорам,
 Не идите на поводу –
 На чужбине ждет вас голод,
 Унижение и нищета.
 Турецкая земля –
 Один сплошной камень.
 Нет здесь ни пастбищ,
 Ни просто травы.
 Негде землю пахать,
 Некуда семя бросать.
 И многие турки
 Будут вас унижать,
 Станете рабами,
 Потерявшими счастье.
 Лучшие уйдемте в горы,
 К подножью Эльбруса,
 Там, где сильны ногойцы,
 На богатую землю Кубани,
 На плодородную землю Кумы.
 Не позволим топтать
 Наш ногойский народ.
 Изобилие родной земли
 Не отдадим туркам.
 У подножий Эльбруса,
 Там, где Кубань и Кума
 Соберем джигитов,
 Целую армию,
 И продажных мурз
 Вместе с турками
 Погоним с родной земли,
 Прольем их кровь,
 Уничтожим врагов.

К началу XIX в. ногойцы в составе Российской империи расселились по территории Северо-Восточного, Северо-Западного Кавказа и Приазовья (территории Молочных Вод Таврической губернии). 20-е гг. XIX в. были ознаменованы событиями, которые в исторической науке принято называть Кавказской войной. Её финалом, как писал И.В. Бентковский, «было не только выселение в Турцию значительного числа не покорив-

шихся и непобежденных обитателей гор, но и мирных Ногайских племен»⁷. Ряд исследователей предполагает, что исход ногайцев в Турцию связан с событиями Кавказской войны. В частности, С.В. Фарфоровский отмечает, что «покорение Кавказа и пленение Шамиля дало сильный толчок ногайской эмиграции»⁸. Но ногайское мухаджирство, в отличие от горского, не являлось следствием военно-политического поражения. Номады не принимали активного участия в боевых действиях и ушли по иным причинам. Не отрицая определённого воздействия религиозных противоречий и проводимой антирусской пропаганды, мы вместе с тем считаем, что приоритетное значение имели социально-экономические причины. Были и другие факторы: ногайские феодальные верхи, боясь потерять свой привилегированный статус среди соплеменников, так же ратовали за переселение. В этом их поддерживало духовенство, тем более что турецкий султан обещал всяческую поддержку новоявленным мухаджирам. Турция была заинтересована в получении новых лояльных подданных, которых предполагалось использовать в том числе и для борьбы с теми народами, которые боролись против власти османов. Сыграла свою роль и архаичность мировоззрения значительной части ногайцев, которое не допускало мысли не подчиниться воли большинства родичей⁹.

За 1857–1864 г. в Турцию переселилось более 70 тыс. ногайцев из Северного Кавказа¹⁰, и около 50 тыс. ногайцев из Таврической губернии¹¹. В Турции переселенцы оказались в невыносимых условиях. Прибывших таврических и кавказских ногайцев турецкое правительство размещало в Болгарии и Румынии, а позже заставило переселиться в Брусский и Кокийский вилайеты Турции (в Малую Азию)¹². Переселенцев ждала нерадостная участь. Земель, назначенных для поселений, было отведено мало, организация размещения переселенцев на новых местах была поставлена из рук вон плохо. Вскоре турецкое правительство вообще прекратило оказывать помощь своим новым подданным. Среди переселенцев начались волнения, голод и нищета. Имеющиеся исторические данные рисуют крайне тяжелое положение переселенцев. Д.С. Кидирниязов приводит следующие данные: «Многие переселенцы грузились в страшной тесноте в небольших судах. Немало погибло в пути. Тысячами они гибли от тифа и других болезней в специальных резервациях. Единоверная султанская Турция, на которую так рассчитывали ногайцы, оказалась для них злой мачехой, поглотившей сотни тысяч жизней»¹³. Эмиграционное движение из пределов чуждой им по вере и культуре России в «единоверную» Турцию стало тяжелым испытанием для ногайцев и трагическим событием в их исторической судьбе.

Обратившись к фольклорным произведениям ногайцев, мы рассмотрим эти события через призму социальной памяти ногайского народа. Ногайцы описали эти события в песне «Переселение в Стамбул» («Стамбулга коьшуьв») ¹⁴. Данное произведение было найдено собирателем произведений устной народной словесности ногайцев А.И.-М. Сикалиевым, и записано со слов Хаджи-Исхак Кумукова. Художественный перевод Ф.М. Сидихметовой.

СТАМБУЛГА КОБШУЪВ

Айлана аккан ак Кобан,
 Айырым-айырым кенъ тогай.
 Кайда кетип йойылды,
 Ягасына яйылып конган коьп ногай?
 Кобан бойы коьп агаи,
 Агаи басы буьрленди.
 Тох, аймедет, яман ялган дуныя,
 Басымыздан туьрленди.
 Капыста манн бадражан
 Кара сувда кайнаса,
 Уьйренмеген яслар деп,
 Бизим ногай уларды
 Патша тутып кайнаса,
 Ол заманда не этермиз?
 Эгер патша йол берсе,
 Стамбылга кетермиз.
 Кетсек не зат этермиз?
 Айлак терис этермиз!
 Кеткенимиз не тапты?

Я хайырга, я шарге» деп
 Стамбылга халк коьшти.
 Коьшти болса не тапты?
 Алтыска келген каралар,
 Эмиектеги балалар
 Берен калгыр туьрк еринде
 Яв юрып, сув таптай,
 Ахырында кум капты!
 «Хайырга» деп эл коьшти,
 Хайыр кайдан табылсын,
 Хайыр сувга кеткен сонъ?
 Эл сукланган
 Ак кобанды калдырып,
 Ер яртысы Кара тенъиз как ярып,
 Коьп ногайым
 Туьрк ерине еткен сонъ?
 Бу ногайдынъ харам оьлгир
 Бийи минен мырзасы,
 Юмле халктынъ ызасы,
 Ишинде айллели тирици,
 Эш калдырмай баьриси
 Акылымызди таьвести!
 Олтыртаяк болады
 Эменнинъ бийде – исине,
 Тамашамыз калады,
 Акыл салып ойласанъ,
 Булардынъ эткен намарт исине.

Эдигединъ куьниннен
 Эсап этип карасанъ,
 Коьп саьнелер авысты.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ В СТАМБУЛ

Течет, пенясь, белая Кубань,
 Вокруг нее разбросаны долины,
 Куда же с берегов твоих исчезли
 Многотысячные ногайцы?
 По берегам Кубани много деревьев,
 Скоро они все зацветут.
 Ах, только не над нашими
 Несчастными головами.
 Капуста и баклажаны
 Кипят в черном бульоне,
 А если турецкий паша
 Возьмет в армию
 Наших необученных юношей,
 Они тоже сварятся
 В черном котле войны!
 Если паша позволит,
 Мы можем уехать в Стамбул,
 Но нельзя нам уезжать,
 Видите, что стало с теми,
 Кто раньше нас уехал?

«К добру или к худу» сказали ногайцы
 И ушли снова в Стамбул.
 Но что они там нашли?
 Шестидесятилетние старики,
 Грудные дети –
 На проклятой турецкой земле
 Ходили пешком, изнемогая от жажды,
 И сами в конце концов
 Стали прахом.
 Народ ушел искать счастья,
 Но где же там ему быть,
 Если оно утонуло в море с нашими
 детьми?
 Оставив благодатную землю Кубани,
 Которой завидовали все вокруг,
 Сами ушли ... уж после мы пожалеем...
 Наши предводители Би и мурзы-
 Чтобы их похоронили без молитвы! –
 Это они обманом завлекли народ на
 чужбину.
 Даже не верится, что смогли вы так с
 народом своим поступить!

Со времен правления Эдиге,
 Если хорошо посчитать,
 Много веков сменилось.
 Но не было еще такого:
 Мурзы как собаки передрались за
 власть,
 И разорили многотысячный,

Коббексиген
Иит мырзалар эрисип,
Алем майтак, коьп ногай,
Калынь ногай, авыр юрты таввести.
Эдил – Яйык эки сув:
Бир саьнеде
Яйыкка да сыймадык.
Бир ягы ойпань кум биткен,
Бир ягы каткыл яр биткен,
Балдырганы билектей,
Буьлдиргени юректей,
Кымызлыгы куьректей,
Бакасы койдай шувлаган,
Балыгы тайдай дувлаган,
Йылань бар бакандай ,
Ботлавыгы
Шоьккен туье таптырмас,
Балыгы йылкы яптырмас,
Бакасы туьн уйкыньды таптырмас,
Сав дуньяга бергисиз Эдил сув,
Бир саьнеде
Эдилге де сыймадык.
Бассызлар ол саьнеде бизлерге
Бек дувлаган бас болды,
Бир-бирине кас болды.
Яйылып кырда яшаган,
Кымызы манн кой йилигин ашаган,
Эллерден элдер оьтип макталган
Айдынлы ногай юрты тас болды.
Кыл ялавлы калмык бизге касс болды.

Ери еннет, сувь сербет,
Кешинмеге, куьтинмеге колайлы,
Эриккен куьн Домбайлы,
Эл сукланган ак Кобанынь
Толпа-толы ногайлы.
Ер юзининькоьрки деп,
Агашы айбар караган,
Шоькырагы шор-шор этип агаган,
Кыювлы яга Кобан бар,
Кобанда айыры куйрык сабан бар,
Кобанда тарам-тарам тогай бар.
Тогай толы ногай бар!
Бу не деген Кобан толы Эл эдик,
Нешик яшай туры эдик!
Ярлылык пан ялгызлык бизге йос болды,
Калынь шеркеш, коьп ногай
Тень яшаган толы Кобан бос болды.
Азгана калган ногайга
Ак Кобаннан айырмай
Мавлемиз бергей куьшити.
Салдат алса бизлерден,

Богатый, Благодатный Ногайский юрт!
Волга и Урал – две великие реки –
В одно время мы не уместились
На берегах Урала покрытых лесом и
песком,
Кустарники там толщиной в плечо,
И ягоды на них размером с человеческое
сердце,
Можжевательник щедро растет,
Ну а лягушки там – как стада баранов,
И рыба играет, словно стадо жеребят,
Ящерицы там размером с верблюдицу,
И змеи огромны...
Но не уместился народ на этой
благодатной земле.
Волга-мать – весь мир поместился в
тебе.
Мы жили вольготно в долинах Волги,
Пили кумыс и ели жирное мясо,
Но и на ее берегах
не уместились мы –
Когда безголовые мурзы правили
народом,
Проливая кровь друг друга на войне.
А теперь Ногайский юрт,
Что славен был на все соседние страны,
Исчез, пропал с лица земли, обессилил
ты,
Когда узкоглазые калмыки пошли на
тебя с войной.

Благодатная земля белой Кубани,
Земля которой – рай,
А вода – щербет,
Земля до самых вершин Домбая
Была полна ногайцами.
На свете много прекрасных мест,
Но нет ничего прекраснее
Резных берегов Кубани,
Лесов вокруг нее, широкой пашины,
Зеленой и щедрой долины,
И на этих долинах нашли мы Родину
расставив шатры
И в изобилии, вольготно жили там мы.
А теперь что?
Нищета и одиночество сопровождают
нас!
Ведь опустела белая Кубань –
Без многочисленных ногайцев и крепких
черкесов
Теперь на берегах Кубани мало нас
осталось,

*Орыстынъ аьруьв оьтпеги
Азык болар, тынъланъыз!
Муннан аьри биз кетсек
Каьрип – касар ногайга
Язык болар, анъланъыз!*

*Не разлучайся с ней,
Прислушайся народ мой!
Пусть Всевышний даст тебе силы
И если русский царь возьмет нас в
солдаты,
Пусть его хлеб станет тебе едой,
А если и последние из оставшихся уйдут
отсюда,
Пропадете и Вы, поймите же вы это!*

Оставшаяся в народной памяти «Песня мухаджиров» («Маажир йыры»¹⁵) ярко описывает те трагические страницы истории ногайцев. Данное произведение так же было найдено А.И.-М. Сикалиевым, и записано со слов Бекмурзы Исунова. Художественный перевод Ф.М. Сидихметовой.

МАОЖИР ЙЫРЫ

*Туьрк патшасы Абдул-Хамид савында
Крымнынъ Ак-Мешиити бузылды.
Беллеримиз бизим сонда уьзилди.
Ол каладынъ карты-ясы дарылды,
Канларымиз аккан суьдай агылды,
Туьркке баьри кетти крым татарлар,
«Эй, ногайлар, Османлыга келинъиз.
Аьр яхышлык Османлыда билинъиз»,
Деп ногайга таймай кагыт атарлар.
Сол кагытты коьрип ногай агылды
Артыннан калынъ шеркеш тыгылды,
Кумукларга йылкы, тувар саттылар,
Иесиз малдай кырга аттылар.
Кумуклар оны коьрип кутырды,
Ама бизим кыйынлыктан кутылды.
От кемелер аьлек болды Кериште,
Муны кимик эш коьрмедик бир иш те.
От кемединъ аркалыгы айырылды,
Ишине тенъиз суьвы агылды.
Кемешилер кайыкларын коьзледи,
Хатын-кызлар бавырын тутып бозлады,
Османлыга шеркеш пинен тенъ кеттик,
Стамбылдынъ шаьрине тез еттик.
Еткен ушин бу гавирден не таптык?
Аьр авылда ялши крым татарлар,
Шеркешлер тутып кызын сатарлар.
Аьр калада нешеси мынъ ногайлар,
Вай, кырылып толган улы тогайлар.
Суьеклерин туьрклер юьмай атканлар,
Калганлары балаларын сатканлар.
Ярык дунья бизге терис айланды,
Хатын-кызлар туьелерге байланды.
Каргысымыз етсин наьлет туьрклерге,
Вай, ийнандык намартлардынъ соьзине.
Курсаклары толган шарап – кахуеден,*

ПЕСНЯ МУХАДЖИРОВ

*В годы правления турецкого паши
Абдул-Хамида
Была разрушена Белая мечеть в Крыму.
Был сломан наш становой хребет,
Жители города Белая мечеть разбрелись
кто куда,
И кровь наша рекой тогда лилась.
В Турцию ушли почти все крымские
татары
И стали слать нам оттуда вести:
«Эй, ногаи, переселяйтесь в Турцию,
Счастье свое вы найдете в стране
Османов!»
Услышав это, в путь собрались
ногайцы,
За ними засобирались и многие черкесы,
Кумыкам продали коней и скотину,
И сами ушли, как бесхозное стадо.
Кумыки были несказанно счастливы,
Что наконец-то избавились от наших
нашествий.
Паромы наши были разгромлены в
Керчи,
Никогда мы не видели такой беды.
Паромы надвое раскалывались,
Трюмы наполнила морская вода.
Паромицики стали садиться в лодки,
А наши женщины стали причитать от
горя.
С черкесами кое-как добрались до
Турции,
Прибыли в город Стамбул.
Только что мы нашли здесь, у этих
кяфиров?
В каждом ауле слуги – крымские*

*Орамында юрип болмай кахпеден,
Карашыныз пакрыр ногай аьлине,
Бир пайдасиз зая болган малына,
Ялган йоктыр бу соьзимде;
тынъланъыз,
Османлыда яханемдир, анъланъыз!*

*татары.
Черкесы стали продавать своих
девушек,
В каждом городе тысячами ногайцы
Стали погибать от нищеты и голода.
Турки хоронили наших, не обмывая,
Те, кто остался жив, стали продавать
своих детей.
Мир для нас перевернулся,
Женщин и девушек наших угнали,
привязав к верблюдам.
Пусть наши проклятия обрушатся на
головы турков,
Продавших свою честь за деньги.
Как мы могли так обмануться,
доверившись им?
Животы их полны хмельного вина,
На их улицах пройти невозможно из-за
продажных женицин,
Посмотрите, что стало с
несчастными ногайцами,
Что стало с их богатством и скотом?
Послушайте, поверьте моим словам:
В Турции вы ад найдете, поймите!*

Как видим, ногайский фольклор своеобразно воскрешает события XVIII–XIX вв. Перед нами предстает картина исхода ногайского населения в Османскую империю, принявшего в рассматриваемый период такие громадные размеры и характер национальной трагедии. Ногайский фольклор, в масштабах эпической идеализации: сохраняет память о прошлом народа, отображает реальные исторические события, и является оригинальным культурно-историческим памятником научного и художественного значения.

Примечания

¹ Третьяков В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, РАН, 2002. С. 3, 434.

² Ялбулганов А.А. Ногайцы: история расселения и демография XVIII–XIX вв. М., 2001. С. 18–19.

³ Грибовский В.В. Управление ногайцами Северного Причерноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008 (2009). История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Восточная литература, 2009. С. 68–69.

⁴ РГВИА. Ф. Военно-ученного архива Главного штаба. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Ч. 1. Л. 29, Л. 29; 13, С. 272.

⁵ Сергеев А.А. Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. / Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 49. Симферополь: Типография Таврич. Губерн. Земства, 1913. С. 203.

⁶ «Йыр иесы мен эдим»: Поэзия йыйынтыгы («Я князем песни был»: Сборник произведений дореволюционных ногайских поэтов) / Сост. Кулунчакова Б. Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2009. С. 83–84.

⁷ Грибовский В.В. Там же. С. 92.

⁸ Фарфоровский С.В. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXVI. Вып. 7. С. 7–8.

⁹ Джумагулова А.Т. Причины и обстоятельства исхода ногайского населения в Османскую империю в 50–60-х гг. XIX в. // В мире научных открытий. Серия «Социально-гуманитарные науки». Красноярск. 2015. № 1 (1). С. 258–277.

¹⁰ ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 61. Л. 90.

¹¹ Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение, 1988. С. 40.

¹² Там же.

¹³ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2003. С. 187–188.

¹⁴ Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Айт десенъиз, айтайым. Бурын йырлар (Если просите, спую. Ногайские народные песни). Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1971. С. 29–32.

¹⁵ Там же. С. 27–28.

A.T. DZHUMAGULOVA

REFLECTION OF THE HISTORY NOGAI IN FOLKLORE

This article is intended to make the analysis and comparison of the Nogai historical folklore with real historical events from the life of the Nogais XVIII–XIX centuries, the example of the song «The corrupt nobleman», «Resettlement in Istanbul», «Song of the Muhajirs».

Keywords: nogai, folklore, relocation; muhajirs, historical epic.

А.М. Абаева
(г. Нальчик)

ПУТЕШЕСТВИЕ НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА КАРЛА ШТЮККЕРА В ЧЕРКЕСИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ НЕМЕЦКОГО ЖУРНАЛА XIX ВЕКА «DAS AUSLAND»)

Данное исследование посвящено истории написания Карлом Штюккером, офицером англо-немецкого легиона, очерка о Черкесии, ставшего результатом путешествия автора на Кавказ и изданного в Берлине в 1862 году. В статье приводятся материалы, опубликованные на страницах немецкого этнографического журнала «Das Ausland», оказавшего определенное влияние на формировании образа черкесов в мировоззрении европейцев. Делается вывод о важной роли немецкоязычных путешественников в развитии научного кавказоведения во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Великобритания, Кавказ, черкесы, культура и обычаи, историография.

Кавказ к началу XIX века становится своеобразным камнем преткновения в отношениях между Российской империей, Великобританией и Османской империей¹. В силу политической обстановки, которая сложилась на евразийском континенте, у западной общественности возникает потребность, постоянно быть в курсе событий, касающихся ситуации на Кавказе, а также населяющих его этносов.

Журнал «Das Ausland» («Зарубежные страны») стал одним из периодических изданий, на страницах которых нашли отражение события, развивающиеся на Кавказе в данный период. Энциклопедичность данного издания повышает его ценность в качестве источника для исследований в области истории и культуры. В журнале «Das Ausland» публикуется корреспонденция со всех континентов, доклады путешественников, географические и исторические новости, статистические отчеты о торговле и промышленности, обычаях и традициях, а также карты, планы и фотографии, в качестве литографического приложения². Так, в одном из номеров еженедельника «Das Ausland» от 1861 года выходит статья, посвященная отставному лейтенанту англо-немецкого легиона Карлу Штюккеру, посетившему Кавказ с целью создания в Черкесии регулярной армии. После окончания Крымской войны в 1859 году Карл Штюккер возвращается на родину, в город Билефельд, и описывает свои воспоминания в книге «Нравы и обычаи в Турции и Черкесии»³, которая издаётся в 1862 году в Берлине типографией Райнхольда Шлингманна⁴. Третья часть книги под названием «Черкесия» содержит ценные сведения о культуре и истории черкесов, собранные автором за время пребывания в кавказском регионе.

Ниже приводятся материалы статьи «Приключения немецкого офицера в Турции и Черкесии»⁵, опубликованной в журнале «Das Ausland», в выпуске № 46 от 10 ноября 1861 года:

«Карл Штюккер, коротко описавший нам свою полную приключений военную жизнь, родился в 1826 году в семье налогового контролера, оставил в 1850 году прусскую службу с тем, чтобы сражаться за Шлезвиг-Гольштейн в качестве унтер-офицера, и в это время, после определенного периода в Гамбурге 1855 года, вступил в состав англо-немецкого легиона, который, несмотря на свое название и, невзирая на все запреты, на треть состоял из французов. Когда весной 1856 года легион расположился в Константинополе, он оказался здесь так же некстати, как и горчица после мяса, так как уже велись мирные переговоры.

Германский легион снова отплыл в Англию, был там расформирован, а из оставшихся легионеров попытались создать «каплегион» под командованием Штуттерхайма, но не набрали всего 1500 человек.

Господин Штюккер, получивший отставку 15 октября 1856 года, 20 ноября снова отправился в Константинополь с рекомендательным письмом от лорда Пальмерстона, для того чтобы в звании Мирлам-Бей служить в организованной по европейскому образцу Омаром-Пашой жандармерии.

Когда Омар Паша, уставший от столкновений с ортодоксами, доверился жандармерии, Штюккер сблизился с несколькими представителями черкесской знати в Стамбуле. Он рассказал им о выгоде, которую они могут получить от регулярного обучения своей армии, и пообещал им помочь в создании собственной пехоты, которая смогла бы сформировать каре, способное противостоять русским кавалеристам. Так, благодаря содействию Высокой Порты, наш авантюрист, покинув Константинополь в сопровождении двух черкесских магнатов, 15 мая 1857 года начал обучать строевой подготовке армию Черкесии. Поездка от Трабзона до черкесского побережья была очень опасной, так как русские сторожевые корабли задерживали все, что двигалось мимо Анапы в сторону берега Черкесии, и если бы наш земляк попал в их руки, ему грозила бы ссылка в Сибирь. Но Штюккер успешно добрался до берегов Черкесии и был встречен вскоре военачальником западных горцев, Наибом Пашой. «Князь», как его называет путешественник, описал ему положение свободных кавказцев в следующих словах, при этом мы должны помнить, что под названием «черкесы» и «Черкесия» следует понимать собственно часть кавказской территории, прилегающей к Черному морю, и, что народом Шамиля были чеченцы. Наш автор был у «черкесов» в узком смысле слова, в то время как в некорректном языковом употреблении черкесами принято называть все свободные народы Кавказа. «Главой черкесов, как говорит Наиб Паша, является Шамиль, который, к несчастью страны, был так оцеплен русскими на горе Ведден, что не смог выбраться в настоящую Черкесию, расположенную у моря. Территорией, прилегающей к Анапе, руководил Сефер Паша, старый турок, ранее состоявший на турецкой службе, а перед Крымским походом отосланный Высокой

Портой в Черкесию. После начала войны он был отозван обратно, но не последовал этому приказу, а решил отказаться от статуса Паши турецкой армии и остаться на территории Анапы. Остальная Черкесия, а именно, область четырех редутов на берегу Черного моря, от Трубзы и до русской линии форпостов, на территории суши, находится под его личным господством. Он является урожденным арабом, назначенным на эту должность Шамилем, и проживает на этой земле на данный момент около 12 лет».

Военная деятельность инструктора, который приступил к работе под именем Ингис Паши и, чтобы оправдать ожидания черкесов, показывался время от времени перед ними в английском обмундировании, не является предметом нашего обсуждения, но мы остановимся на описаниях людей и их обычаев. В очень выгодном свете он изображает физические достоинства горцев. «Прекрасный рост и гордая осанка, которая бросается в глаза благодаря широкой груди, сильным плечам и тонкой талии и подчеркивает фигуру мужчины. Женщины отличаются преимущественно своими широкими и высокими бедрами; кроме этого, они очень гармонично сложены и бесспорно превосходят по красоте всех европейских женщин». Глаза черкесов, выгодно подчеркнутые четкими бровями, обычно голубые или карие; в них царит сильное чувство свободолюбия мужчины и душевность женщины. Цвет лица у одних имеет слегка желтоватый оттенок, а у других отсвечивает нежным румянцем». Женщины покрываются, лишь выходя из дому, а состоятельных дам всегда сопровождает слуга, но не кастрированный. Образ жизни черкесов, как у богатых, так и у бедных, достаточно похож. Летним утром около 4 или 5 часов у них основной прием пищи, то есть, они едят свежую вареную говядину, баранину или козлятину. Затем они наслаждаются свежим, сладким молоком (которое варится зимой), а в конце подается паста (пшеничная каша), которая используется у них вместо хлеба. До обеда они время от времени пьют густое молоко, затем снова едят пасту и к ней немного овечьего сыра. После полудня – всё то же самое, а вечером повторяется утренняя трапеза, к которой часто добавляется яичница и мясо птицы. К домашней челяди относятся иногда и русские пленные, которых держат как рабов для полевых работ. Штюккер встретил среди них бывшего русского капитана, потерпевшего кораблекрушение и захваченного на черкесском берегу. Он признавал, что не может пожаловаться на плохое отношение, работа распределена на каждый день, а он может после этого выделить для себя какое-то время. Совершить побег таким рабам очень тяжело. Если пленник убежит от своего господина, едва ли он перейдет следующее подворье, не угодив снова в руки другого черкеса. Последний может считать его своей собственностью и не обязан возвращать его прежнему владельцу. Необходимо отметить, что русские могут выкупить своих пленных у черкесов за 500 серебряных рублей за голову, но это происходит крайне редко.

Чисто черкесское приключение выпало на долю автора в одном из походов. «Мы постепенно приближались к русской крепости и к их лагерю. Мы въехали скоро в нашу вторую квартиру, хозяин

которой сделал мне очень смешное предложение. Моя красивая сабля понравилась ему настолько сильно, что он любой ценой решил забрать ее. Он попросил меня обменять ее на его саблю в кожаных ножнах. Когда я не захотел пойти на это он сказал: «У нас, у черкесов, нет золота. Ты не хочешь эту девчонку за свою саблю?» При этом он показал на свою дочь, которой было примерно двенадцать лет. Я, улыбаясь, ответил: «Да». Потом я спросил у Сулейман Бея, что имел ввиду этот человек, когда делал данное предложение, и получил в ответ, что он очень серьезен в своих намерениях, и что девочка очень обрадовалась поездке в Константинополь, куда я должен был ее, якобы, взять.» В Черкесии, как и вообще на Востоке, принято торговаться. Если в Черкесии мужчина хочет жениться и уже выбрал себе спутницу жизни, то он просто идет к ее отцу и спрашивает о ее цене, так как за каждую женщину нужно заплатить. А если у него нет средств для этого дела, то он упрощает процесс и привозит супругу к себе. Это происходит следующим образом: ночью он скачет со своими друзьями к усадьбе, где живет его возлюбленная. Так как женская половина семьи спит в отдельном доме, а здесь совершенно не предусмотрены определенные удобства в домах, и с этой целью каждый должен выйти для облегчения на воздух, и счастье само идет навстречу нашему тоскующему жениху. Он стоит и ждет, успокоив лающую собаку куском мяса, совершенно спокойно вблизи женского дома; часто бывает, что его горячо любимая девушка, не ожидая ничего, выбегает по какой-то необходимости на несколько минут из дома. Ее сразу же хватает вырвавшийся из засады почитатель, несет быстро к ожидающим его друзьям, сажает на лошадь и быстро увозит. Часто такая засада длится несколько месяцев. Когда родители узнают, куда их дочь на самом деле увезли, они жалуются князю на своего зятя – разбойника. Тот требует, чтобы парень уплатил как возмещение требующейся цены определенную сумму скотом и т.п. тестю и теще.

Если виновник не может или не хочет платить вовремя, он может попросить о продлении срока. Но если он открыто заявляет князю, что не хочет платить, его сажают как должника. Как правило, молодой муж пытается отодвинуть сроки оплаты до тех пор, пока жена не осчастливит его первенцем. В таком случае приходят родители, чтобы одарить ребенка, и об оплате за жену больше не может быть и речи. Девушку после такого похищения никогда не забирают домой по хорошей причине. Мнения девушки, естественно, ни при выкупе, ни при похищении, никто не спрашивал, к тому же, как легко догадаться, товар не давался в кредит. Если в назначенный день свадьбы жених не может заплатить всю сумму, то сделка отменяется. Очень легко даются черкешенкам роды благодаря их телосложению. Роженица опускается на колени в постели при приближении кризиса и наклоняет верхнюю часть туловища немного вперед, в то время как повитуха поглаживаниями по животу пытается освободить мать от бремени. Уже в тот самый день роженица совершает, как обычно, свои домашние обязанности.

Основной пищей является маис, который засевают просто в лунки без плуга или без особой подготовки почвы. Для посева ржи, напротив, почва предварительно разрыхляется лопатой. Из животных здесь разводят лошадей, коров, овец, коз, однако нет ни ослов, ни мулов. Дичь встречается крайне редко и только в высокогорьях.

5 июля 1858 года при наступлении русских черкесская пехота должна была показать, на что она способна. Как только казаки начали атаку, и Штюккер приказал сформировать четырехугольник, по нему был нанесен удар конным полком и началась кровавая бойня, во время которой он получил удар в голову и без памяти упал на землю. Наиб Паша со своим конным полком поспешил снова на помощь, с тем, чтобы вытеснить казаков. Штюккер лежал тяжелораненый, а когда он должен был пойти на поправку, у него началась лихорадка, которая вынудила его вернуться на родину. Испытав не раз опасность, и даже кораблекрушение, 4 декабря 1858 года он, наконец, добрался до своей родины.

Мы хотели бы напечатать еще одну из его историй, имеющих отношение к характеру ведения войны в горах Черкесии, о котором автор высказывается следующим образом: «Бесчисленные военные походы были предприняты русскими, и совершены все возможные попытки, чтобы завоевать Черкесию. Русским не занимать храбрости и выдержки, т.к. обоими качествами они обладают в полной мере. Но, врожденный военный талант черкесов, природное своеобразие местности, и часто сильная поддержка англичан и турок, обеспечивающих их боеприпасами и оружием, препятствовали любому покушению на их свободу. Черкесы избегают больших эшелонов и предпринимают набег только маленькими отрядами против русских. Впереди отряда обычно скачет командир, самый осмотрительный и ловкий черкес, и стоит во главе этого передового отряда. Конечно, слева и справа на большом расстоянии от этого отделения скачет фланговое прикрытие. В зависимости от особенностей местности, этот отряд тоже делится на окольных дорогах, а потом снова встречается. Соблюдается полная тишина, а командир управляет командой с помощью знаков. Так, например отряд устраивает привал, когда он подносит палец к губам. Если он кивает головой, они скачут прочь подальше от места нахождения. Если он показывает на землю, то команда выходит из боя. По ночам этот вид стрелковой дивизии еще сплоченнее и еще более внимателен. Предводитель скачет впереди, в сопровождении прикрытия. Пристальным взглядом он следит за малейшим движением ушей коня; ни один шорох не ускользнет от него. Как дикари в Америке, отряды прикрытия также прикладывают ухо к земле, чтобы услышать какой-нибудь шум вдали. Я сам наблюдал, что черкесы, таким образом, очень хорошо отличают по шагам различных животных. В звездную ночь здесь ориентируются по Полярной звезде, и по Большой и Малой медведице. По ближайшим созвездиям лагерь считает часы. А если небо затянуто тучами, командир такого патруля поднимается на возвышенность, прячет руку под мышкой, потом через некоторое время протягивает ее в воздухе. Там, где рука замерзла больше, с той стороны и будет для него север. А если густой туман препятствует их передвижению ночью,

и отряд перестает ориентироваться, они из кремня выбивают искры. Таким образом, они доходят незамеченными до центра вражеского лагеря. То, что они имеют преимущество в перестрелках, догадаться легко, и я убедился в этом на собственном опыте. Черкесы выкупают своих убитых, которых они не смогли унести с поля боя. Так как деньги, как было упомянуто не раз, не имеют здесь обращения, они платят затребованное русскими скотом. Парламентар, которому поручено это дело, издавдалека дает знак, размахивая белым платком. Если он подъезжает к посту, то он спешивается, снимает с коня узду, что бы тот мог пожевать траву, вынимает из ружья и пистолета пули и подает их подошедшему дозорному отряду. Потом его ведут с завязанными глазами в лагерь. Когда его поручение выполнено, он покидает лагерь с такими же церемониями. Естественно, для таких поручений выбирают в основном благородных и владеющих русским языком черкесов».

Несмотря на научную направленность данного периодического издания, основной его целью было отражение политических взглядов и идей, царивших в тот период в обществе. Мемуары и путевые заметки путешественников, посетивших, издавались ограниченным тиражом и, зачастую, были недоступны широкому кругу читателей. В связи с этим периодические издания играют важную роль в знакомстве европейской общественности с культурой и историей Кавказа.

Материалы европейских периодических изданий, содержащие сведения о кавказских этносах, наименее изучены по сравнению с мемуарами и отчетами путешественников. Следовательно, более детальный анализ материалов европейской периодической печати XIX века возможно поможет современным кавказоведам в будущем развенчать существующие и сегодня мифы о Кавказе, и доказать многие теории из истории этого уникального в этнографическом и географическом плане региона.

Примечания

¹ *Абаева А.М., Абаева А.М.* Немецкий этнографический журнал «Das Ausland» о народах Кавказа // История науки и техники. 2017. № 2. С. 36–41.

² *Das Ausland. Ein Tagblatt für Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker* // <https://www.degruyter.com/view/serial/35865>.

³ *Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании. Историографические и источниковедческие аспекты. Том 2.* Карл Штюккер. Нравы и обычаи в Турции и Черкесии. Переводчик Абаева А.М. // Нальчик, 2016. Издательский отдел КБИГИ. 170 с.

⁴ *Дзамихов К.Ф., Абаева А.М., Абаева А.М.* Карл Штюккер и вопросы историографии Кавказа первой половины XIX в. // История науки и техники. 2015. № 11. С. 39–43.

⁵ *Abenteuer eines deutschen Officiers in der Türkei und in Tscherkessien* // *Das Ausland. Ein Tagblatt für Kunde des geistigen und sittlichen Lebens der Völker.* Aufsburg: J.G. Cotta, 1861. № 46. S. 1096–1101.

A.M. ABAEVA

**TRAVEL OF GERMAN OFFICER CARL STÜCKER TO CIRCASSIA
(ON MATERIALS OF THE GERMAN MAGAZINE OF THE XIX-TH CENTURY
«DAS AUSLAND»)**

This research is devoted to story of writing by officer of the Anglo-German legion Carl Stücker of his sketch about Circassia, which has become result of a travel of the author to the Caucasus and was published in Berlin in 1862. In the article are given materials published on pages of the german ethnographic magazine «Das Ausland» which has exerted a certain impact on formation of an image of Circassians in outlook of europeans. The conclusion about an important role of german-speaking travelers in development of scientific Caucasus-studies in the second half of the XIX-th century is drawn.

Keywords: Russia, Ottoman Empire, Great Britain, Caucasus, Circassians, culture and customs, historiography.

М.А. Хакуашева
(г. Нальчик)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ КБР

В статье предпринята попытка осмысления современной ситуации, связанной с кризисом кабардинского и балкарского языков КБР. Концентрируется внимание на таких аспектах, как функционирование национальных языков в городе и селе, соотношение родных языков и семьи, проявление общественных инициатив, направленных на сохранение и развитие национальных языков КБР. Касается основных проблем общественно-политической ситуации, истории языка в контексте национальных культур, проблем современной языковой политики, которая во многом продолжает прежние тенденции, в том числе, деструктивные. Определенное место в статье занимает анализ современного феномена билингвизма, значение языка в системе языковой картины мира (ЯКМ).

Ключевые слова: национальные языки, билингвизм, поликультурализм, классификация ЮНЕСКО, языковая политика, история языка, языковая картина мира, коммуникативная функция, философия языка.

Современная ситуация. В советский период в Кабардино-Балкарской Республике постепенно сформировалась ситуация билингвизма в рамках двух титульных наций – кабардинской и балкарской, соответственно, билингвизм определяется сочетанием этих языков с русским: русского-кабардинского и русского-балкарского. Реальное содержание двуязычия в первую очередь отражает лингвокультурные и психологические ценности и ориентиры его носителя, а затем оно само влияет на них. Исходя из современной ситуации, билингвизм – это результат межкультурного взаимодействия различных культур народов, одна из форм адаптации иной или родственной языковой культуры.

Поскольку современный язык является составной частью любой национальной культуры, вписанной в условия глобализации, соответственно, «бикультурализм и билингвизм – весьма широко распространенные явления. Они встречаются на всех уровнях этнического и социального развития; более того, в той или иной степени своего проявления они неизбежны в зоне любой этнической границы, в рамках контакта двух разных языков и этносов... Билингвизм должен рассматриваться в более широких рамках общего явления бикультурализма, возникающего в ходе процессов этнической ассимиляции, аккультурации, консолидации или сближения, и тесно взаимосвязан с другими, внеязыковыми формами проявления того же феномена»¹. При этом С.А. Арутюнов отмечает, что «широкий, охватывающий более двух языков и культур

полилингвизм и поликультурализм – явление редкое, присущее чаще всего городским обществам мозаичного этнического состава»².

По мнению И. Хугаева, «явление двуязычия или многоязычия как результат языковых контактов, языкового взаимодействия, языковой интерференции и конвергенции неизменно присутствовало в разных регионах, у разных народов и в разные эпохи; но на современном этапе истории оно становится важнейшим геополитическим, социальным и культурным обстоятельством и актуальнейшей научной проблемой»³.

В настоящее время в мире насчитывается более десяти тысяч языков и диалектов, однако «около двух третей населения нашей планеты говорит на двадцати семи языках, и динамика распространения данного феномена в условиях глобализационных тенденций продолжает нарастать».

Естественно, что в наибольших масштабах билингвизм свойствен континентам и областям с высокой степенью международной интеграции и многонациональным государствам (РФ, США, Индия, Швейцария и др.); в них сложилась теория языковых контактов, изучающая внутрilingвистические аспекты языкового взаимодействия, и теория билингвизма-полилингвизма, исследующая его функциональные особенности».

С точки зрения коммуникативно-функционального качества правомерно фиксируются «три уровня билингвизма: рецептивный (понимание речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе), репродуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно производить прочитанное и услышанное) и продуктивный (умение не только понимать и воспроизводить, но и самостоятельно производить или «строить целые осмысленные высказывания»⁴.

Профессиональные лингвисты оценивают общую современную языковую ситуацию в КБР как неоднородную: «Хотя принят закон «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики», юридически закрепивший три государственных языка (кабардинский, балкарский, русский), сферы функционирования этих языков внутри республики различны, неадекватен их статус, а также социальная и коммуникативная база их применения. По широте использования выделяется русский язык, выполняющий также интегрирующую и консолидирующую функции»⁵. Русский – государственный язык Российской Федерации, исторически сложившийся как язык межнационального общения во всех регионах страны, этим объясняется его доминирование. Наряду с этим современная ситуация характеризуется возрождением национального самосознания и ростом интереса к родному языку. Появляется потребность в использовании резервов языка для обозначения новых понятий, явлений, считают авторы. Генезис любой национальной литературы, взятый в языковом аспекте, неотделим от вопросов происхождения, формирования и специфики ее билингвизма и транслингвизма.

В настоящее время в КБР переживается глубокий кризис, связанный с состоянием национальных языков – кабардинского и балкарского. По представлению Б.Х. Бгажнокова, языковой кризис непосредственно свя-

зан с кризисом этническим, поэтому эти явления следует рассматривать в совокупности и комплексно подходить к их решению⁶.

Подобная локальная ситуация отражает соответствующую общую тенденцию на Северном Кавказе и России в целом. Северокавказские языки объявлены ЮНЕСКО исчезающими (вымирающими). Но если исчезают национальные языки, можно ли с учетом этого обстоятельства серьезно обсуждать какие бы то ни было проблемы по соответствующим национальным литературам? «После исследования северокавказских языков эксперты ЮНЕСКО признали вымирающими адыгейский язык, кабардино-черкесский, карачаево-балкарский, ингушский, чеченский, абхазский, осетинский и ещё ряд языков, носители которых проживают на Кавказе» (Ольга Облогина, Екатерина Уварова. В ритме вымирания. Сколько языков может потерять Северный Кавказ?).

Между тем в республике созданы определенные условия по сохранению и развитию родных языков. В частности, к числу базовых структур, направленных на осуществление этой задачи, следует отнести диссертационные советы. Несмотря на их работу, а также существование кафедр национальных языков и литератур не было ни одной защиты на кабардинском или балкарском, в том числе, посвященных проблемам этих языков. В КБР эта реальная возможность до сих пор никогда не использовалась, (в отличие от Адыгеи, например). Существует красноречивая динамика сокращения мест для абитуриентов КБГУ по специальности «Кабардинский язык и литература»: 75 мест в 1970–80 годах, 38 мест – за 2012–2013 годы. Та же ситуация характерна и для абитуриентов по специальности «Балкарский язык и литература».

Последние наблюдения могли бы внушить оптимистические прогнозы в отношении родных языков, учитывая, что все чаще слышна кабардинская и балкарская речь. Однако это явление – прямое следствие усилившейся урбанизации, следствием которой является небывалый приток сельской молодежи в город, что в первую очередь связано с учебой в средних и высших учебных заведениях города, а также с отсутствием рабочих мест в селах.

Кажется, родной язык жив до тех пор, пока существуют анклавные села. Однако так ли неопровержима эта установка? На самом деле в анклавах находит распространение лишь бытовая речь, но не литературная. В результате общественного форума (март 2014 г.) с участием научной, творческой интеллигенции были подведены неутешительные выводы: в республике отмечен глубокий кризис литературного языка. Например, в Союзе Писателей КБР самым молодым членом является 40-летний поэт. Ежегодный республиканский конкурс по литературному творчеству на кабардинском языке не выявил ни одного прозаика за декабрь 2012 года.

Без литературного любой язык обречен на деградацию. Это означает, что на данном этапе невозможно говорить о полноценном функционировании кабардинского и балкарского языков даже в селах. Большинство молодых людей от 17 до 30 лет не читают, не слушают радио на родных языках, не посещают национальных театров. Современная

молодежь, как известно, находит информацию преимущественно в компьютерах и гаджетах, которая транслируется в основном на русском языке. В городе отмечается незнание или плохое знание родного языка и удовлетворительное знание русского, в селах — знание родного языка на уровне бытового и в целом неудовлетворительное знание русского. Таким образом, для города и села потребуется разная методика обучения: в селах — с усиленным изучением русского языка, в городе — с усиленным изучением родного.

Обозначенные нами деструктивные тенденции со временем лишь усугубляются.

Язык и семья. ЮНЕСКО (Курьер ЮНЕСКО. Август 1983) предлагает классификацию «групп риска», которая отражает три состояния языковой ситуации в семье, когда родной язык расценивается:

1. «под угрозой исчезновения»; к этой группе относятся семьи, в которых дети не изучают язык в домашних условиях в качестве родного языка;

2. во вторую группу входят семьи, в которых дедушки, бабушки говорят на языке, родители детей понимают язык, но не общаются на нем между собой и со своими детьми. Это критерий нахождения языка «в серьезной опасности»;

3. «к третьей группе относятся семьи, в которых носителями языка являются только представители старшего поколения. Это критерий состояния языка «на грани исчезновения».

В республике тесно сосуществуют группы риска всех трех категорий. В общественном сознании укоренено представление о ведущей роли семьи в сохранении языка. Однако в настоящее время вряд ли можно говорить о городской семье, которая может обеспечить должный уровень языковой практики: среди горожан очень невелик процент полноценных носителей родного языка, и эта ситуация стремительно усугубляется. Каким же образом в городской семье, в которой нет полноценных носителей родного языка, может осуществляться обучение родному языку? Причиной такой драматической картины служат объективные закономерности, которые сами являются результатом несостоятельной языковой системы и языковой политики.

Разумеется, мы не склонны снимать ответственность с семьи, которая может значительно изменить частную языковую ситуацию. Но насколько значима доля участия родителей, слабо знающих родной язык, которые отдают маленького ребенка в русскоязычную среду детского сада, школы (не считая трех часов родного языка в неделю)? Вряд ли можно серьезно рассчитывать на достаточное знание родного языка, погружая ребенка в русскоязычную среду всех форм СМИ, включая интернет, в условиях отсутствия школьного выпускного экзамена, родных языков в системе делопроизводства и т.д. и т.п. Ситуация оказывается еще более тяжелой, если работают оба родителя и возможность общаться с ребенком предоставляется только вечером. Семья в какой-то степени влияет на языковую ситуацию, но не может определять ее в целом.

Семья — социальная структура, которая наиболее чутко реагирует на особенности функционирования этой системы, общей и языковой

политики (как ее важной части), но никак не наоборот. Это подтверждается общей картиной объективно усиливающейся языковой деградации, жертвами которой стали и продолжают становиться преимущественно поколения горожан. В результате несостоятельной языковой политики в городе почти не осталось носителей родных языков; и дело вовсе не в отсутствии «патриотизма» городских жителей, – довод, который приводится некоторыми представителями властных структур и который якобы может объяснить причину общего нивелирования родных языков.

Даже при наличии объективных социальных опросов и разработок по этой проблеме могут возникнуть сложности в отношении их репрезентативности, так как большая часть городской молодежи выезжает за пределы республики, пополняя растущий поток внутренней миграции. Как правило, наши мигранты не возвращаются: они становятся частью русскоязычного населения России или иноязычными гражданами в зависимости от соответствующей страны проживания.

Распространенное мнение, в основе которого лежит представление о семье как основном объекте, отвечающем за сохранение языка, подменяет объективную картину, снимает ответственность с государства.

Общественные инициативы последних лет. Ведущие лингвисты-кавказоведы определяют 25–50 лет существованию национальных языков. Хорошо понимая драматизм ситуации, представителями общественности КБР был предпринят целый комплекс мер: проведено несколько круглых столов по прояснению, оптимизации «Закона об образовании» и «Закона о языках». Было внесено около 80 поправок. Но во втором и третьем чтении представители Парламента КБР оставили «Закон об образовании» практически без изменений: снова было принято изучение родного языка как предмета 2–3 часа в неделю. В ответ на это было добровольно собрано более трех с половиной тысяч подписей.

Однако широкое общественное движение, связанное с необходимостью языковой реформы, не оказало никакого реального воздействия: был подписан новый «Закон о языках», который предполагает примерно тот же несостоятельный вариант, который длился 50 лет. При формальном «содействии» в принятии решений по «Закону о языках» общественные инициативы на самом деле не были учтены.

Из истории. В нашем новом, изменившемся мире современная языковая политика берет свое начало из глубины веков. После окончания Русско-Кавказской войны уже на ранних этапах реформирования системы образования в прогрессивных кругах царило представление о необходимости билингвального образования для адыгских и русских детей. В предисловии известного труда «История адыгейского народа», который был закончен за год до смерти автора, выдающегося адыгского просветителя Шоры Ногмова (1796–1844), он призывал к созданию народной (не элитарно-сословной) школы, с преподаванием на двух языках: русском и адыгском. Кавказские просветители были уверены в том, что горские дети должны обучаться на родном языке и, по возможности, вместе с русскими детьми. Эту идею поддерживал наместник Кавказа М.С. Воронцов: «делом первой важности края является непременно

ное и безусловное обучение всех русских учащихся, по крайней мере, одному из туземных языков»⁸.

Следует отметить, что подобная прогрессивная позиция и сегодня имеет своих сторонников. Бывший председатель правительства КБР А.В. Ярин (с 2006 по 2009 г., с октября 2016 года – Начальник Управления Президента России по внутренней политике), считая необходимым знать государственные региональные языки, активно изучал кабардинский и балкарский.

Однако в соответствии с колониальной идейно-политической стратегией, одним из принципов которой являлась русификация, начался кризис национальных языков. Уже в 1775 году Екатерине II было направлено «Представление астраханского губернатора П. Кречетникова о Малой Кабарде, с изложением его мнения о политике по освоению этого края»⁹ [7], в котором были широко освещены вопросы о методах кавказской политики царского правительства. Этот глубоко продуманный документ предусматривал комплексную ассимиляцию через христианизацию, смешанные браки, совместные поселения кавказцев и казаков, казачью колонизацию, развитие торговли. Наряду с этим предусматривалась ассимиляция через устройство школ, с тем чтобы детей «склонять ко обучению российской грамоте».

Подобные методы практиковались на всех этапах становления российской и советской империй. Достаточно вспомнить, например, известную полемику кабардинского просветителя Кази Атажукина против насильственной русификаторской политики Маркова в начале XX века. Другой видный адыгский просветитель С. Сиюхов на протяжении всей жизни был вынужден отстаивать права на изучение родного языка. Безошибочно определив политическую тенденцию, классик кабардинской литературы Али Шогенцуков восклицал, отстаивая элементарные права на знание родного языка: «Даже птицы имеют свой язык!»

Политика развитого социализма периода 60–80 годов XX столетия никак не способствовала сохранению и развитию этнического элемента во всей своей совокупности: на фоне подъема общего жизненного уровня советская модернизация, урбанизация и ассимиляция достаточно стремительно стирали признаки национальной идентичности, в первую очередь, языковые. Первый секретарь Обкома Партии КБАССР Т.К. Мальбахов публично признавался: «Я занимаюсь статистикой, сколько... смешанных браков в Кабардино-Балкарии. Уже счет на две тысячи, счет продолжается, и браки продолжают. Так что счет, видимо, не остановится. Это свидетельство того, что кончились национальные и религиозные предрассудки. Надо всем этим пережиткам положить конец»¹⁰.

Необходимо отметить, что не только качества лидера и высокий профессиональный уровень открывали путь во власть, но и проявление лояльности по отношению к официальной политической идеологии, – этот принцип соблюдался на всех этапах развития Российской и Советской империй. При этом важно подчеркнуть, что при самом разнообразном веере политических и властных риторик, «ядро» их неизменно содержало классический имперский комплекс во всей своей совокупности.

Позднее, освобождаясь от поста первого секретаря, Тимбора Кубатиевич с тревогой и горечью писал о родном языке: «Если мы сами не будем чтить свой собственный язык, свой собственный народ, а его национальность сейчас выражается только языком и словом, зачем нам говорить тогда о национальном искусстве, о национальной культуре, зачем издавать столько национальной литературы? Для кого?.. Тогда давайте преобразуем Кабардино-Балкарскую АССР в Нальчикскую область...» [13].

В 1961 года волевым решением Н.С. Хрущевым был подписан закон по реформированию программы обучения родным языкам. В то время, учитывая наличие естественной языковой среды, никто не выдвигал альтернативного, щадящего метода обучения русскому языку. По сути, это была тотальная принудительная реформа, связанная с переходом обучения кабардинских и балкарских детей начальной школы на русский язык. С тех пор школьники изучали кабардинский и балкарский языки как предмет, вместо того, чтобы изучать школьные предметы на родных языках хотя бы до 5 класса по прежней, оправдавшей себя методике.

Представляется весьма странным, что акции по сохранению и развитию родных языков на разных уровнях сопровождаются риторикой, связанной с порицанием «радикальных мер», «принуждения» к изучению родных языков. Это удивляет тем более, что объективная историческая картина носит прямо противоположный характер для всех российских национальных регионов и республик. В связи с этим показательным является выступление А. Хузангай «Восстановить культурно-исторический контекст» на круглом столе «Национальные культуры и межнациональные отношения», организованном журналом «Вопросы литературы»: «Наследие, которое мы сейчас имеем в Чувашии, то, что было осмыслено чувашским литературоведением, – это, конечно, наследие в его усеченном, деформированном виде, и потому так важно думать о «реставрации прошлого» и тех «языков культуры», которые мы утратили. Может быть, эти утраты уже невозможны, хотя и не хочется быть пессимистом»¹¹.

В своем выступлении со знаковым названием «Национальная культура нуждается в защите» С. Абдулло коснулся идеи единого общего языка, которая одно время владела умунастроениями гуманитарной интеллигенции. В связи с этим выдвигалась идея «слияния культур и... ассимиляции народов. Не случайно, по-видимому, возникла и идея «всеобщего языка». Согласно распространенному мнению, языки исчезнут, и человечество в конце концов придет к одному, единому для всех языку...»¹². Время доказало утопический характер этой идеи, но она в свое время являлась культовой и для передовых представителей адыгской интеллигенции, например, по некоторым сведениям, языком эсперанто владел классик кабардинской литературы А.А. Шогенцуков. С. Абдулло, артикулируя проблему возникновения аномальных культурных связей, связанных с элементами насильственной политики, пишет: «Между историей, культурой и природой существуют глубинные причинно-следственные связи. Когда нарушается диалектика этих свя-

зей, то происходят аномалии в развитии любой национальной культуры, непременным условием естественного, нормального развития которой является отсутствие диктата, нажима, силовых методов в управлении, искусственных преград»¹³.

Некоторые общественно-политические тенденции. В наши дни министр культуры «Владимир Мединский призвал пренебречь региональными языками в пользу русского»¹⁴. Ранее, в июле 2011 года президентским указом он был введён в состав правления фонда «Русский мир», занятого популяризацией русского языка и культуры, а также поддержкой программ изучения русского языка в других странах.

Примерно в то же время Председатель комитета гос. Думы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев неожиданно опубликовал статью «Русский как родной»¹⁵, чем немало обескуражил граждан надуманностью этой идеи: в пределах РФ все независимо от национальной принадлежности и так хорошо знают русский язык. Тем не менее, в основе статьи лежал тезис, который позволял русский язык признавать родным для представителей нерусских национальностей. Так, башкир или якут могут по желанию обозначить русский как свой родной язык. При всей абсурдности заявления депутата его идея в то время казалась безобидной, особенно на фоне долгого медленного угасания национальных языков РФ... Ведь в результате соответствующей управляемой языковой политики доведенные порой до крайней деградации родные языки оказываются тяжелыми для усвоения собственными носителями. Тем более, если речь идет о будущих абитуриентах, которым нужен высокий балл в аттестате. И услужливо поданная «гуманная» идея оказывается весьма кстати.

Концепции Мединского и Сафаралиева оказались «пробным камнем» в воплощении далеко идущей политической стратегии.

В конце прошлого года (27.11.2017) предложение Сафаралиева столь же неожиданно продолжил директор Института этнологии и антропологии, главный фигурант, призванный защищать интересы народов самой многонациональной страны мира. Валерий Александрович Тишков писал, что существует острая необходимость в «политическом языке нации», поэтому совершенно естественно, если родным языком избирается не этнический, а русский, который и есть «язык политической нации»¹⁶.

Мы коснемся лишь последней фразы статьи, которая маркирует общую идею, – она не оставляет никаких сомнений в отношении конечной цели высокой директивы и снимает необходимость ссылаться на политический язык нации: *«Полный переход на русский язык и забывание этнического языка – это жизненная реальность и результат, как правило, личного выбора, который следует признавать и не трактовать негативно, ибо если есть право на сохранение языка, то должно быть и право на его забывание и на языковой переход».*

Даже нам, представителям филологических наук, хорошо известно, что «забывание этнического языка» никогда не было результатом «добровольного», «личного выбора», – это всегда только жестко детерминированная необходимость, которая имеет место в колониальном

пространстве империй с авторитарно-тоталитарным типом правления. Полное недоумение вызывает софизм: «если есть право на сохранение языка, то должно быть и право на его забывание и на языковой переход». Стоит ли доказывать, что забвение не только русского, но любого другого родного языка – большая национальная трагедия, народный апокалипсис, болезненный для всех представителей народа. Большинство он переживает больше на подсознательном уровне, но более ясно осознается пассионариями и национальными лидерами, которые особенно остро чувствуют личную и общественную ответственность перед тысячелетиями формирования и становления народной истории, ее героических периодов, перед памятью бесчисленных предков, проливавших за нее кровь и отдававших жизни, за сохранение своих языков и уникальных древних культур.

Национальный кризис особенно тяжел для северокавказских народов, поскольку он переживается про себя, без аффектации. В контексте понимания интроверсии кавказцев (особенно черкесов) как общей этической нормы предлагаемая риторика и сам языковой курс кажутся особенно циничными и аморальными.

Наконец, почти параллельно заявлению Тишкова президент РФ В.В. Путин на заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле высказался против практики принудительного обучения неродным языкам, – принцип, который выглядел вполне демократично. Высказывание было незамедлительно спущено во все регионы как руководство к действию. Его хорошо ощутили и в КБР.

Что же все это означает в реальности? Допустим, башкир выбирает русский как родной. В этом случае, используя предшествующие установки Г. Сафаралиева, В. Тишкова и прочих, язык матери проходит уже как неродной, и башкирский школьник имеет полное право добровольно отказаться от изучения «неродного» башкирского.

Таким образом, мы не можем не признать наличие удивительно продуманной политической конструкции, которая претворяется неуклонно и последовательно.

На очередной декабрьской пресс-конференции 2017 года в своем выступлении В.В. Путин сказал: «У нас огромное разнообразие национальных языков, это наша гордость и наше богатство... Я хочу подчеркнуть... мы ничего не будем навязывать в этой сфере. Это вредно и опасно для единства Российской Федерации, потому что любой народ должен выбрать сам такую форму сосуществования с другими народами России, которую он считает наиболее приемлемой и оптимальной. Никаких государственных планов по укрупнению и слиянию нет и быть не может. Во всяком случае, пока я президент, этого не будет»¹⁷. Мы полностью разделяем это мнение. Однако накануне новых президентских выборов в самой многонациональной стране мира трудно было предложить курс языковой политики более непопулярный, чем реально предложенный. Кем и почему он был разработан и лоббирован – для нас подобные вопросы остаются, разумеется, гипотетическими. Но совершенно ясно одно: новый языковой курс идет вразрез не только интересам всех наций и народов РФ, но и самого Президента.

Безусловно, в период культурного кризиса и общей затяжной стагнации следует отметить деструктивные моменты в функционировании современного русского языка, которые кажутся закономерными в контексте общей ситуации. «Новый период «искажения и уродования» языка, характеризующийся двумя мощными атакующими волнами: заимствованиями и активизацией собственной лексики сниженного регистра, – начался еще до распада СССР. Последние два десятилетия XX века выплеснули на страницы газет и книг сленг и мат. Языковой показатель русской литературы в постсоветское время стал одним из первых новых приемов, сыгравших одновременно положительную (привлек молодого читателя) и отрицательную роль (оттолкнул читателей со стажем)... «Новый язык» органично перешел с улицы в литературу... Сегодня в русской культуре сливаются два разнонаправленных процесса: усвоение и адаптация западного мышления и в то же время – переоценка созданного под влиянием этого мышления и стремление очиститься от навязчивого культурного материала»¹⁸. Между тем, речь идет лишь об особенностях текущего момента языкового функционирования, угроза утраты языка не может стоять перед 120-миллионным русским населением России с его абсолютным приоритетом использования, который звучит на пространстве 1/6 части Земли. Мы вынуждены согласиться с представителями Татарстана, которые считают проблему надуманной.

Таким образом, и в наши дни мы сталкиваемся с элементами прежней колонизаторской языковой политики, которая в большей или меньшей степени являлась частью общего политического курса с начала экспансии Северного Кавказа. К сожалению, уязвимость и хрупкость родного языка становится для современников очевидной именно в связи с этой тяжелой формой зависимости от не оправдавшей себя политики метрополии.

Примерно так же не оправдала себя американская теория «плавильного котла». И ныне американцы – потомки иммигрантов из Европы стремятся узнать свою этническую или национальную принадлежность. У народов России противоположная ситуация по сравнению с американской: они проживают на исторической родине. Потребность в культурной, значит, этнической самоидентификации является врожденной, экзистенциальной, каждому необходимо знать свои корни, помнить национальные традиции, культуру, язык.

Прогнозы. Мы не можем не задаваться вопросами о судьбе языков и этносов вообще, проецируя их на широкий онтологический аспект: может быть, это естественный процесс постепенного нивелирования языков, шире – любого этноса, и не стоит продлевать естественно угасающую жизнь древней нации, пришедшей к своему естественному завершению? Размышляя над этой проблемой, мы задали вопрос зав. отделом Кавказа Института этнологии и антропологии С.А. Арутюнову: «Можно ли применить цивилизационную модель О. Шпенглера к этносу? Существует ли закон естественного умирания этносов, который также эволюционно детерминирован, как закон умирания цивилизаций?» С.А. Арутюнов сравнил этнос со змеей, которая регулярно меня-

ет собственную кожу: старая кожа – образ цивилизации, а бессмертная змея – образ этноса.

Лучшие представители мировой литературы посвящали самые взволнованные строки родному языку. Не случайно его красоту и величие наряду с классиками русской литературы – А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, воспевали Кайсын Кулиев (в частности, поэме «Гимн материнскому языку»), Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Давид Кутультинов и многие, многие другие, – все известные поэты современности. «Язык – душа народа», – повторяется как рефрен во все времена в каждом народе поэтами, крупными прогрессивными деятелями и простыми людьми.

М. Хайдеггер определял язык как «дом бытия»¹⁹.

Наряду с серьезной угрозой деградации национальных языков мы сталкиваемся с необходимостью введения новых терминов во всех областях знаний, общественных сферах, искусстве и литературе. «Коренные изменения в нашем обществе порождают невиданные до сих пор социо- и демо-лингвистические перемены, исключительно активно влияющие на языковую ситуацию. Стремительность изменений в перестроечный и последующие периоды обусловила необходимость использования заимствованной терминологии: бизнес, дивиденд, транш, инвестор и другие»²⁰. Таким образом, объективные закономерности повлияли на формирование крайностей другого рода – языкового пуризма. Между тем «развитие и обогащение кабардинского языка идет в значительной степени под влиянием русского языка. И это считается нормальным явлением. В некоторых языках количество заимствований достигает до 80% всей лексики (английский, русский, турецкий, персидский)»²¹.

Явлений языкового пуризма касался В. Белинский, анализируя понятие «прогресс». Ересью или расколом в ортодоксии родного языка называли заимствования: «Некоторые из старых писателей, не любя современной русской литературы (потому что она их далеко обошла) прикрываются пуризмом и твердят беспрестанно, что в наше время прекрасный русский язык всячески искажается и уродуется, особенно введением в него иностранных слов... Если бы употребление в русском языке иностранных слов и было злом, – оно зло необходимое, корень которого глубоко лежит в реформе Петра Великого, познакомившей нас со множеством до того совершенно чуждых нам понятий, для выражения которых у нас не было своих слов»²².

Язык осуществляет не только вербальную и коммуникативную функции. Это – уникальный образ мыслей, чувств, неповторимое видение мира, философия, фольклор. Наряду с героической античной, индоевропейской мифологиями, кавказская может быть отнесена по определению У.Б. Далгат к «развитым, рационалистическим, глубоко философским»²³.

Мировые культуры можно условно разделить на два типа: *1-й тип*, когда философия как таковая вычленяется из общекультурного контекста, превращаясь в ту или иную философскую концепцию, в этом случае она, как правило, результат индивидуальной творческой мысли. Иногда она легитимизируется, принимается на уровне коллективного

сознания (как правило, элитарного) и становится частью национальной культуры. К 1-му типу относятся, например, античная греческая философия, немецкая классическая, индийская философии и др.

2-й тип: философия остается вплетенной в ткань народного культурного контекста. И тогда носителем метафизического или философского начала становятся мифология, фольклор и пр. Философия, растворенная в устной народной традиции, артикулируется через язык и носит сугубо народный характер. К таким культурам относится философия народов Кавказа, в частности адыгов.

Однако такая синкретическая философия остается заключенной не только в фольклоре, но и в собственно языке. Достаточно часто этимология выводит нас на метафорическое осмысление, а метафора в свою очередь являет собой философский символ или часть метафизического представления. Подвергая слова этимологической редукции, мы приходим к первоначальному смыслу, и его семантика оказывается, как правило, сакральной. В языке заложены основы философии, религии и других культурных концептов в их нерасторжимом единстве.

В настоящее время филологи говорят о принципиальной непереводимости стихов (особенно их) с одного языка на другой, так как это – неповторимый ассоциативный художественный ряд. Стихи – производные языка, которые проистекают из уникальной *языковой картины мира* (ЯКМ). Именно этническая культура в контексте проблем глобализации является многофункциональной системой межкультурного взаимодействия и формирования языковой картины мира. Языковая принадлежность – не простое механическое носительство, а уникальная, присущая только данному этносу языковая картина мира, которая может существовать только у носителей данного языка.

Кажется закономерным, что языковая полифония и множество народов – отражение универсального закона эволюции, основой которого является многообразие. Последнее – залог выживания и стабильности человечества в целом, а национальный тип сознания – неоценимый дар эволюции, сформированный тысячелетиями.

Сегодня представители научной и творческой интеллигенции, общественные деятели северокавказских республик сталкиваются с неким идеологическим парадоксом: имея полноценное конституционное право знать родной язык, мы не можем реализовать его в действительности. Кажется, все очевидно: долгий эксперимент оказался несостоятельным, он не дает адекватного знания родных языков, мы оказались перед реальной угрозой их полного исчезновения. Следствием этого «эксперимента» явятся окончательный упадок национального языка, литературы, культуры в целом, наконец, национальной идентичности, а позже – упразднение статуса государственной национальной республики.

Если еще недавно бездействие можно было объяснить непониманием, недомыслием, то сейчас официальный статус ЮНЕСКО в отношении языков, многочисленные общественные инициативы совершенно прояснили ситуацию. Ныне можно уже говорить о том, что проблема лежит не в сфере ее осознания, не в юридической плоскости, а в некоей

анонимной политической воле, игнорирующей необходимость знания родных языков.

Между тем существует, языковая политика является важной частью общей политики государства. Можно привести множество примеров, когда с помощью верной языковой политики государства и твердой политической воли удалось восстановить почти исчезнувший язык. На Гавайских островах в 80-х годах XX века родной язык знали около 800 человек, но благодаря правительственной программе численность носителей языка ныне возросла до 10 тысяч человек. Этот тезис хорошо иллюстрируется и на примере языковой политики Израиля. После возникновения государства в мае 1948 года иврит был практически мертвым языком. Но политическая воля правительства способствовала мобилизации всех имеющихся ресурсов, – были изданы учебники, тщательно разработаны методы освоения языка на всех уровнях. Постепенно мертвый, сложный язык возродился, в настоящее время им владеет все население Израиля.

Говоря о непосредственной тесной связи национальной культуры с родным языком, В.И. Абаев подчеркивал: «Эта зависимость становится еще более очевидной ввиду того, что язык есть идеология народа, и он не в последнюю очередь ценен и дорог своей этнодемаркационной функцией»²⁴.

Филологам советской школы повезло принадлежать к поколениям, которые сформировались в атмосфере значительного влияния классической русской литературы и неформального изучения русского языка. Мы хорошо понимаем необходимость глубокого всестороннего изучения русского языка и литературы. Ведь доступ к любому виду международной информации, мировой литературе открыт через русский язык. На русском языке осуществляется процесс образования в вузах РФ. Мы поставлены в объективные условия, которые обрекают нас на необходимость знания русского и родного языков. «Обрекают» в хорошем смысле: ведь билингвы – это не только люди, свободно владеющие двумя языками, они имеют ключи в миры уникальных, богатых культур, к которым можно приобщиться только через глубокое знание соответствующих языков.

Национальные языки и культуры народов России – сокровищница, заключающая в себе огромный духовный потенциал, еще нераскрытый и по достоинству не оцененный.

Примечания

¹ Арутюнов С.А. «Силуэты этничности на цивилизационном фоне». М., 2012. С. 203.

² Там же.

³ Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. С. 28.

⁴ *Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969. С. 134.

⁵ *Таов Х.Т., Таова А.Х.* Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы международной научно-практической конференции 27–28 мая 2009. Махачкала, 2009. С. 410.

⁶ *Бгажноков Б.Х., Шогенов А.А.* Кризис национальных языков России // Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара. Элиста, республика Калмыкия, РФ. 10–16 мая 1999 г. С. 101–109.

⁷ *Ольга Облогина, Екатерина Уварова.* В ритме вымирания. Сколько языков может потерять Северный Кавказ? // <http://www.stav.aif.ru/>.

⁸ <http://cheloveknauka.com/bilingvizm-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty#ixzz4i09VmgnR>.

⁹ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVI/Russ_Kab_otn_2/201-220/220.htm.

¹⁰ *Тимбора Мальбахов.* Он сам. Знаменитые блокноты. Нальчик, 2004. С. 98.

¹¹ *Хузангай А.* Восстановить культурно-исторический контекст. Круглый стол «Национальные культуры и межнациональные отношения» // Вопросы Лит. М., 1989. № 10. С. 3.

¹² *Абдулло С.* «Национальная культура нуждается в защите» // «Круглый стол»: национальные культуры и межнациональные отношения (Вопросы Лит. М., 1989. № 10).

¹³ Там же.

¹⁴ rusmonitor.com/medinskijj...regionalnymi-yazykami-v.

¹⁵ <https://interaffairs.ru/news/show/14442>.

¹⁶ <https://iz.ru/673152/valerii-tishkov/iazyk-politicheskoi-natcii>.

¹⁷ kremlin.ru/d/56378.

¹⁸ *Калита И.В.* «Дело о новом реализме». // Вопросы литературы. М., 2015. Ноябрь-декабрь. С. 139.

¹⁹ filosofiya.odn.org.ua/74.htm.

²⁰ *Таов Х.Т., Таова А.Х.* Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия. Материалы международной научно-практической конференции 27–28 мая 2009. Махачкала, 2009. С. 412.

²¹ *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. О классиках русской литературы. Минск: Наука и техника, 1976. С. 424–425.

²² Там же.

²³ *Далгат У.Б.* Литература и фольклор. М., 1981. С. 77.

²⁴ *Абаев В.И.* Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка. // Избранные труды: в 4 т. Владикавказ, 1995. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. С. 18.

М.А. НАКУАШЕВА

ON SOME ASPECTS OF THE CURRENT CRISIS NATIONAL LANGUAGES KBR

The article attempts to make a general analysis of the current situation related to the crisis of the Kabardian and Balkar languages of the CBD. The author focuses on such aspects as the functioning of national languages in the city and village, the correlation of native languages and families, the manifestation of public initiatives aimed at preserving and developing the national languages of the CBD, concerns the main problems of the socio-political situation, the history of the language in the context of national cultures, the main problems of modern language policy, which largely continues the previous trends, includ-

ing, destructive. A definite place in the article is occupied by the analysis of the modern phenomenon of bilingualism, the significance of language in the system of the language picture of the world (JKM).

Keywords: national languages, bilingualism, multiculturalism, UNESCO classification, language policy, language history, language picture of the world, communicative function, language philosophy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, заведующий сектором древней истории и археологии КБИГИ, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки КБР (Нальчик).

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Бурков Сергей Борисович, старший научный сотрудник отдела археологии ГБУ «Институт истории и археологии РСО-Алания».

Место работы: 362025 Государственное Бюджетное Учреждение (ГБУ) "Институт истории и археологии РСО-А" г. Владикавказ ул. Ватутина, 46.

Почтовый адрес: 357736 РФ, Ставропольский край, г. Кисловодск, ул. А. Губина, дом № 46, кв. 42

Тел.: 8 9280988042; 8 9888393473

E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Новичихин Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Анапского археологического музея.

353440 Анапа, ул. Набережная, 4. Анапский археологический музей

Тел.: 8(86133)46962

E-mail: yazamat03@mail.ru

Прокопенко Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1. ФГАОУВПО Северо-Кавказский федеральный университет

Тел.8-928-650-35-26

E-mail: z_proko_15@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, старший научный сотрудник сектора древней истории и археологии КБИГИ, кандидат исторических наук, доцент.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: kbigi@mail.ru

Шаов Азамат Русланович, аспирант сектора этнологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: shaovazamat88@mail.ru

Озова Фатима Анатольевна, к.и.н., доцент. Карачаево-Черкесский ордена «Знак почета» институт гуманитарных исследований при правительстве КЧР. В.н.с. отдела истории и археологии народов КЧР.

369000, КЧР, г. Черкесск, ул. Горького, 1 «А»

E-mail: fo7799@rambler.ru

Остахов Анзор Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель истории и обществознания МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №5».

184621, пгт. Сафоново-1, ЗАТО Североморск, Мурманская обл., ул. Панина 11А

Тел. +7 (81537) 4-87-38

E-mail: shkola5_s1@mail.ru

Джумагулова Айгуль Темерхановна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, права и общественных дисциплин ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» филиал в г. Ессентуки.

357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Долина Роз, д. 7

Тел.: +7(928) 350-81-99

E-mail: aigul-men@mail.ru

Абаева Асият Мусаевна, Институт гуманитарных исследований, филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик). Младший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории.

360000 КБР, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел.: 8 928 7094717

E-mail: asiatg@mail.ru

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы ИГИ КБНЦ РАН.

360015, г. Нальчик, Пушкина 18

тел. 8 905 436 11 17

E-mail: dinaarma@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head sector of the ancient history and archeology of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin street. Nalchik. 360000

Ph. 8 (8662) 42-19-26

E-mail: kbigi@mail.ru

Burkov Sergey Borisovich, senior researcher of the Department of archaeology GBU «Institute of history and archaeology, North Ossetia-Alania».

Affiliation: 362025 State Budgetary Establishment (GBU) «Institute of history and archaeology of North Ossetia-Alania», Vladikavkaz, Vatutina St., 46. Postal address: A. Gubina str., Kislovodsk, Stavropol region, Russia, 357736, building 46, apt 42.

Phone: 8 9280988042; 8 9888393473

E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru

Novichikhin Andrey Mikhailovich, candidate of historical sciences, alternate director on the scientific work of the Anapa archaeological Museum.

Naberegnaya Str. 4. Anapa, 353440. Anapa archaeological Museum

Ph. 8(86133)46962

E-mail: yazamat03@mail.ru

Prokopenko Yuriy Anatolyevich, Doctor of historical sciences, professor of Department of Social Philosophy and Ethnology of North-Caucasus Federal University.

1 Pushkin Street. Stavropol. 355009

Тел. 8-928- 911-28-36

E-mail: z_proko_15@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, assistant professor, senior researcher of the ancient history and archeology sector of the Federal State Budget Scientific Institution «Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Researches».

18 Pushkin Street. Nalchik. 360000

Ph. 8 (8662) 42-42-74 E-mail: kbigi@mail.ru

Shaov Azamat Ruslanovich, graduate student of sector Ethnology of the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street Nalchik 360000

Ph. 8 (8662) 42-42-74

E-mail: shaovazamat88@mail.ru

Ozova Fatima Anatolevna, Candidate of History; associate professor; national research worker of Department of History and Archeology of Karachay-Cherkessia peoples attached to the awarded by order " Sign of honour " "Karachay-Cherkessia Humanities Research Institute" of Republican State Budget Institution under the government of Karachay-Cherkessia Republic.

369000, KCR, Cherkessk, Gorky str. 1A.

E-mail: fo7799@rambler.ru

Ostakhov Anzor Aleksandrovich, Candidate of History, teacher of history and social science of Municipal Budgetary Educational Institution Secondary school №5.

11A Panina Street
Safonovo-1 town, Severomorsk restricted area, Murmansk region, 184621
Ph. +7 (81537) 4-87-38
E-mail: shkola5_s1@mail.ru

Dzhumagulova Aigul Temerhanovna, candidate of historical sciences, senior lecturer department of history, law and social sciences «Stavropol state pedagogical institute» branch in Essentuki.

357600, Stavropol Territory, Yessentuki, St. Valley of Roses, 7
Tel.: +7 (928) 350-81-99
E-mail: aigul-men@mail.ru

Abaeva Asiyat Musaevna

Institute for the Humanities Research, Filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences».

Junior researcher of sector of a medieval and modern history
360000 KBR, Nalchik, Pushkin St., 18
Tel.: 8 928 7094717
E-mail: asiatg@mail.ru
360000 KBR, Nalchik, Popova St. 110

Hakuasheva Madina Andreevna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Sector of the IGI KBSC RAS.

360015, Nalchik, Pushkin 18
Tel. 8 905 436 11 17
E-mail: dinaarma@mail.ru

Научное издание

**АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
СЕВЕРНОГО КAVKAZA**

Выпуск 8

Компьютерная верстка
К.М. Шамаховой

Подписано в печать 16.05.2018
Формат 70x108 ¹/₁₆. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ 207

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: (8662) 42-46-97, 42-50-94, <http://www.kbigi.ru>

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе ИГИ КБНЦ РАН

